

АНДРЕЙ
ЛИВАДНЫЙ
АБСОЛЮТНОЕ ОРУЖИЕ
РАЙВЕН

Annotation

3750 год.

Люди уже давно знают что три миллиона лет назад в космосе обитало три разумных расы, которых, как считалось, смела губительная миграция Предтеч. И вот внезапное открытие картографическим крейсером «Терра» потерянной колонии эпохи Великого Исхода опровергает утверждения историков. Часть цивилизации инсектов уцелела и теперь их деградировавшие потомки ведут взаимоуничтожающую войну с людьми, вторично колонизировавшими их мир.

* * *

Подсерия «Мать» #1

Андрей Ливадный Деметра (ЭКСПАНСИЯ: История Галактики — 24) (Мать — 1)

Часть первая. Дитя бездны

За какой-то чертой, средь незримых границ,
Где забытые боги оставили след,
Предначертан твой путь… Сотни каменных лиц
Смотрят с темных руин… Бездна прожитых лет
Исказила черты и растрескала лбы,
И фасетчатых глаз тусклый блеск неживой
Отражается в лужах стоячей воды,
В мире, что предначертан жестокой Судьбой…

Ты слабым был, когда пришел сюда…
Твои надежды рассыпались в пепел,
Смывала их осенняя вода…
И ты не вспомнишь, — был ты… или не был?
А в памяти лишь боль… и холода…

Глава 1. Астероиды

— Папа, расскажи мне о звездах!

Антон повернулся на бок и посмотрел в дверной проем. Из смежной каюты, откуда на пол спальни через открытую дверь падал косой столб света, доносился тихий шелест охлаждающего вентилятора. Отец, сидя за рабочей консолью, в задумчивости перебирал только что полученные прозрачные свитки курсовых карт.

— Мне некогда, сынок, — не поворачивая головы, ответил он.

— Ну па… ты же обещал! — В голосе десятилетнего мальчика не было капризных ноток, лишь непоколебимая детская уверенность в том, что взрослые ничего не обещают просто так. — Ты помнишь, вчера? — простодушно намекнул он.

Отец, все еще занятый своими мыслями, со вздохом отложил тонкие свитки недосмотренных курсовых распечаток и встал.

— Ну хорошо, — согласился он, подсев на край детской откидной кровати.

— Что тебе интересно?

— Все! — радостно встрепенулся Антон. — Все, что мне не говорят андроиды! — он скорчил рожу, изображая лицевую пластину человекоподобного робота. — Терпеть ненавижу! — признался он.

— Это почему же? — усмехнулся отец.

— А ну их. Вечно пристают: туда не ходи, это не трогай…

— Ну они же заботятся о тебе, — возразил отец. — Ты уже взрослый и должен понимать, что нам с мамой бывает некогда уделить тебе достаточно времени. Люди для того и придумали роботов…

— Ладно, па… не надо! Давай о звездах! Знаешь, что мне сегодня сказал Илья Матвеевич? — Антон внимательно посмотрел на отца, пытаясь придать своему лицу то сосредоточенно-серьезное выражение, какое бывало у их капитана Белгарда, когда тот разговаривал по внутренней связи.

— Ну?

— Он сказал, что вокруг нас злые звезды! — сообщил Антон. — А я ему не верю! — тут же похвастался он. — Вон смотри, — он ткнул указательным пальцем в сторону миниатюрного экрана, вмонтированного в переборку напротив кровати.

— Эта голубая, какая она яркая и чистая!

— Илья Матвеевич неправильно выразился, — невольно улыбнулся отец. — Ты должен запомнить, что не бывает злых или добрых звезд. Они все одинаково неживые, только одни могут быть опасны для людей, а другие — нет. Понимаешь, звезды… — он сделал короткую паузу, подбирая нужное слово, — они неодушевленные, как и вся космическая материя, и потому не могут быть злы. Нельзя подразделять их, пользуясь человеческими понятиями чувств. Ты понимаешь, о чем я?

— Ага… — согласился Антон. — Понимаю, папочка.

— Ну, что еще тебе наговорил наш навигационный гений? — вновь улыбнулся отец, представив, как первый навигатор «Терры» философствует перед Антоном.

— Да так, ничего… Кстати, пап, а почему меня не пускают в невесомость?

— Потому что там опасно. Расквасишь себе нос. Лучше расскажи, что ты сейчас проходишь?

Глаза мальчика поскучнели.

— У… — протянул он, — сегодня я занимался основами биологии кислородных планет.

— Интересно?

— Скучно, — пожал плечами Антон. — Мне больше нравится история Галактики! — с жаром заявил он.

— История Галактики?.. — рассеянно переспросил отец, мысли которого незаметно перескочили на проблемы полета. — Но ведь тебе еще рано!

— Я только немного почитал… — смутился мальчик. — Файлы по истории такие интересные…

— Не забивай себе голову, — строго сказал отец, — всему свое время. А без знания экзобиологии в наш век иногда бывает просто не выжить. И истории тебе будет не понять, потому что развитие и колонизация большинства населенных планет были предопределены именно их биологической средой… Ладно, спи… — он взъерошил волосы сына. — Мне скоро на вахту, — объяснил он, — а еще нужно разобраться с полетными картами.

— А ты не сердишься?

— За что?

— Ну ведь я без спросу лазил по файлам компьютера…

— Нет, не сержусь, — улыбнулся отец. — Любознательность — это не порок. Игорь Велюров, первый офицер картографического крейсера «Терра», поцеловал сына и, подойдя к стене, погасил свет, оставив сиять

лишь маленький, вмонтированный в переборку между каютами проекционный стереоэкран, на котором медленно перемещались, реагируя на коррекции курса корабля, немигающие россыпи звезд.

— А мама скоро вернется? — поинтересовался из темноты голос Антона. — Она поцелует меня?

— Ну, конечно, — Игорь приоткрыл дверь в смежную каюту, и на пол детской, прорвавшись через овальный дверной проем, вновь упал косой столб света. — Только боюсь, что ты уже будешь спать, — лукаво добавил он. — У мамы вахта до полуночи.

Антон вздохнул и повернулся на бок.

— Тогда зайди к ней и передай от меня спокойной ночи… — сонным голосом попросил он.

Игорь кивнул и прикрыл дверь, оставив лишь небольшую щель. Сам он, будучи маленьким, не любил засыпать в полной темноте.

Усевшись в кресле за подковообразным рабочим столом, под темной поверхностью которого перемигивались приглушенные покрытием столешницы контрольные огоньки сенсорных панелей, он включил канал записи бортового журнала и проговорил, одновременно набирая на консоли бытавтомата меню своего позднего ужина:

— Сегодня двадцать девятое мая три тысячи шестьсот девяносто восьмого года по универсальному Галактическому календарю… В ноль часов пятнадцать минут бортового времени наш корабль пересек границу последней, включенной в полетный план планетной системы… — он на секунду задумался. Тихо пискнул зуммер бытавтомата, и первый офицер «Терры» повернулся, чтобы забрать из ниши поднос со своим ужином.

— Обстоятельства складываются таким образом, что после исследования этой системы мы будем вынуждены завершить полет… — продолжил он диктовать запись. — И, хотя Белгард считает, что восьми обнаруженных нами в течение полета кислородных планет мало, для экипажа вопрос о возвращении становится уже едва ли не самым важным предметом разговоров.

Игорь нажал сенсор паузы и пододвинул к себе поднос.

Двенадцать лет… Эта цифра даже сейчас звучала ошеломляюще. Двенадцать лет назад картографический крейсер «Терра» покинул орбиту Порт-Эверанса — так именовалась одна из недавно возникших колоний Окраины. Полет «Терры» был экспериментом, от успешного завершения которого во многом зависело будущее космической картографии.

Впервые за последнюю тысячу лет был возрожден исторический опыт безанабиозного полета, когда экипаж не погружался в криогенные

усыпальницы на период, пока крейсер преодолевал межзвездные расстояния. Команда «Терры», составленная путем скрупулезного психологического отбора на совместимость, состояла из двадцати пяти человек и представляла собой уникальную научную группу. Они исследовали не только открытые планеты, но и гиперсферу, куда периодически погружался крейсер для коротких, «полуслепых» прыжков, и состав межзвездной среды, и многое другое. Сам корабль, построенный по принципу «космического дома», тоже являлся своего рода уникальным.

На излете тридцать седьмого века человечеству вновь становилось тесно в границах колонизированных миров. Цивилизация явно стояла на пороге новой волны галактической Экспансии, но, учитывая горький опыт Первого и Второго рывков, когда масса колониальных транспортов канула в неизвестность, их полет должен был доказать, что длительная жизнь в условиях корабля вполне возможна и эпоха «слепых прыжков» прошла. Отныне специально подготовленные экипажи вполне могли вести колониальные транспорты от планеты к планете в поисках того единственного мира, который удовлетворит потребностям человеческого метаболизма. Восемь кислородных планет, три из которых были потенциально готовы стать колониями, — вот тот результат, которого до них не добивался ни один исследовательский корабль, управляемый самыми совершенными кибернетическими системами.

Игорь покончил с ужином и убрал поднос. Вернувшись к рабочему столу, он продолжил запись:

— Двенадцать лет… — повторил он вслух свою недавнюю мысль. — Вот тот срок, который можно назвать пределом человеческого терпения даже в таких продуманных, комфортных условиях, что дает нам «Терра». За это время мы углубились в область неисследованных секторов на девять с половиной парсек, что составляет около трехсот десяти световых лет. Нами было исследовано двадцать восемь планетных систем и накоплен бесценный опыт навигации. Сейчас нам предстоит последняя работа по исследованию двадцать девятой по счету системы и затем — прыжок «домой» на известные координаты Порт-Эверанса…

Игорь взглянул на таймер бортового хронометра и внезапно добавил:

— Мы уже восемнадцать часов движемся в границах системы, и все это время меня почему-то не покидает необъяснимое, с точки зрения здравого смысла, беспокойство. Видимо, мы все вышли на какой-то предел, и сама мысль о последней задержке на пути домой и связанном с ней минимальном риске действует угнетающе. Думаю, что в своих рекомендациях я буду настаивать на сокращении срока таких полетов до

границы в десять универсальных лет Галактического календаря…

Игорь немного подумал, но не нашел, что еще можно добавить к сказанному. Вроде бы все и так предельно ясно.

— Конец записи, — проговорил он, вставая из-за рабочего стола. — Следующую надеюсь сделать уже по пути домой.

Он коснулся сенсора, выключив микрофон, погасил свет и, заглянув в каюту к сыну, вышел в широкий кольцевой коридор. Через час им предстоял маневр сближения со второй планетой системы, и Игорь надеялся, что еще успеет заглянуть в оранжерею, где работала жена, и передать пожелание Антона.

* * *

Антона разбудил настойчивый зуммер.

Оторвав голову от подушки, он привстал на локте и сонным, непонимающим взглядом уставился на моргающий в метре от него зеленый сигнал.

Зуммер продолжал выводить свою настойчивую трель.

«Интерком…» — понял Антон, окончательно проснувшись.

Откинув одеяло, он встал и прошлепал босыми ногами по холодному полу до стены, в которую была вмонтирована панель внутренней связи.

Никого из родителей в каютах не было, это мальчик определил сразу, бросив мимолетный взгляд на светящееся в темноте табло бортового хронометра. Было только начало двенадцатого, а значит, мама еще не вернулась, а отец уже ушел. Он всегда, прежде чем заступить на вахту в астромодуле, проходил по всем важным помещениям корабля.

Отжав клавишу связи, Антон отступил на шаг назад, как это делал отец, чтобы попасть в поле зрения крохотного объектива видеосистемы.

Экран осветился, и на нем, к удивлению мальчика, возникло суровое лицо капитана Белгарда. За спиной Ильи Матвеевича проглядывал фрагмент ходовой рубки крейсера. В такие моменты (а они выпадали крайне редко) Антону всегда неодолимо хотелось попросить капитана, чтобы он отодвинулся и дал ему возможность заглянуть туда — в святая святых огромного корабля, но, как обычно, он не решился этого сделать.

— Доброй ночи, мой мальчик, — проговорил капитан густым басом. — Я тебя разбудил?

— Ничего, дядя Белгард, я совсем не спал…

— Скажи, отца разве нет в каютах?

— Нет.

— А ты не знаешь, куда он пошел?

Антон, почти не раздумывая, пожал худенькими плечами. Откуда же ему было знать?

Илья Матвеевич нахмурился.

— Наверное, он в оранжерее, — наконец решил капитан. — Только там он мог оказаться далеко от динамика интеркома. Я вызывал его по общей связи, но ничего не получилось… — капитан старался говорить спокойно, но мальчик ясно различил в его голосе тревожные нотки. — Послушай, сынок, тебе ведь нетрудно добежать до оранжереи? — спросил он. — У меня, как назло, ни одного свободного человека под рукой, а твой папа срочно нужен в ходовой рубке.

— Ну, конечно! — с готовностью согласился мальчик, шаря рукой впотьмах, чтобы найти сложенную у кровати одежду. Дядя Белгард еще спрашивал?! Что может быть лучше прогулки по кораблю в ночное время да еще по приказу самого капитана!

Тем временем интерком отключился. Антон нашел одежду и зажег ночник, чувствуя, что его внезапно охватило неосознанное беспокойство, словно то волнение, что он почувствовал в словах дяди Белгарда, передалось и ему.

Распаленное детское воображение тут же подсказало ему, что на корабле или же вне корабля что-то случилось.

Быстро натянув одежду, мальчик выскочил из каюты в кольцевой коридор яруса. Свернув в первый попавшийся радиальный тоннель, он добежал по нему до шахты пневматического лифта, вошел в пустую кабину и нажал кнопку четвертого уровня.

Коридоры этой части крейсера были так же пусты и безлюдны. Из-за расписания искусственной ночи лампы тут горели через одну. Многочисленные двери отсеков были плотно закрыты, и из-за них не доносилось ни звука. Антон добежал до входа в оранжерею и нетерпеливо ткнул столбиком личного пропуска в гнездо электронного замка.

Двойные герметичные двери открылись с мягким чавканьем пневмоуплотнителя, и он оказался на пороге буйного сада, освещенного ярким сиянием оранжерейных ламп и призрачным светом звезд, струившимся сквозь прозрачный пластик потолка и части стен.

Одна звезда казалась особенно близкой и яркой, она походила на ослепительную голубую горошину, и Антон невольно подумал, что это, наверное, и есть последний пункт их полета.

Вокруг незримо присутствовала своя, неповторимая жизнь. С одной стороны, можно было сказать, что в оранжерее царит тишина, но стоило остановиться и прислушаться, как буйные заросли вокруг оказывались

полны тихих ночных звуков. Сонно шевелилась листва, мерно покачиваясь под легкими дуновениями вентиляционной системы, далеко, в глуби оранжереи, слышался монотонный звук сервоприводов робота, где-то капала вода, срываясь в невидимый отсюда водоем.

Панорамные окна примыкающих к оранжерее биолабораторий были темны. Антон быстро пробежал по центральной аллее до входа в лабораторный комплекс, подергал запертую дверь, обернулся и позвал:

— Мама! Папа!

Он повертел головой, в надежде увидеть кого-нибудь из взрослых, но оранжерея казалась пустой и безлюдной. Антон почувствовал безотчетный страх, который маленьким холодным язычком лизнул его грудь как раз в том месте, где гулко колотилось сердце.

Взгляд Антона вновь метнулся по зарослям, и вдруг он вздрогнул, краем глаза заметив какое-то движение за прозрачным армированным сводом оранжереи, где в холодной пустоте космоса сияли звезды.

В следующий момент его обуял ужас.

Там, за прозрачным сводом, звезды заслонила мерцающая тень. Это было похоже на огромное, струящееся медленными волнами опахало, размером с половину обозримых небес… Оно было черно, как ночь, и лишь вспыхивающие тут и там искорки света обозначали в пространстве его исполинский контур. Это волнообразное, похожее на тысячекилометровый, вышитый блестками прямоугольный парус образование медленно поворачивало навстречу их кораблю, но ужас в оцепеневшего мальчика вселило не это фантастическое покрывало из тьмы, а то, что располагалось чуть впереди его.

Сквозь прозрачный свод оранжереи он отчетливо видел несколько десятков огромных каменных глыб, которые этот растянувшийся в пространстве веер гнал перед собой прямо на купол, под которым в этот момент находился мальчик…

Неправда, что внезапная опасность рождает фантастические по своей скорости реакции… Антона буквально пригвоздило к месту. Разинув рот, он беспомощно стоял посреди центральной аллеи корабельного сада и смотрел, хотя сонный мир вокруг него наконец ожил, взорвавшись многоголосьем сирен, голосами, каким-то движением…

Астероиды… Это страшное слово не давало ему пошевелиться. Все вокруг почему-то утратило смысл, остались только эти многотонные каменные глыбы, которые были уже так близко, что он мог различить их неровную, выщербленную поверхность, освещенную бортовыми навигационными огнями крейсера и отчаянными вспышками

корректирующих дюз…

— «…Тревога!» — хорошо поставленный женский голос мягко выговаривал страшные по своему смыслу слова, словно это могло кому-то помочь…

— «Всем проследовать в ближайшее укрытие…» — мягко советовала аудиосистема бортового кибермозга, вещая через сотни скрытых динамиков общей связи. — «Угроза полной разгерметизации отсеков правого борта. До столкновения с астероидными массами осталось десять секунд… Девять… Восемь…»

Черное опахало закрыло уже весь обозримый небосвод. Его края внезапно начали загибаться, словно оно пыталось обнять корабль…

Сбоку от оцепеневшего мальчика в нише, расположенной рядом с запертым входом в лабораторный комплекс, внезапно возник столб изумрудного света — это включилось защитное компенсирующее поле…

— «Пять секунд до столкновения… Три…»

— Мама! — в ужасе закричал Антон, когда первая глыба ударила в корабль, заставив его содрогнуться от носа до кормы.

Прокатившаяся по палубам корабля тяжкая конвульсия сбила его с ног. Он упал, больно ударившись локтем о какой-то выступ, и это наконец вырвало мальчика из пагубного оцепенения.

Вскочив на ноги, он метнулся к столбу изумрудного света, чувствуя, как резко начала падать искусственная гравитация и пол вдруг стал уходить из-под ног, рождая тошнотворное ощущение невесомости тела.

Антону повезло. Он успел коснуться спасительного свечения прежде, чем раздирающие корабль силы протащили его мимо.

Компенсирующее суспензорное поле мгновенно потянуло его вовнутрь. Как и на практических занятиях, Антон почувствовал легкое сопротивление, словно его тащило через студень, потом мир вокруг вдруг обрел кристальную ясность, и он понял, что стоит внутри светящегося столба, не в силах пошевелить ни одним мускулом.

В этот момент один из астероидов ударил в оранжерею.

Полукилометровая каменная глыба, вынырнув из мрака космоса, на секунду сверкнула своими угловатыми гранями, поймав отсветы от сотрясавших корабль взрывов, и с надсадным, тяжким треском врезалась в прозрачный пластиковый купол оранжереи.

Антону очень хотелось, чтобы все это было лишь кошмаром, дурацким сном, чьей-нибудь неумной шуткой, но он не мог даже зажмуриться или отвести глаза — физическая природа защитного поля не позволяла ему ни одного движения… Он мог лишь в немом оцепенении

смотреть, как край глыбы коснулся купола и пластик вдруг начал медленно проседать под напором незваного космического гостя; по своду оранжереи зазмеились трещины, материал купола стал плавиться, принимая формы наседающей глыбы, и вдруг… верхняя часть свода, не выдержав напора, лопнула, осыпавшись вниз горячими, острыми осколками, а в образовавшуюся дыру, куда продолжала вламываться угловатая, темная глыба камня, рванул воздух.

Встреча двух стихий была чудовищна. По всей оранжерее, площадь которой достигала нескольких квадратных километров, закрутились мутные смерчи, срывая ветви с кустов и деревьев. Потоки воздуха рванулись в пробитое астероидом отверстие; их напор оказался так силен, что стремящийся вырваться в вакуум воздух сначала затормозил уже потерявшую часть своей скорости при столкновении каменную глыбу, а через несколько секунд и вовсе вытолкнул ее назад, в космос, словно плохо пригнанную пробку из горлышка бутылки…

Антон видел, как лопнули осветительные приборы, раскидывая вокруг фейерверки искр, и в центре оранжереи возник мутный столб торнадо, который, уходя вверх, мгновенно увлекал за собой все: вырванные с корнем растения, которые уже скорчились и пожухли от ворвавшегося вовнутрь космического холода, какие-то приборы, стойки и даже землю из длинных пластиковых ванн, сами ванны и наконец…

Сознание мальчика не смогло выдержать этой картины. Ему оказалось достаточно боковым зрением заметить силуэт поднимающегося в потоке воздуха к пробитому потолку человеческого тела, чтобы в его голове вспыхнула невыносимая, превышающая все мыслимые пределы боль, и он провалился в спасительное беспамятство…

Впрочем, его забытье оказалось недолгим. Суспензорное поле, в котором он находился, являлось не просто потоком силовых линий. Антон даже не представлял себе того принципа, на основе которого функционировал спасательный световой столб, просто он слышал, что это недавнее изобретение было установлено на их корабле в качестве эксперимента. Считалось, что при аварии и разгерметизации отсеков человек может прожить внутри такого устройства до нескольких суток. Ярко-зеленая окраска силового потока была придумана специально, чтобы облегчить поиск спасательным командам…

Он не мог открыть или закрыть глаза. Просто в какой-то момент перед ним начали проступать смутные, размазанные очертания окружающих предметов. Через некоторое время, окончательно придя в себя, Антон понял, что перед ним скелет оранжереи…

Сердце мальчика сжалось от страха. Он был еще слишком мал для того, чтобы трезво оценить масштаб постигшей их корабль катастрофы, но открывшаяся перед ним картина потрясла Антона до глубины души… Он вдруг оказался в совершенно чужом, страшном и незнакомом мире, где не было ничего, что он мог бы узнать… Катастрофа произошла не с кораблем — весь мир рухнул и изменился. Внутри суспензорного поля Антон не был подвержен губительному воздействию вакуума и космического холода, но ему до бесконтрольного спазма легких и продравшего по коже озноба вдруг показалось, что расплескавшаяся в пробоине Бездна тянет к нему свои ледяные, корявые пальцы, чтобы превратить его тело в такую же сморщенную бесформенную массу, которая образовалась на том месте, где еще совсем недавно буйствовала зелень оранжерейной растительности.

Вместо прозрачного купола над головой Антона возвышался покореженный каркас арматуры. Это было похоже на смятую клетку с погнутыми прутьями, внутри которой в состоянии невесомости плавал различного рода хлам…

За прутьями клетки, на фоне зелено-голубого шарика планеты, проплывали клочья разорванного опахала. Его искрящиеся вкрапления погасли, и куски черноты, размером с половину их корабля, то и дело проплывали в поле зрения, закрывая звезды и сияющий полумесяц близкой планеты.

Антону ужасно хотелось кричать. Такого чувства беспредельной тоски, заброшенности и одиночества он не испытывал никогда. Добрый, надежный мир звездного корабля, где были мама и папа, друзья, взрослые, внезапно превратился в ничто…

За всю свою короткую жизнь Антон ни разу не испытал ничего, даже отдаленно похожего на те чувства, что заставляли сейчас картину немигающих звезд расплываться перед его глазами. Он не знал, что такое горе и ненависть. Все были одинаково добры к нему — первенцу, родившемуся на борту «Терры» еще в самом начале полета… и вот их нет. Нет никого…

Впоследствии Антон не мог вспомнить, сколько времени он провел внутри суспензорного поля. Единственное, что отчетливо сохранила в себе его память, — был страх. Страх перед космосом. Он изнывал от него, не в силах владеть собственным телом и постоянно с ужасом представляя, как гаснет изумрудный защитный столб и он, лишившись этой последней защиты, падает в ледяные объятия мрака…

Он не знал, что в самом деле произошло с кораблем, но надежда в

сердце мальчика то угасала, то разгоралась вновь с удвоенной силой. Его детскому воображению было трудно представить, что «Терра» уничтожена полностью. Казалось, еще немного, и среди исколотого звездами мрака вспыхнет свет и в разрушенной оранжерее появятся фигуры в белоснежных скафандрах, которые вытащат его из светового столба, но шли часы, надежда сменялась отчаянием, и никто не приходил, лишь холодный свет далеких звезд да сияние близкой планеты, которая медленно наползала на разрушенный корабль, освещали панораму развороченной оранжереи, в углу которой сиротливо горел двухметровый изумрудный столб света.

Потом Антон окончательно обессилел и перестал воспринимать реальность. Он уже не мог с точностью определить, что происходит в его воображении, а что наяву. Возможно, поэтому мальчик не испугался и не удивился, когда увидел между искореженными опорными фермами две темные фигуры.

Они казались похожими на людей, но стоило присмотреться к ним, как это сходство становилось лишь схематичным. Существа, в реальность которых было трудно поверить, медленно пробирались меж обломков, и на них не действовала царящая вокруг невесомость.

Антон, который не мог шевелиться, равнодушно смотрел, как две лишенные плеч фигуры приближаются к сияющему столбу суспензорного поля. Мальчика, уже десяток раз успевшего пережить свою воображаемую агонию, совершенно не удивил их облик. Он был уверен, что они не настоящие. Это было похоже на насмешку. Люди не носили таких скафандров. Самым большим желанием Антона в тот момент было закрыть глаза и не видеть этих воображаемых фигур.

Но это было невозможно. Фигуры, раздвигая короткими руками парящие в невесомости обломки, уже приблизились настолько, что он смог различить зеленоватые отблески на покрывавшей их тела броне и змеящиеся по ней гофрированные шланги, концы которых уходили за спины существ и, изогнувшись, исчезали в продолговатых каплеобразных шлемах, напрочь лишенных лицевых щитков.

Тонкие ноги существ, как и короткие руки, казались приклеенными к туловищу с боков. Зрелище было отвратительным. Фигуры без плеч, с каплеподобными головами остановились совсем рядом и, казалось, разглядывали его, едва заметно покачиваясь на длинных, широко разнесенных в стороны суставчатых ногах…

Антона обуял ужас… В который раз за последний отрезок безвременья?.. Мальчик был едва жив, и то благодаря тому, что попросту не мог шевельнуться в цепких оковах суспензорного поля… иначе он уже

давно бы совершил сотню разных поступков, каждый из которых неминуемо вел к смерти в условиях постигшей корабль глобальной катастрофы…

Внезапно его обострившееся от ужаса восприятие окружающего мира донесло какой-то слабый, прозвучавший на пределе слышимости голос. Звук, который, казалось, звучал не в ушах, а прямо в мозгу, чем-то напоминал слышанный им однажды скрип заржавевшей петли ангарного створа…

И тем не менее он понял его смысл!

— Видишь, Зерг, к чему приводит упрямство… — проскрипел голос.

Антон не мог сообразить, сложились ли скрежещущие звуки в известные ему слова или же он попросту понял значение этого скрипа, но так или иначе…

Одно из существ слегка отклонило свою голову.

— Это не упрямство… — ответил скрип немного иной тональности. — В данном случае имеет место слепое стечение обстоятельств. Этот корабль вышел из гиперсферы, и мы не могли предвидеть его столкновения с энтрифагом…

— Это корабль двуногих… — вновь вступил первый скрежет. — Космический корабль двуногих… — повторил он. — Ты понимаешь, что это значит, Зерг? Они прилетели на помощь планете. Разве тебе мало этого факта? Твое упрямство не дало нам вовремя истребить эту нечисть, и вот результат…

Антон ровным счетом ничего не понял. Знакомые ему понятия складывались в какую-то головоломку.

Одно из существ еще больше приблизило свою каплеобразную голову к столбу суспензорного поля.

— Это детеныш… — прошелестел голос в сознании обмершего от страха и отвращения мальчика. — Он попал в ловушку, и ему не выбраться отсюда без посторонней помощи…

— Ну и что? — перебил его визгливый скрип. — Ты что, собираешься помочь ему? Детенышу наших врагов?

— Мы не воюем с ними.

— Да… это они воюют с нами. Они воюют со всем, что имеет способность жить и размножаться…

— Это беспомощное маленькое существо, — спокойно возразил тот скрипучий голос, что принадлежал Зергу. — Оно погибнет, и это будет на моей совести.

— Здесь погибло много существ, — напомнил второй.

— Это была катастрофа, — резонно заметил первый голос. — А если мы сейчас уйдем, это будет убийством.

— Ты не понимаешь, что говоришь, Зерг… Впрочем, поступай как знаешь… Этот корабль все равно обречен. Еще немного, и он рухнет в атмосферу.

Антон, оцепенев от ужаса, слушал этот непонятный диалог и не понимал, явь это или же нет.

Внезапно одно из существ подняло короткую руку, и он почувствовал, как прямо в мозгу вдруг закружилась ослепительная, сотканная из тысяч ослепительных искр спираль.

В следующий момент на него со всех сторон навалилась оглушающая тьма.

* * *

— Ну, Антон, миленький, очнись… ну же!.. — эти слова, дошедшие до сознания мальчика сквозь вязкую пелену беспамятства, сопровождались ощутимыми шлепками по его щекам и острым, режущим обоняние запахом чего-то медицинского…

Он открыл глаза, и сквозь мутный туман внезапно проступили черты склоненного над ним бледного лица.

Он с трудом узнал капитана Белгарда. Его скула была одним сплошным кровоподтеком, лоб и переносицу пересекала уродливая царапина с рваными краями, на которой сгустками запеклась кровь.

— Ну наконец-то!.. — облегченно выдавил из себя капитан, бессильно откидываясь назад, как оказалось, в кресло, вплотную придвинутое к откидной койке, на которой лежал Антон. — Я думал, что потерял и тебя, мой мальчик… — хрипло выдавил Илья Матвеевич.

— Дядя Белгард… — прошептал Антон, и слезы внезапно брызнули у него из глаз. Горло мальчика сдавил удушливый спазм, и он откинул голову на подушку, бессмысленно глядя в рифленый потолок капитанской каюты, лишь чувствуя, как горькая волна сжимает гортань и слезы горячими ручейками бегут по щекам, капая на постель.

Сильная рука капитана обняла его, пытаясь успокоить. Но от этой скупой ласки Антону стало еще хуже…

Его мир окончательно погибал в эти секунды, и он ничего не мог с этим поделать…

Он резко отстранился, скинув руку Ильи Матвеевича, и, прижавшись к стене, сквозь слезы взглянул на бледного капитана.

— Никого?.. — выдавил из себя Антон страшный вопрос. — Никого

больше нет?

— Никого, мой мальчик… — с трудом проговорил капитан. — Только ты и я…

Антон закрыл глаза. Илья Матвеевич что-то добавил, но он не слышал больше его слов, потому что в мозгу Антона гулкой болью пульсировало, повторяясь до бесконечности, только одно это слово — «НИКОГО»…

Сколько времени он пролежал в полузабытьи?

Перед плотно сомкнутыми веками, из-под которых ручейками бежали жгучие слезы, воспаленное сознание рисовало лица папы и мамы… Нет… Этого не могло быть!.. Так не бывает на свете!..

Антон вздрагивал, захлебываясь рыданиями, и вновь затихал лишь затем, чтобы опять провалиться в полную жгучего горя пустоту…

Потом, когда кончились слезы и силы, он открыл глаза, совершенно не понимая, что делать дальше, как жить…

— Я хочу есть… — услышал Антон свой собственный голос, прозвучавший откуда-то со стороны. Он не соображал, зачем произнес эту фразу. Просто ему нужно было что-то говорить, делать, лишь бы не молчать…

Капитан, погруженный в свои мрачные мысли, вздрогнул и поднял на него покрасневшие глаза.

— Сынок, попробуй поискать что-нибудь сам… — виновато ответил он. — Там в нише бытавтомата, должно быть, осталось что-то от последнего ужина…

Антон встал, действуя словно в полусне. От слабости у него кружилась голова, веки, опухшие от слез, больно пощипывало. Он чувствовал, что вот-вот расплачется вновь.

«Я так болен… — с детской эгоистичностью подумал он. — Капитан мог бы встать и найти мне еду…»

Отойдя пару шагов от койки, он обернулся и посмотрел на Илью Матвеевича. Тот сидел, бессильно откинувшись в глубоком кресле. Его форменный полетный комбинезон был местами порван и испятнан кровью.

И еще… у капитана ниже колен не было обеих ног!..

— Дядя Белгард! — в истерике вскрикнул Антон, бросаясь к нему. — Простите меня, я не знал! Я не видел!..

Его маленькое тело тряслось от конвульсивных рыданий…

— Ничего, мой мальчик… Ничего… — шептал капитан, силясь не застонать от боли и поглаживая светлые волосы прильнувшего к его груди мальчика. — Главное, что ты сумел выбраться из этой проклятой оранжереи.

Антон вздрогнул, подавившись рыданиями… Жуткий холод вдруг резанул по груди… Значит, это не дядя Белгард вытащил его из столба суспензорного поля? Значит, те существа были на самом деле? Или их не было?

Ему было страшно… Этот страх, забравшись в детскую душу, постепенно сжимал все сильней и сильней крохотное, гулко бьющееся сердце.

— Найди мне аптечку, Антон… — простонал капитан, не в силах больше терпеть сжигавшую его боль.

Антон кивнул, вытирая слезы. Порывшись в развороченной каюте, где вещи, высыпавшиеся из шкафов, при ударе перемешались друг с другом, он не без труда нашел продолговатый цилиндр аварийной аптечки и протянул ее капитану.

Лицо Ильи Матвеевича наконец расслабилось. Он сделал себе укол и на минуту обессиленно затих. Затем, оправившись, он порылся в содержимом футляра и протянул Антону две маленькие капсулы:

— Пей.

Антон послушно проглотил янтарные шарики в безвкусной оболочке.

— Что это, дядя Белгард? — удивленно спросил он, почувствовав, как проясняется в голове, а голод исчезает.

— Стимултоник, сынок… — объяснил капитан, глотая несколько таких же капсул. — Но без моего ведома не бери, ты понял? — строго спросил он и тут же объяснил:

— Это сильное лекарство. Оно позволяет очень усталому человеку вновь стать бодрым, но его частое применение может привести к плохим последствиям.

Антон понуро кивнул. Его мысли в этот момент были заняты совсем другим.

— Дядя Белгард, — Антон почему-то не решался назвать его «капитан», — что с нами будет? Мы умрем?! — спросил он и замер, широко открыв глаза в ожидании ответа.

— Успокойся, мой мальчик! Мы останемся жить, у нас с тобой есть все шансы! — горячо заверил его Илья Матвеевич.

Капитан Белгард лгал Антону. Их разрушенный астероидным ударом корабль уже попал в гравитационное поле второй планеты системы и медленно, но неотвратимо приближался к границе ее атмосферы. В течение нескольких ближайших часов должна была наступить развязка, и Илья Матвеевич знал об этом…

* * *

Картографический разведывательный крейсер «Терра», построенный в 3685 году на стапелях космоверфи планеты Кьюиг, представлял собой собранную из отдельных модулей двадцатикилометровую конструкцию и был предназначен исключительно для межзвездной навигации. Внутрисистемное пространство, особенно там, где пролегали орбиты планет и властвовали мощные гравитационные поля, было строго противопоказано «Терре». Для разведки планет крейсер нес на своем борту три малых разведывательных корабля, которые были запаркованы в его трюме.

«Терра», в переводе с одного из древних языков, означает — Земля. Это слово было известно в Галактике каждому, кто имел хоть какое-то понятие о космосе, звездах и истории. Для одних людей термин «Земля» означал не более чем древнее название, для других он олицетворял собой войну, для третьих это была недосягаемая мечта, для четвертых символ вечности и преемственности поколений.

Люди, отправившие двенадцать лет назад картографический крейсер в бездну неисследованного космоса, относились к части наиболее развитой галактической цивилизации. Они назвали корабль именем древней прародины, от которой в свое время видели немало зла, желая выразить свою уверенность в необратимости развития человеческого разума. Прошлое оставалось прошлым, а полет «Терры» был шагом в будущее, навстречу третьей волне галактической Экспансии человечества…

И вот этот могучий корабль, предмет гордости целой звездной системы, погибал. Разрушения, причиненные ему ударом астероидов, были непоправимы. Весь правый борт «Терры» был уничтожен, бронеплиты обшивки смяты, искорежены, а в некоторых местах и вовсе пробиты насквозь или сорваны касательными ударами многотонных каменных глыб. Вокруг искалеченного корабля парили облака мелких обломков, сгустков расплавленного во время взрывов и вновь застывшего в вакууме металла, различные предметы, контейнеры, приборы, вещи…

Корабль, медленно вращаясь вокруг своей оси, неуклонно приближался к приветливому, зеленовато-голубому шарику второй планеты системы. И несмотря на чудовищные разрушения, в его недрах, среди покореженного катастрофой металла, теплились две человеческие жизни.

Капитан Белгард сидел на рифленом полу стартового трюма номер семь. Его лицо хранило следы боли, бессонницы и жестокой внутренней борьбы. Рядом с ним под плоским брюхом спускаемого модуля, присев на

корточки, возился Антон. Руководствуясь советами Ильи Матвеевича, он пытался открыть запасной люк, расположенный в днище единственного уцелевшего после катастрофы спускаемого аппарата.

— У нас с тобой совсем не осталось времени, — произнес капитан.

— Дядя Белгард, я стараюсь… — пыхтя ответил Антон, который, действуя безинерционным ключом, найденным в одном из неповрежденных отсеков, пытался отпустить два больших страховочных болта, которые были вкручены в люк еще до его рождения. Некоторая часть планетарной техники «Терры», тщательно подготовленная к полету еще на Кьюиге, осталась невостребованной во время полета, как, например, этот посадочный модуль, который вплоть до последнего момента оставался на консервации.

Десять стартовых отсеков, которые, как ячейки громадных сот, прилепились под плоским днищем картографического крейсера, пострадали от разрушений значительно меньше, чем расположенные вверху и по бортам помещения, но все же удар астероидов достиг и этой части корабля. Общая деформация корпуса вызвала перекос в механизмах отпирания стартовых створов, и многотонные бронированные ворота шлюзов заклинило. Для такого случая и служил седьмой отсек, который считался резервным.

Десятиметровый спускаемый модуль, покрытый белоснежной, еще не тронутой космическими частицами броней, до катастрофы был укреплен на вращающемся ложементе стартовой катапульты, но во время обрушившихся на корабль ударов его сорвало с места, и теперь он лежал опрокинутый набок.

Антон, выламывая пальцы от непривычных усилий, висел на обрезке трубы, который капитан посоветовал использовать ему как усилитель для рукоятки ключа.

Сам Илья Матвеевич был бессилен помочь мальчику. Он едва удерживал себя на грани потери сознания. Один из основных ударов крупных космических обломков пришелся прямо на купол главной ходовой рубки. В этот момент там находилось десять человек, и лишь ему удалось выжить. Ходовая рубка «Терры» была одним из немногих помещений крейсера, где действовала вторичная, суспензорная защита корпуса, и потому, когда астероид проломил броню, там не произошло полной декомпрессии — автоматически включилось компенсирующее поле, и автоматы поддержания жизни почти мгновенно восстановили давление…

Он пришел в себя в полной невесомости, под бледным светом аварийных ламп. В первый момент Илья Матвеевич не мог разобрать,

каковы последствия обрушившегося на корабль удара. Он был не в состоянии даже сориентироваться в развороченной рубке, которая в считанные мгновения стала неузнаваемой. Вокруг него в невесомости плавали куски оплавленной брони, разбитые приборы и мертвые человеческие тела. Обзорный экран был выбит, и дыру в куполе заполняло зеленоватое сияние суспензорной защиты…

…Капитан Белгард открыл глаза и посмотрел на мальчика, который висел на обрезке трубы, тщетно пытаясь выполнить непосильную работу.

— Погоди, Антон… — прохрипел Илья Матвеевич. Повалившись на бок, он, извиваясь, прополз разделявшие их метры и ухватился за конец трубы.

Вдвоем им удалось выкрутить страховочные болты, а затем, освободив винтовой запор, откинуть крышку вспомогательного люка, который теперь стал единственным входом в опрокинувшийся набок посадочный модуль.

Капитан, скрипя зубами, ухватился за скобы, расположенные в открывшемся проходе, и втащил вовнутрь свое беспомощное тело. Вслед за ним, отводя глаза, чтобы не видеть на месте ног капитана обрубков, в люк влез Антон. Лицо мальчика покрывала землистая бледность, глаза глубоко запали, и вокруг них обозначились синеватые круги.

— Попробуй закрыть люк… — прохрипел капитан, боком вползая в отсек, где перед пультом управления были расположены три противоперегрузочных кресла. По его подсчетам, у них оставалось еще минут пятнадцать до того момента, как обломки «Терры», следуя своему гибельному курсу, войдут в атмосферу планеты.

— Поторопись, Антон… — попросил он, из последних сил затаскивая себя в противоперегрузочное кресло.

Перед глазами Белгарда плавали черные и оранжевые круги. Он действовал словно в полусне и, несмотря на принятый стимулятор, постоянно балансировал на грани глубокого обморока.

Единственное, что держало его в эти минуты, — это ответственность за жизнь мальчика. Не будь рядом Антона, он бы предпочел рухнуть вместе с искалеченным кораблем на поверхность планеты.

Положив дрожащие от боли и напряжения руки на пульт управления, капитан начал активацию систем модуля.

Спустя некоторое время в отсеке появился Антон. Бросив испуганный взгляд на ожившие обзорные экраны, он молча уселся в глубокое кресло и застыл в позе напряженного ожидания.

— Пристегнись… — приказал капитан.

— Я боюсь, дядя Белгард… — тихо признался мальчик.

Капитан, на секунду забыв о сжигающей его изнутри боли, протянул руку и коснулся худенького плеча Антона:

— Мы выберемся… я обещаю тебе.

На самом деле Илья Матвеевич сильно сомневался в успехе. Он не знал, достанет ли у него сил посадить модуль на ручном управлении…

По навигационному дисплею побежали строки сообщений бортового компьютера, справа и слева, на скошенных боковых консолях неярко осветилось несколько экранов и, попискивая, замерцали разноцветные сигналы.

— Антон, ты должен внимательно слушать и в точности делать то, что я скажу… — задыхаясь от нового приступа дурноты, проговорил капитан.

Мальчик кивнул, глядя перед собой в одну точку. Его посиневшие губы мелко дрожали.

— Я постараюсь, дядя Белгард… — пообещал он.

— Тогда все, начинаем. Времени уже совсем нет.

Антон, застывший в кресле в напряженном ожидании команд, отчаянно пытался вспомнить в эти трагические секунды хоть что-нибудь из уроков космической навигации или управления аварийными спасательными капсулами, но тщетно — в его голове были лишь боль, страх и щемящее, тоскливое ощущение непоправимой утраты. Он думал о матери и об отце, не в силах понять, что их уже больше нет… Ему хотелось просто кричать до тех пор, пока вместе с горькими рыданиями не уйдут последние силы…

— «Внимание, активирована система аварийного отстрела стартовых ложементов…» — ворвался в его затуманенный разум мягкий голос бортовой аудиосистемы. — «Повторяю…»

На включенных обзорных экранах было отчетливо видно, как в тесном стартовом отсеке, среди опрокинутых ударами заправочных ферм и разбитой контрольной аппаратуры, ярко вспыхнули уцелевшие сигнальные огни, бросая на свод и стены зловещие красные отсветы.

Внезапно две образующие свод помещения плиты вздрогнули и начали расходиться в стороны. Из образовавшегося прямоугольного отверстия вниз опустились две мощные механические клешни, которые с лязгом сомкнулись на обшивке посадочного модуля и приподняли его над полом.

Белгард пробежал глазами по показаниям контрольных приборов и ввел команду аварийной разгерметизации.

Внизу, где на рифленых металлических плитах располагался

покореженный и совершенно бесполезный теперь ложемент стартовой катапульты, внезапно пророкотал мощный взрыв. Это бортовой компьютер «Терры», повинуясь приказу с пульта управления модулем, отстрелил аварийные крепления. Еще секунда, и весь пол седьмого стартового отсека, вместе с покореженным ложементом, вздрогнул и провалился вниз, подчиняясь напору улетучившейся атмосферы отсека.

Антон взглянул на нижние экраны и невольно зажмурился.

Они висели над бездонным провалом, который от края до края заполнял пухлый шар планеты.

— «Внимание! Десять секунд до расстыковки! Девять… Восемь…»

Внизу, на фоне белесых разводов голубовато-зеленой атмосферы, беспорядочно вращаясь, парила только что отстреленная от корабля секция. Антон понял, что сейчас и они последуют вслед за ней, в эту страшную бездну…

— Дядя Белгард, я не хочу, я боюсь! — испуганно закричал он, перекрыв своим ломким от ужаса голосом монотонные сообщения аудиосистемы…

— Спокойно, сынок! Это всего лишь атмосфера, обыкновенный воздух, понимаешь? Там, внизу, твердая земля.

Мальчик, родившийся на борту корабля, никак не мог разделить уверенности капитана. Все его чувства формировались среди ограниченного пространства корабельных палуб и отсеков. Конечно, он имел возможность постоянно созерцать звездную бездну, но раньше, до катастрофы, она имела для него скорее теоретический, декоративный смысл. И лишь стоя среди зеленоватого сияния суспензорного поля в разрушенной оранжерее, он впервые воочию увидел и почувствовал, как страшна и безжалостна бывает она…

— Нет! — отчаянно вскрикнул он, но было уже поздно.

Механические клешни разжались, и посадочный модуль провалился вниз. Внутренности Антона внезапно замерли, в животе появился неприятный холод, и вдруг его желудок начал подкатываться к горлу.

— Есть отрыв!

Капитан не заметил, что по привычке дублирует голосом сообщения, которые выдавал бортовой компьютер спускаемого аппарата. Бешеный выброс адреналина на некоторое время заглушил его боль и вернул ясность мыслям.

Антон, разинув рот и выпучив глаза, сидел в кресле, отчаянно вцепившись в подлокотники. Его взгляд метался по сторонам, от экрана к экрану, но вокруг была только Бездна да пухлый шар планеты, и лишь

вверху, на самом срезе обзорных секторов, во мраке космоса, вспыхивая разноцветными огнями, медленно удалялась какая-то смутно знакомая ему масса…

Через мгновение его желудок вернулся на место. Это автоматически включились генераторы поля искусственного тяготения. Тихо и монотонно зашелестел вентилятор системы регенерации воздуха, и Антон внезапно почувствовал невероятное облегчение. Вокруг него снова был вполне исправный корабль, пусть маленький, но такой привычный…

Подняв глаза, он вновь увидел удаляющуюся массу покореженного металла, кое-где скупо расцвеченную искрами габаритных огней, и понял, что это их «Терра»…

На глаза мальчика навернулись слезы. Во мрак космоса улетал его дом, то место, где он родился и вырос, где остались тела его отца и матери.

В этот момент он впервые осознал, что потерял абсолютно все, а впереди… впереди была лишь пугающая неизвестность.

Капитан Белгард испытывал в этот момент схожие чувства. Как и Антон, он в оцепенении провожал взглядом уплывающий за срез экранов израненный корабль, и при этом его побелевшие губы беззвучно шевелились…

Из задумчивости его вывели настойчивые звуковые сигналы пульта.

Планета заметно приближалась, казалось, что она начинает давить своей массой на экраны нижнего обзора.

— Смотрите, дядя Белгард! — внезапно вскрикнул Антон, указывая пальцем на один из обзорных экранов справа.

Капитан поднял глаза. В первый момент у него перехватило дыхание от неожиданности, когда он увидел два исполинских черных опахала, которые, лениво перетекая плавными волнами, величественно плыли в верхних, разреженных слоях атмосферы. При этом их иссиня-черная поверхность монотонно вспыхивала тысячью крохотных искр…

— Держись, Антон! — мгновенно отреагировал он, отключая часть автоматики. В руки капитана с тихим, нежным присвистом серводвигателей поднялись штанги астронавигационных рулей.

Это были те самые образования, одно из которых погубило их корабль! Илья Матвеевич понял, что ему нельзя медлить ни секунды, потому что именно удивление и нерешительность погубили «Терру».

Он прекрасно помнил те роковые минуты перед самой катастрофой…

…Начиная стандартную процедуру сближения с планетой, все находившиеся на вахте члены экипажа были прекрасно осведомлены о небольшом скоплении астероидных масс. Курс десяти крупных каменных

глыб и окружавшего их облака космического мусора хотя и пролегал поблизости от траектории движения «Терры», но был абсолютно безопасен для корабля и никак не мог привести к столкновению.

Не мог… Пока за плотным ядром каменных глыб не проступили смутные очертания чего-то эфемерного, похожего на исполинское черное опахало, усеянное яркими блестками. Это «нечто» медленно колыхалось, плавно воздействуя на каменные обломки какой-то неуловимой для приборов слежения силой. Невиданное образование, похожее на опахало или парус, площадью в несколько сот квадратных километров, управлялось с массами астероидов, словно опытный погонщик со своим послушным стадом…

Чем больше Илья Матвеевич думал над этим роковым явлением, тем явственнее начинал понимать, что именно это самое «опахало» и явилось причиной гибели «Терры», как бы фантастично ни звучало подобное утверждение.

Он видел собственными глазами, как *оно* двигалось в космическом пространстве по собственной, не зависящей от законов небесной механики воле и *гнало* впереди себя компактную массу астероидов!

…И вот теперь, сжав моментально взмокшими ладонями пористую, прорезиненную поверхность рулей, он со страхом и смятением наблюдал сразу два подобных образования, которые двигались в непосредственной близости от пологой траектории снижения модуля.

Тихо взвыл предупреждающий зуммер автопилотов. Бортовой компьютер требовал от человека каких-то адекватных действий, и Илья Матвеевич, бросив мимолетный взгляд на оцепеневшего в своем кресле мальчика, начал опускать нос модуля, направляя его в атмосферу.

Короткое включение основных двигателей привело к тому, что Антона с силой вдавило в кресло, а два черных опахала вдруг стремительно проползли до верхней кромки экранов и исчезли из поля зрения видеосистем.

Вздох облегчения, готовый вырваться у Антона, вдруг застрял в его горле, когда громко и тревожно взвыли сигналы кормовых сенсоров.

— Третий выключатель, справа от тебя, быстро! — скомандовал капитан. Антон, которого страх заставил соображать куда быстрее, чем обычно, обернулся к правому крылу вспомогательной панели управления.

Щелчок клавиши привел в действие кормовые видеокамеры, и Илья Матвеевич увидел, как те самые призрачные образования, которые только что лениво плыли на границе стратосферы, быстро свернулись, приняв веретенообразную форму, и устремились вслед падающему навстречу

планете модулю.

Капитан знал, что увеличивать скорость и угол снижения было если не самоубийственно, то, по крайней мере, очень рискованно, но разве оставался у него выбор?

Пока Белгард лихорадочно пытался принять решение, Антон со всевозрастающим страхом смотрел на два стремительно приближающихся сзади черных веретена.

— Дядя Белгард!.. — умоляюще взвыл он, не выдержав этого глобального, подавляющего ужаса, что внушали ему преследователи.

Для мальчика вообще не существовало таких понятий, как траектория снижения, режим посадки, аэродинамические данные корпуса или атмосферное зондирование. Он просто хотел убежать, скрыться от тех существ, что совсем недавно прямо на его глазах уничтожили огромный космический корабль. В данный момент Антону было все равно, сгорят ли они в плотных слоях атмосферы, и вообще, можно ли выжить в том мире, что скрывала под собой пухлая, голубовато-зеленая шапка облачности.

Капитан Белгард больше не мог раздумывать. Устами ребенка в данный момент говорила истина: если их настигнут два этих веретена, то им никогда не сесть…

— Держись! — повторил он, направляя модуль почти вертикально вниз. Струи плазмы, ударившие из маршевых двигателей модуля, толкнули его навстречу планете за несколько секунд до того, как два обитателя бездны приблизились и начали видоизменяться, пытаясь превратиться в чудовищные подобия гаснущих парашютных куполов.

Все эти метаморфозы произошли с опозданием, модуль уже ускорился, падая по самоубийственной траектории, и космические образования, попав в плазменный шлейф его двигателей, надулись, словно паруса древнего корабля, и вдруг лопнули, разлетаясь рваными лоскутьями черноты…

Зона высоких орбит вновь была свободна, но это уже ничем не могло помочь двум людям, заключенным внутри посадочного модуля, который, ворвавшись в плотные слои атмосферы, вдруг вспыхнул, как маленькое новорожденное солнце, и, оставляя за собой дымящийся инверсионный след, стремительно пронзил зону клубящихся густых облаков…

Глава 2. Инсекты

С хмурого неба, по которому медленно ползли низкие, свинцово-серые облака, срывался редкий, моросящий дождь.

Группа инсектов двигалась по раскисшей дороге, огибая опушку леса. Насекомоподобные существа, внешность которых наводила на мысль о непропорционально увеличенном гибриде муравья и кузнечика ростом около полутора метров, были закутаны в коричневые, местами порванные и испачканные дорожной грязью хламиды из грубой ткани, похожей на мешковину.

Среди нестройного отряда, устало тащившегося по осенней распутице, несмотря на схожую внешность существ и одинаковые одежды, была заметна четкая градация. Те, которые шли впереди и сзади, передвигались, как люди, на двух широко расставленных, словно бы прилепленных с боков к нижней части туловища суставчатых ногах. В коротких верхних конечностях, количество которых варьировалось от четырех до одной, они несли оружие. Из-под капюшонов коричневых хламид на тусклый, серый мир смотрели большие фасетчатые глаза без век и ресниц, сразу под которыми располагались ороговевшие дыхательные отверстия и мощные хитиновые жвала.

Оружие, что несли в руках инсекты, отличалось пестрым разнообразием и одинаковой неухоженностью. В вооружении отряда преобладали короткие пики с побитыми ржавчиной стальными наконечниками, короткие обоюдоострые мечи и некое подобие арбалетов явно нечеловеческой конструкции, снабженных толстыми короткими стрелами с жестким хитиновым оперением и странными пузатыми наконечниками.

Однако боекомплект отряда не ограничивался мечами и арбалетами. За плечами десятка инсектов висели вполне знакомые человеческому глазу автоматы с примкнутыми рожковыми магазинами. Было еще и несколько коротких труб ручных гранатометов, а на груди возглавлявшего отряд однорукого инсекта болтался полевой электронный бинокль, на потертом корпусе которого еще можно было разглядеть фирменное клеймо знаменитой компании Цейса, ведущей свою историю со времен догалактической эпохи развития человечества.

Вторая группа насекомоподобных существ, по своей анатомии и одежде никак не отличавшаяся от идущих впереди и сзади собратьев, вела

себя немного иначе. Около трех десятков инсектов, составляющих ядро растянувшегося по раскисшей дороге отряда, ползли, опираясь на все шесть конечностей, неся на сгорбленных спинах плотно увязанные тюки и несколько метательных приспособлений, которые походили на оригинально исполненные миниатюрные катапульты.

Движение отряда сопровождалось шелестом одежд, тихим звоном небрежно пригнанной амуниции, чавканьем грязи и негромкими скрежещущими звуками, похожими на скрип плохо смазанных петель.

Опушка леса, вдоль которой шли инсекты, напоминала собой иллюстрацию из скверной детской книжки про ведьм и колдунов. Низкие деревья с узловатыми стволами и морщинистой, шероховатой корой, сплетаясь кривыми ветвями, образовывали плотные заросли, сквозь которые мог пробраться разве что мелкий шустрый зверек. Под ними, на сырой земле лежал плотный ковер опавшей листвы. Дорога, огибая опушку, поворачивала к лесу, вгрызаясь в заросли похожей на темный тоннель просекой. Голые, лишенные листвы ветви простирались над ней, словно сцепившиеся в вечном, застывшем рукопожатии иссохшие руки старцев.

Справа от опушки леса простиралась обширная пустошь, усеянная мелкими валунами, из-под которых пробивались тонкие, серебристые побеги каких-то диковинных образований, похожих на беспорядочно растянутую тут и там стальную проволоку. Чуть дальше, у туманного горизонта, за обозначенной дымкой испарений топью, поднимались мрачные стены древнего сооружения, похожего на разрушенный временем замок. Большие каменные блоки, из которых были сложены его стены и башни, сплошь покрывала серебристая паутина. Изредка с той стороны доносился пронзительный свист и монотонные ноющие звуки, которые заставляли идущих впереди и сзади отряда вооруженных инсектов беспокойно озираться по сторонам.

Внезапно в унылую идиллию непогожего осеннего дня ворвалось нечто чуждое мрачной гармонии засыпающей природы.

Где-то высоко, за свинцовыми облаками, возник далекий, басовитый гул, который с каждой секундой звучал все увереннее и громче, постепенно перерастая в надсадный высокочастотный вой рассекаемого воздуха.

Группа инсектов, застывшая было в нерешительности у самого поворота уходящей в заросли дороги, внезапно преобразилась. Трудно было ожидать какой-то боевой слаженности от такого пестро-вооруженного, убогого отряда, но тем не менее, определив направление приближающегося звука, они действовали четко и обдуманно. Однорукий

инсект с цейсовским биноклем на груди проскрежетал несколько команд и вскинул к своим выпуклым фасетчатым глазам электронный прибор, медленно, со знанием дела обшаривая небеса в поисках источника приближающегося звука.

Его подчиненные быстро укрылись под голыми кронами ближайших деревьев, причем тяжело навьюченные члены отряда были пропущены вглубь, к кривым аркам воздушных корней, которые образовывали своего рода плетеные навесы, расположенные на высоте одного метра от земли, а их вооруженные сородичи рассредоточились вокруг, подняв к хмурым небесам автоматные стволы и дуги хитиновых арбалетов.

Прошло несколько томительных секунд, в течение которых вой продолжал стремительно нарастать; часть облачного покрова вдруг просветлела, словно там, в вышине, взошло второе полуденное солнце, и вдруг в серую дождливую хмарь ворвался падающий по пологой дуге огненный шар.

Сквозь ослепительное сияние было трудно различить его контуры, но, что бы это ни было, падающий предмет повел себя весьма странным и совершенно неадекватным для метеорита образом.

Инсект-командир, по-видимому, был достаточно хорошо знаком с телами небесного или, вернее сказать, космического происхождения и, судя по его реакции на появление раскаленного болида, не сомневался в развязке данного происшествия. Он опустил бинокль и резко пригнулся, ожидая оглушительного удара о землю, но болид, к его изумлению, вдруг выкинул две струи голубого пламени, которые, ударив в землю, моментально испарили небольшое болото, расположенное как раз перед древней цитаделью, и, покачиваясь на двух плазменных струях, завис в воздухе, моментально утратив свое сходство с солнцем…

Глазам изумленных не меньше командира рядовых инсектов предстал длинный, покрытый коростой оплавленной брони летательный аппарат, который, несколько секунд повисев в воздухе, вдруг изменил направление испепеляющих почву плазменных струй и медленно поплыл в сторону каменных стен древней цитадели.

* * *

Кинув посадочный модуль в плотные слои атмосферы, Илья Матвеевич действовал совершенно спонтанно. Он понимал, что их участь практически предрешена, но смерть от взрыва раскаленной обшивки и падающие на поверхность пустынной планеты хлопья пепла показались почему-то предпочтительнее его подсознанию, чем смертельные объятия

двух черных опахал, скользящих в безвоздушном пространстве высоких орбит.

Ворвавшись на высокой скорости в плотные воздушные слои, практически неуправляемый посадочный модуль, казалось, сошел с ума.

Антон, выпучив глаза, смотрел, как на обзорных экранах вокруг них разгорается ореол адского пламени — это трение молекул воздуха об обшивку модуля раскалило бронеплиты до такого состояния, что они сначала засветились, а потом вдруг стали обугливаться, отлетая по сторонам тонкими слоями перекалившейся коросты…

Капитан, уже наполовину обезумевший от стремительной смены катастроф и вернувшейся вдруг сжигающей его мозг боли, которая, распространяясь от обрубков потерянных ног, охватывала все тело, как мог боролся со взбесившимся кораблем, который больше походил на падающую звезду, чем на управляемый летательный аппарат.

Экраны внешнего обзора, в которых бесновалось охватившее обшивку пламя, вдруг начали гаснуть один за другим по мере того, как выходили из строя от чудовищного перегрева внешние видеосенсорные системы.

Кинув молниеносный взгляд на табло альтиметра, где бежали, стремительно приближаясь к нулю, цифры обратного отсчета высоты, Илья Матвеевич понял, что жить им с Антоном осталось дай бог секунд двадцать…

Другой на его месте просто бы крепче зажмурился в ожидании последнего скрежета лопнувшего металла и хлесткого удара о поверхность, который перемелет все, смешав человеческую плоть с металлическими конструкциями, но капитан Белгард в эти последние секунды все еще продолжал инстинктивно бороться…

Превозмогая головокружение, перегрузку и боль, он сделал единственное, на что был способен в эти роковые мгновения.

Он расписался в собственном бессилии, выбив кулаком защитный кожух и рванув вниз небольшой, расположенный в углублении пульта рычаг.

Илья Матвеевич сделал то, на что не хватало духа у многих пилотов, — он замкнул зажигание всех двигательных систем, одновременно передав управление уцелевшим бортовым системам автопилотирования.

Из-за неработающих экранов обзора и погасших за минуту до этого контрольных панелей он не видел, как из-под днища их корабля в близкую уже землю ударили, испепеляя маленькое болото, два голубых плазменных столба.

Теряя сознание от удара внезапной перегрузки, он смог расслышать лишь болезненный крик распластавшегося по креслу мальчика.

Потом наступил мрак…

…Автопилоту посадочного модуля, получившему неожиданный карт-бланш за несколько секунд до полного конца, собственно говоря, было все равно, что творится вокруг и в каком состоянии ему передан корабль. Он был машиной и принимал ситуацию такой, какова она есть. Быстродействие его процессора исчислялось долями наносекунд, и потому системе автоматического пилотирования оказалось достаточно оставшихся до последнего удара мгновений, чтобы стабилизировать резко затормозивший корабль и удержать его в зыбком равновесии.

Несколько мгновений обгоревший модуль балансировал в воздухе, опираясь на бьющие из его днища струи плазмы. За это время бортовой компьютер успел оценить степень разрушения управляющих систем и пришел к удручающему выводу, что дальнейший полет, равно как и мягкая посадка в указанном экипажем месте, — вещи практически невозможные. В распоряжении автопилота было всего тридцать секунд, чтобы выбрать площадку для приземления и жестко посадить оплавленный и деформированный модуль.

Мгновенно просканировав окружающий рельеф при помощи уцелевших приборов, компьютер обнаружил лес, болото, каменистую пустошь, извивающуюся неподалеку речушку, а также группу живых существ и некое строение, обнесенное высокой стеной, за которой находилась обширная, вымощенная каменными блоками площадка. По мнению компьютера, это место как нельзя более подходило для его целей, и модуль, слегка накренясь, полетел в ту сторону.

Два столба плазмы, которые удерживали в воздухе и приводили в движение спускаемый аппарат, словно раскаленные ножи прошлись по болотистой почве, испаряя воду, взрывая грязь и напрочь сжигая серебристое кружево блестящей паутины. Добравшись до высокой, выщербленной временем каменной стены, модуль тяжко приподнялся, переваливая через ее широкий гребень; при этом поток ионизированного газа из его двигателей добела раскалил базальтовые блоки, которые тут же начали лопаться, и стена взорвалась, с оглушительным грохотом проседая вниз и раскидывая вокруг дымящиеся шлаковые бомбы, часть из которых улетела почти на километр, осыпав градом острых осколков притаившийся у опушки леса отряд инсектов.

Все это совершенно не волновало бортовой компьютер модуля. У него

была только одна цель: как можно мягче посадить корабль на надежные каменные блоки внутреннего двора.

Все описанные события произошли в течение одной минуты, и инсекты, еще не оправившиеся от появления в небесах необъяснимого болида, внезапно стали свидетелями того, как покореженный летательный аппарат, накренясь, проследовал к крепостным стенам, оставляя за собой дымящуюся полосу выжженной земли шириной в несколько сот метров, и, взорвав стену, скрылся внутри.

Они не слышали оглушительного лязга и грохота, сопровождавших его жесткую посадку во внутренний двор древней постройки, — на головы инсектов внезапно обрушился град раскаленных, дымящихся камней, которые падали вокруг, выбивая в грязи курящиеся паром воронки. Несколько инсектов упали, конвульсивно дергаясь в агонии, часть вооруженной охраны открыла беспорядочную стрельбу, но гневный скрежет их предводителя, который достаточно быстро увязал в своем мозгу причину со следствием, остановил разгоревшуюся было панику.

Отряд мгновенно вернулся к состоянию дисциплинированной готовности. Поводов для беспокойств не было — трупы только что погибших сородичей были оттащены в сторону, раздеты и зарыты в грязи тут же, у обочины.

Теперь, после столь кратких похорон, о произошедшем напоминали лишь три вещи: проломленная стена древней цитадели, проложенная прямо к ее разрушенному участку ровная, широкая полоса выжженной земли да веселые языки разгорающегося пожара, который, несмотря на сырость и нудный дождь, занялся в том месте, где раскаленные добела камни попали в лес.

Для командира разношерстно вооруженного отряда инсектов все это, вместе взятое, означало лишь одну, вполне очевидную вещь — волей случая перед ним открылась прямая дорога в то место, куда еще несколько минут назад он не подумал бы и сунуться.

О такой удаче однорукий инсект не мог и мечтать. Скрипящий звук, адекватный команде «Вперед!», резко прозвучал в стылой тишине осеннего дня.

* * *

Антон пришел в себя в сером сумраке. Мальчик попытался пошевелиться, но страховочные ремни больно врезались в его грудь. Пошарив рукой в темноте, он не смог найти их электромагнитный замок и жалобно позвал:

— Дядя Белгард!..

Ответом ему была оглушающая тишина.

«Вот и все…» — в полной растерянности подумал Антон.

Пока он беспомощно барахтался, пытаясь освободиться от объятий противоперегрузочного кресла, извне до него стали доходить какие-то звуки.

Если бы мальчик успел больше узнать в процессе своего обучения на борту «Терры», то он бы понял, что был контужен в момент посадки, а теперь к нему постепенно возвращался слух.

Звуки, пробившиеся в его сознание сквозь толстый слой ваты, можно было подразделить на несколько характерных типов.

Во-первых, он слышал треск, который издавал остывающий керамлит обугленной и искореженной обшивки посадочного модуля. Во-вторых, на фоне потрескивания явно слышался монотонный, заунывный вой изношенных серводвигателей какой-то машины, и, наконец, в-третьих, ему показалось, что он воспринимает чью-то тяжкую поступь, которая звучала как хруст раздавленного стекла.

Смешиваясь с подвыванием сервомоторов, это звучало приблизительно так:

Хрымм… Хррымм… — и тут же — Уизззм… Уиззм… Уиззм…

Антону было очень страшно лежать в сером сумраке и слушать эти непонятные ему звуки.

— Дядя Белгард!.. — шепотом позвал он.

Вой сервомоторов начал удаляться. Капитан по-прежнему не отвечал, и вокруг, кроме отдаляющейся тяжкой поступи, не прослушивалось вообще никаких признаков жизни.

На глаза Антона навернулись слезы.

Поддавшись панике, он начал отчаянно ворочаться в кресле и вдруг выскользнул из-под ослабевших страховочных ремней…

Очутившись на полу, который почему-то был накренен и не создавал у него ощущения ровной плоскости, мальчик, стоя на четвереньках, оглядел окружающий сумрак и вдруг заметил узкую полоску унылого серого света, которая пробивалась вовнутрь искореженного модуля через разлом в обшивке.

Ни секунды не раздумывая, Антон пополз туда, то и дело натыкаясь на какие-то предметы, в изобилии разбросанные по полу…

В разломе обугленных бронеплит искрил, покачиваясь на сквозняке, оборванный силовой кабель. Уродливая трещина достигала полуметра в ширину и шла снизу доверху… Антон машинально пригнулся, чтобы не

задеть головой обрывок кабеля, и безрассудно выглянул наружу, даже не задумываясь о том, что их модуль совершил посадку на чужую, совершенно неисследованную планету. Этот опыт, а заодно и связанные с ним страхи были чужды десятилетнему мальчику, который ни разу в жизни не ступал ногой ни на одно небесное тело.

В первый момент он невольно зажмурился от серого, неяркого света, одновременно закашлявшись от глотка холодного, влажного и горьковатого воздуха.

На его счастье, атмосфера планеты была кислородной и не содержала тех примесей, что моментально могли бы убить человека.

Планета была обитаема, и Антон, решившись разлепить плотно сомкнутые веки, смог убедиться в этом воочию…

От раскинувшегося вокруг открытого пространства и бездонного серого неба над головой с летящими по нему свинцовыми тучами у него болезненно закружилась голова, а ноги вдруг стали подкашиваться. Мальчик осел, держась рукой за рваный край разлома, и застыл, пока его вестибулярный аппарат пытался приспособиться к совершенно новой для него реальности.

Потом, когда головокружение немного унялось, Антон решился повернуть голову и оглядеться.

Сразу за обугленной кормой их изменившегося до полной неузнаваемости корабля к небу вздымались высокие, сложенные из огромных шероховатых блоков стены. Они тянулись в разные стороны, образуя исполинский квадрат, по углам которого возвышались прямоугольные башни с обветренными венцами. Кое-где на их осыпавшихся вершинах можно было заметить торчащие к небу балки, которые когда-то служили опорой для крыш.

Внутренний двор, площадь которого составляла никак не меньше нескольких гектаров, был занят приземистыми, двух—трехэтажными постройками с плоскими крышами, часть из которых тоже была разрушена и осела вовнутрь.

Антон осторожно выбрался из разлома и поежился, когда на него налетел слабый порыв холодного осеннего ветра.

Сбоку от модуля часть исполинской стены зияла безобразным, почерневшим провалом, и руины, похожие на кучи беспорядочно раскиданного щебня, еще дымились.

Антону было страшно и в то же время любопытно. Покрутив головой, он увидел нечто, похожее на растительность в их оранжерее, только не зеленого, а серебристого цвета. Мальчика обмануло то, что низкорослые

металлические кусты, усеянные похожими на шишки образованиями, были высажены ровными симметричными рядами. Казалось, что они растут прямо на плитах, которыми был вымощен весь внутренний двор.

Монотонный ноющий звук сервоприводов, стихший было вдали, за зданиями, зазвучал громче, явно приближаясь к месту крушения модуля.

Антон, которого вдруг охватил безотчетный страх, метнулся в сторону, выскочил из-под прикрытия кормы корабля и в панике заметался в узком пространстве между проломленной стеной, зарослями низкорослого металлического кустарника и темными зевами открытых ворот ближайших зданий.

Заскочив в похожий на ангар дом, он прижался к стене, покрытой грязными пластиковыми сегментами облицовки, и затравленно огляделся. Дневной свет проникал в помещение через отсутствующую дверь и большое панорамное окно овальной формы, отчего внутри было почти так же светло, как и на улице.

Вокруг, начинаясь от самого входа, возвышались какие-то заржавевшие машины и агрегаты. Изо всего расположенного в длинном помещении оборудования блуждающий взгляд Антона смог опознать лишь контуры пультов управления да длинную, застывшую конвейерную ленту, над которой нависали членистые манипуляторы от расположенных по обе стороны бегущей дорожки агрегатов. Все это было покрыто толстым слоем пыли, бурыми пятнами ржавчины и занесенным сюда ветром мусором.

Мальчика пробила короткая нервная дрожь.

Все это походило на страшную сказку из видеоархива их корабля. Повинуясь какому-то необъяснимому внутреннему порыву, он подошел к одному из склоненных к остановившейся ленте конвейера манипуляторов и провел ладошкой по плоской боковине его шарнирного соединения.

На ладони остался грязный след, а на крышке закрывающего шарнир корпуса вдруг проступило клеймо и несколько расположенных полукругом слов.

«Дженерал Моторз. Земля».

Эти слова совершенно ничего не говорили Антону. Он знал лишь то, что «Земля» — это название планеты, которая является исторической родиной всего человечества и затеряна где-то на самом краю обитаемого космоса…

…Ноющий звук сервоприводов зазвучал совсем рядом, и Антон вздрогнул, моментально отбросив мысли о странной надписи. Подойдя к грязному окну с треснувшим пластиковым стеклом, он осторожно выглянул наружу, чуть приподняв голову над краем широкого запыленного

подоконника.

По плитам внутреннего двора шел, смешно приволакивая заклинившую конечность, дряхлый промышленный робот. Естественно, что эта древняя модель была совершенно незнакома Антону, но существуют некоторые технологические решения, воплощенные в основных узлах той или иной машины, чей внешний вид и принцип действия не меняются веками и даже тысячелетиями. Однажды изобретенный велосипед остается велосипедом и в двадцать пятом веке, и в тридцать седьмом… поэтому мальчик, едва взглянув на ковыляющего на трех суставчатых лапах паукообразного металлического монстра, сразу признал в нем одну из разновидностей промышленной планетарной техники, которую видел в ангарах «Терры»…

Робот, чьи отрывистые, конвульсивные движения, сопровождаемые визгом серводвигателей, говорили о последней стадии изношенности, медленно обогнул здание, внутри которого прятался Антон, и свернул к стройным рядам серебристых насаждений. Подойдя вплотную к первому ряду низкорослого кустарника, он остановился, секунду покачался на одряхлевших от времени ступоходах и, выдвинув из своего корпуса порожний контейнер, похожий на выдвижной ящик письменного стола, начал неторопливо собирать шишкообразные наросты, складывая их в пустую емкость.

Антон, несмотря на испуг, едва не рассмеялся, глядя на его комичные, конвульсивные движения.

Набрав полный короб металлических «шишек», робот развернулся и заковылял назад. Проследив взглядом за его маршрутом, Антон увидел, как он вошел в соседнее здание, откуда послышался приглушенный лязг.

«Плавильный комплекс номер два», — прочитал он полуистертую временем надпись над входом.

Чуть дальше располагалось куполообразное здание с другой пометкой, выведенной крупными буквами:

«Лаборатория экзобиологии. Корпус мутаций растений. Опасно для жизни. Посторонним вход запрещен».

Над частично обвалившимся куполом буйствовали нитевидные серебристые заросли. Антон заметил, что на них тоже растут такие же шишки, и подумал о том, что робот почему-то не собирает их. Часть шишкообразных наростов, сбитых ветром, валялись на серых шероховатых плитах двора. Находясь на достаточном удалении, мальчик просто не мог разглядеть то, что клубки серебристых нитей оплетают иссохшие хитиновые панцири насекомоподобных существ, а пространство вокруг,

как и стены близлежащих зданий, покрыты крупными выщербинами и воронками от отгремевших тут когда-то взрывов и выстрелов…

Заинтригованный этими надписями, мальчик не удержался и вышел на улицу. Задрав голову, он нашел глазами вывеску над тем зданием, внутри которого только что прятался:

«Сборочный цех сельскохозяйственной техники».

В голове Антона вдруг забрезжила какая-то смутная мысль. Ему казалось, что он начинает понимать, что означают все эти надписи вкупе с древним промышленным роботом и царящим вокруг запустением.

«Нужно вернуться в корабль и найти дядю Белгарда», — подумал он.

Стоя спиной к искалеченному модулю и расположенному за его кормой пролому, он не видел, как в широкий, все еще дымящийся проход вошел головной дозор отряда инсектов.

* * *

Авангард отряда задержался возле останков посадочного модуля. Пять инсектов, вооруженных автоматами, остановились, нервно озираясь, в поисках неведомой им опасности. Они поняли, что обугленный остов с треснувшими по шву бронеплитами и есть тот странный болид, что таким чудесным образом открыл им доступ на территорию древней цитадели, но никто из них не горел желанием забраться вовнутрь корабля.

Опасливо обойдя стороной накрененный посадочный модуль с «Терры», они обратили взгляды своих выпуклых фасетчатых глаз на внутреннее пространство древней твердыни.

Об этих местах ходили жуткие легенды, где правда была замысловато переплетена с вымыслом. От своих богов, которые иногда снисходили до общения со смертными, инсекты слышали о какой-то «бесконтрольной мутации», вырвавшейся на волю в ходе экспериментов по получению нового вида растений, девяносто процентов которых составлял бы чистый металл.

Может быть, для прошлых поколений инсектов, которые жили еще до войны с людьми, эти словосочетания и имели какой-то смысл, но для членов данного отряда были лишь пустым звуком…

Их поведение определяли страх и жажда наживы, причем два этих чувства вели между собой нешуточную борьбу под узколобыми хитиновыми черепами…

Внезапно один из инсектов заметил оцепеневшего от ужаса мальчика, который стоял у входа в одно из зданий. Вся пятерка мгновенно направила на него стволы своего оружия, казалось, еще секунда, и насмерть

перепуганный ребенок будет разорван в клочья автоматными очередями, но в этот момент случилось непредвиденное…

В проходе между зданиями послышался заунывный вой сервомоторов, и там появился промышленный робот, неуклюже ковылявший на трех функционирующих ступоходах к плантации металлического кустарника.

Реакция насекомоподобных существ была мгновенной.

Грохот выстрелов оглушил парализованного ужасом Антона, он инстинктивно сжался, закрывая голову руками, и присел, глядя, как автоматные очереди вгрызаются в трухлявый от времени и коррозии металл, оставляя в корпусе робота рваные дыры, сквозь которые наружу посыпались искры и полез едкий, вонючий дым.

Паукообразная машина пошатнулась, оседая назад под ураганным автоматным огнем, ступоходы робота подломились, неуклюже царапнув воздух, и он с грохотом и лязгом опрокинулся на каменные плиты двора.

Антон, дико закричав, побежал прочь.

Завернув за угол сборочного цеха, он влетел в ближайшую открытую дверь и остановился как вкопанный.

Темный сумрак открывшегося перед ним коридора был затянут серебристым кружевом тонких, подрагивающих нитей.

Не помня себя от ужаса, Антон прижался к холодной стене, чувствуя, что вот-вот в изнеможении упадет на пол…

Сзади вдруг раздалась быстрая, царапающая поступь, и в полутемный коридор влетело одно из преследовавших его существ.

В отличие от Антона инсект не заметил поблескивающих во мраке металлических нитей. Увидев мальчика, он издал высокий, визгливый скрежет и больно ткнул съежившегося от страха Антона автоматным стволом.

Не выдержав, мальчик заплакал. Инсект, раздраженный такой реакцией, отступил на шаг в глубь коридора, очевидно, собираясь застрелить маленькое хнычущее существо.

За спиной вскинувшей автомат насекомоподобной твари медленно пришли в волнообразное движение тонкие нити серебристой, тускло отсвечивающей паутины. Если бы не судорожные рыдания обезумевшего от страха мальчика, то, возможно, инсект бы и расслышал жадный чавкающий звук за своей спиной, когда из свернувшегося прямо на глазах серебряного клубка вылезло что-то осклизлое, похожее на жадную, новорожденную глотку. Еще мгновение, и трубчатый отросток паутины конвульсивно дернулся, выплюнув в спину инсекта целую очередь твердеющих на лету шипов.

Растение размножалось…

Инсект, чей хитиновый панцирь оказался пробит в трех или четырех местах, дико заверещал и, уронив автомат, метнулся наружу.

Антон, наблюдавший эту сцену словно в полусне, перестал плакать, глядя вслед убегающему насекомоподобному созданию.

Весь внутренний двор древней цитадели уже был полон прошедшими через пролом инсектами. Одни из них облепили дымящийся остов поверженного автоматными очередями промышленного робота, другие с опаской осматривали стройные насаждения металлических кустов, третьи уже приступили к мародерству, обшаривая в поисках вожделенной добычи близлежащие помещения.

Их однорукий предводитель в окружении части отряда как раз заглядывал в трещину, которая образовалась в обшивке посадочного модуля, когда во двор с криком выскочил атакованный растением инсект.

Никто не видел, что случилось с ним внутри здания, но весь отряд мгновенно насторожился, каждый бросил свое занятие и замер, уставившись на раненого сородича.

Пробежав несколько десятков метров, тот вдруг зашатался, бешено замолотил по воздуху четырьмя верхними конечностями и упал, отчаянно извиваясь, насколько это позволял ему сделать жесткий хитиновый панцирь.

Внезапно из-под его балахона потекла какая-то жидкость, и оттуда на свет выбился осклизлый клубок серебристых нитей.

Крики опрокинувшегося на спину существа мгновенно стихли. В гробовой тишине он с усилием приподнял свою голову, в немом изумлении взглянув на десятки тонких серебряных проволочек, прущих наружу изо всех частей его тела, потом вдруг вскрикнул, несколько раз конвульсивно дернулся и затих.

Через минуту на том месте остался лежать лишь закутанный в мешковатый балахон хитиновый панцирь, окруженный плотными зарослями развившейся прямо на глазах изумленных наблюдателей металлической паутины…

Не в силах выдержать подобного зрелища и не зная, чего стоит бояться больше — насекомоподобных тварей или оккупировавшего здание растительного паразита, Антон в горячечном полузабытьи выполз из темного прохода.

У него больше не было сил даже на то, чтобы испытывать элементарный страх.

Впервые с момента катастрофы на борту «Терры» ему стало по-

настоящему все равно — будет он жить дальше или умрет прямо здесь, на холодных и шероховатых каменных плитах.

Так или иначе, но проползти он смог лишь несколько шагов. Спасительная тьма обрушилась на полумертвого мальчика. Он потерял сознание.

Глава 3. Черный ангел

Отряд инсектов, несколько поредевший, но зато обремененный новой поклажей в виде бесценной добычи, которая состояла из нескольких порядком поржавевших автоматов, десяти непочатых цинков с патронами и множества абсолютно новой электронной аппаратуры, с корнем выдранной из приборных консолей посадочного модуля, покинул стены разграбленной цитадели и углубился в лес.

Четверо ползущих на карачках инсектов, занимавших позицию в середине строя, волокли на своих спинах сорванную с петель пластиковую дверь, к которой кусками изолированного провода были грубо прикручены спинами друг к другу два человеческих тела.

Это были капитан Белгард и Антон.

Капитан не приходил в сознание с момента жесткой посадки модуля, и инсекты, которые грабили покореженный корабль, нашли его пристегнутым к креслу.

Антон, впавший в беспамятство от ужаса и безысходности, временами приходил в себя, но разум мальчика упорно не хотел возвращения в эту страшную реальность. Ему всерьез угрожала опасность комы — этой самой крайней реакции травмированного организма на запредельные потрясения…

Инсектов, которые передвигались достаточно медленно, не заботило здоровье и моральное состояние двух пленников. Они были злы и усталы от долгого перехода, непредвиденной задержки и тех опасностей, которым подверглись в стенах древнего человеческого сооружения. Рядовым членам этой разношерстной банды хотелось одного — добраться живыми до ближайшего города, где они смогут обменять полудохлых пленников на что-нибудь более ценное, например, на еду или оружие.

Однорукий инсект, двигавшийся во главе отряда, придерживался несколько иного мнения относительно судьбы двух захваченных людей. У него оказалось достаточно интеллекта под хитиновой черепной коробкой, чтобы увязать присутствие двуногих с крушением странного летательного аппарата. Он всерьез надеялся, что получит гораздо большее вознаграждение от заинтересованных в информации Высших Инсектов, чем от тех, кто скупает мясо и рабов на рынках.

* * *

Антон в какой-то бессчетный раз медленно приходил в себя, и окружающий мир возвращался к истощенному мальчику, проступая сквозь плавающую у глаз пелену стертыми, нерезкими очертаниями предметов и отвратительным кислым запахом, от которого мутило желудок.

Теперь Антон был твердо уверен, что именно так пахнет страх…

Он возвращался в реальность ненадолго и не по своей воле. Обычно ему хватало одного беглого взгляда вокруг да ощущения мерно покачивающейся под ним спины вонючего насекомого, чтобы его разум вновь провалился в спасительное забытье…

Однако эти страшные минуты просветления, когда он выплывал из омута беспамятства, отпечатывались в его памяти липкими слайдами неизбывного страха, отвращения и неприятия того мира, что так навязчиво вторгался в его жизнь, окончательно ломая и без того хрупкий детский разум.

Если это был сон, то ему срочно нужно проснуться, если страшная сказка, то пусть она, наконец, кончится… Если…

Отряд шел…

Мерно покачивалась хитиновая спина…

Мерзкий запах лез в ноздри, и от него выворачивало голодный желудок… Ребра пластиковой двери врезались в задеревеневшее тело, а под проволочными путами руки и ноги нестерпимо горели…

— Мамочка… — отчаянно шептали растрескавшиеся, пересохшие губы.

Антон не знал, что с того момента, как их модуль огненным шаром рухнул на эту страшную планету, прошло меньше двух суток. Он вообще потерял какое-либо представление о времени.

Отряд инсектов пересек лес, форсировал реку и вышел на равнину.

Мимо проплывали очертания каких-то безнадежно разрушенных временем построек, выполненных из черного и серого материала, похожего на полированный пластик… Здания хоть и пострадали от времени, но все еще хранили на себе печать величественной, вдумчивой и какой-то печальной красоты…

Тут не было острых углов и ломаных линий. Плавные волны застывшего камня лениво текли к серым осенним небесам, витиеватые спирали, шириной в десятки метров, медленно закручивались в развязки дорог; кое-где на овалах террас виднелись голые ветви деревьев…

Все это было больше похоже на мемориальное кладбище величиной с целую планету, чем на руины. В мрачной гармонии черного и серого камня чувствовалась обреченность, и Антону хотелось кричать от этих картин.

Где-то в серых небесах послышался монотонный стрекочущий звук, и у мутного горизонта сквозь пелену моросящего дождя проступили контуры трех приближающихся точек.

Хитиновые спины взволнованно зашевелились. Вокруг Антона, который как раз снова пришел в себя, раздались злобные лязгающие звуки, скрежет и шипение. Все это смешивалось со стрекотанием падающих из поднебесья машин, и помутившийся разум мальчика воспринимал лишь общий суматошный шум, в котором трудно было отличить рокот вертолетных моторов от металлического лязга затворов, звуков чужой речи и скрипа взводимых арбалетов…

Винтокрылые машины с оглушительным ревом пронеслись над самой землей, разметав отряд инсектов, как порыв осеннего ветра разбрасывает кучу пожухлых, сморщенных листьев. Звонко взвизгнули спущенные тетивы арбалетов, и вслед уходящим на бреющем полете геликоптерам просвистели стрелы с тяжелыми, начиненными взрывчаткой наконечниками…

Полумертвый мальчик, широко раскрыв глаза, безумным взглядом провожал удаляющиеся силуэты трех вертолетов.

Готовый вырваться крик застрял где-то в пересохшем горле.

Ему показалось, что за прозрачными колпаками кабин он успел разглядеть хмурые человеческие лица!

Он не мог бежать, кричать или звать на помощь…

Он лишь обреченно смотрел вслед удаляющимся машинам. Они улетели…

Где-то далеко раскатисто ухнули взрывы упавших стрел…

* * *

— Внимание, база, докладывает борт ноль—ноль—два, повторяю, ноль—ноль—два… — Сержант Шевцов поправил дугу коммуникатора, сильнее прижимая наушник, чтобы можно было хоть что-то расслышать сквозь басовитый рокот моторов и свист рассекающих воздух лопастей. Холодный ветер с воем врывался в кабину через открытый проем двери, где за треногой крупнокалиберного пулемета с невозмутимым видом застыла сгорбленная фигура Дугласа.

— Ноль—ноль—два, слышу вас… — донеслось сквозь треск помех, — на связи…

— Вижу отряд противника, предположительно та самая банда, что разграбила наши посты у гаммы—четыре… Численность около восьмидесяти голов… — Сержант привстал, схватившись одной рукой за

вертикальную стойку, а другой по-прежнему прижимая к уху дугу коммуникатора, и выглянул вниз, где по широкой улице древнего города разбегались, занимая всевозможные укрытия, фигурки инсектов. — Я хочу сделать их, лейтенант!.. — сквозь зубы выдавил он в микрофон коммуникатора.

Черная, гладко выбритая голова Дугласа, слившаяся в одну линию с пулеметным прицелом, энергично кивнула, одобряя реплику сержанта.

— Действуй по обстановке, ноль—второй, — прорвался сквозь треск помех далекий голос, — только не зарывайся, сержант, понял?..

— Не учи козла жрать капусту… — удовлетворенно проворчал Шевцов, отбросив коммуникатор, который повис на длинном проводе. Он еще раз глянул вниз и постучал костяшками пальцев по шлему пилота.

— Разворот! — проорал сержант, стараясь перекричать шум винта. — Передай остальным: работаем как обычно!

Пилот геликоптера энергично кивнул и начал переключать что-то рукой, произведя несколько переключении на приборной панели.

Стрекочущий шум мотора изменил свою тональность, и машина, кренясь на один борт, пошла в разворот, по широкой дуге обходя полуразрушенный серый шпиль древней постройки.

Сзади, в хвостовой части машины, с воем ревунов медленно откинулась рампа, открывая широкую пасть десантного отсека, где, плотно прижавшись друг к другу, сидели шесть бойцов в камуфлированной серо-черной форме.

— Приготовились! — крикнул, появившись из-за переборки, сержант. — Со второго захода, после того, как причешем их!

Отдав распоряжение, Шевцов исчез. Десантники молча, со знанием дела зашевелились, поправляя снаряжение. На их спокойных, угрюмых лицах не наблюдалось даже тени волнения, лишь мрачная готовность сделать свою работу.

Обогнув здание, три вертолета, клонясь к земле тупыми носами пилотских кабин, на бреющем полете устремились назад. Словно страшные, черные птицы, они ворвались в разлом центральной улицы древнего города, с обеих сторон ограниченный осыпавшимися стенами полуразрушенных построек.

Застывший в проеме люка Дуглас, не дожидаясь команд, привстал, широко расставив ноги, и ствол крупнокалиберного пулемета, укрепленного на жесткой треноге, пошел вниз. Трудно было не заметить отсутствие у него сложной техники электронного прицела, вместо которой торчали лишь два кронштейна. Майклу Дугласу, вцепившемуся огромными

ручищами в рукоять оружия, не было необходимости во всем этом дерьме…

Грохот короткой пулеметной очереди на миг заглушил все остальные звуки. Сноп пламени сопровождался звоном забарабанивших по полу кабины стреляных гильз, которые щедрой россыпью полетели от задымившегося кожуха, и впереди машины по темному покрытию мощенной плитами улицы поскакала строчка дымных султанчиков, настигая разбегающихся в панике инсектов.

Глаза Дугласа налились кровью.

Три вертолета неслись в ущелье улицы, подметая пространство перед собой шквалом разрывных снарядов. Те из инсектов, кто не успел занять позицию под прикрытием стен, падали, конвульсивно дергаясь, их хитиновые панцири рвало в клочья, пятная черную мостовую алыми брызгами…

В ответ по уходящим машинам хлопнуло несколько гранатометов, но разрывы легли мимо, покалечив многострадальные древние стены. Злобно залаяли автоматы, но паника, деморализовавшая отряд, была плохим подспорьем при стрельбе по стремительным, низко летящим целям…

— Вперед! — коротко приказал Шевцов, оттолкнув Дугласа. Сгруппировавшись, сержант выскочил в провал люка и покатился по выщербленной пулями мостовой, поливая пространство вокруг короткими отсекающими очередями. Вслед за ним из темного зева открытой рампы посыпалось отделение десантников. В кабине управления Майкл Дуглас сорвал со станины тяжелый ствол крупнокалиберного пулемета и, ухватив второй рукой похожий на ящик коробчатый магазин, сверкнул в сторону пилота ободряющей белозубой улыбкой.

— Сейчас я им сделаю судный день, мать вашу… — пообещал он, выпрыгивая в открытый люк.

Пилот второй «Кобры», машины, сохранившей свое название с тех незапамятных времен, когда люди еще только появились на этой планете, тронул управление, поднимая вертолет выше зоны огня. Воспроизводство тяжелых летательных аппаратов прекратилось около века назад, с утратой многих технологий их изготовления, и все оставшиеся на вооружении людей «Кобры» и «Беркуты» — маленькие короткокрылые истребители — ценились уже не на вес золота. Мерилом их ценности был гораздо более дорогой и страшный эталон — человеческая кровь…

Подняв машину высоко над землей, пилот откинул специальные фиксаторы, и «Кобра» зависла, слегка покачиваясь из стороны в сторону под напором бьющих из-под широких лопастей потоков воздуха.

Взглянув вниз, где в теснине улиц между древних домов разгорался короткий, жестокий бой, пилот достал сигарету и устало стянул с головы специальный, мягкий шлем с укрепленным на нем коммуникатором и солнцезащитными очками…

Из-под потертого, видавшего виды шлема, пропахшего чужим потом, на плечи пилота хлынул золотистый каскад волос.

Совсем молодая, едва ли достигшая своего семнадцатилетия выпускница летной государственной школы опять взглянула вниз, и ее губы, в которых мелко дрожала потухшая сигарета, искривились, отражая внутренние чувства подростка, который увидел в теснине улиц свое будущее…

Война была похожа на грязь, смешанную с дымом и кровью, и в ней не было ничего, что напоминало бы чисто вылизанный плац или показательный полет на выпускном параде…

* * *

Спрыгнув с подножки висящей у земли «Кобры», Майкл Дуглас крякнул, когда подошвы его рифленых армейских ботинок ударили о мостовую, и присел, спуская гашетку «АСП», который преданно загрохотал и забился в жилистых руках, разрывая узкое пространство между домов тугими плевками горячего металла.

Выскочившего из-за ближайшего угла инсекта перерубило пополам, и ошметья его хитинового панциря мокрыми шлепками забарабанили по стенам, оставляя на них красные пятна…

Пухлые губы далекого потомка африканских племен планеты Земля исказила хищная усмешка. Пружинисто распрямившись, он рванулся вперед, туда, где основной бой, разделившись на короткие яростные схватки, конвульсивно бился в узких проулках.

Над головой Майкла противно взвизгнула, царапнув стену, арбалетная стрела, и ему в висок саданула горячая взрывная волна, несущая мелкую каменную крошку.

Инсекты, даже столь дикие, как эта банда, были злобными и бесстрашными противниками.

Не останавливаясь, Дуглас отер о плечо рассеченный мелкими осколками висок.

Две разумные расы по иронии злой судьбы так сильно ненавидели друг друга и так разительно отличались по своей физиологии, что пленных никто не брал.

Это была война, ориентированная на полное истребление, и кто

являлся в ней правой стороной, не мог с точностью утверждать ни один ученый-историк.

Просто двум расам оказалось тесно в рамках одной планеты, и никто не захотел или не смог уйти.

Может быть, какого-нибудь заумного ксенографа и не устраивало такое объяснение происходящего, но Майкл привык довольствоваться малыми и простыми истинами.

Он вырос на этой войне, он играл со стреляными гильзами и слишком часто видел обглоданные хитиновыми челюстями человеческие черепа, чтобы мыслить как-то иначе.

Мир был жесток, и ему не приходилось прилагать особых усилий, чтобы мириться с этой очевидной истиной. Если не ты, то тебя, — этот жизненный закон был всосан с молоком матери… если у него вообще когда-то была мать, в чем Майкл очень сильно сомневался. Единственным родителем, которого он будет помнить до самой смерти, был похожий на павиана сержант в детской школе первой ступени. Он учил их, собранных по всей планете безродных молокососов, суровой правде жизни, и на поверку, как оказалось впоследствии, его пинки и побои были не самой страшной стороной действительности…

…Грохот близкого разрыва и тонкое пение уходящих на излет осколков заставили Дугласа остановиться и вжаться в стену.

Движения Майкла походили на исполненный скверным роботом танец — они были угловатыми и резкими, ствол станкового авиационного пулемета рывками перемещался от окна к окну, заглядывая в их темные провалы своим единственным глазом в поисках невидимого арбалетчика.

Внезапно Дуглас заметил, как в одно из боковых ответвлений центральной улицы, спасаясь от плотного автоматного огня, шарахнулась, огрызаясь короткими, экономными очередями из трофейного оружия, большая группа инсектов.

Оторвавшись от стены, Майкл крутанулся на месте, прошив огнем ближайшие проемы овальных окон, и ринулся за уходящим противником. Опытный глаз Дугласа сразу определил, что это было ядро разгромленного отряда инсектов, — он узнал однорукого командира банды, который уводил остатки своих бойцов в глубь лабиринта улиц.

— Сержант, это Майкл… — прохрипел Дуглас в коммуникатор, врываясь вслед за инсектами в узкую расселину бокового проулка. — Здесь Однорукий с группой бойцов…

— Понял, идем к тебе… Удержи его пару минут.

Дуглас нервно хохотнул, метнувшись в ближайшую дверь. Городские

бои в инсектовских развалинах всегда имели для него особый, пьяный привкус запредельного риска. Колченогие твари были тут на своей территории, и даже ведущие на верхние этажи пологие пандусы работали на них — гладкая обсидиановая поверхность наклонных плоскостей имела ряды конических выемок, приспособленных для тонких конечностей насекомых. Рифленые подошвы армейских ботинок скользили по ним, делая бойцов похожими на коров, попавших на лед…

Скользя и ругаясь, Майкл вскарабкался по такому пандусу на второй этаж полуразрушенного здания и оказался в длинном и низком помещении. Серый дневной свет проникал сюда сквозь ряд расположенных в стене овальных оконных проемов, освещая узкие спиральные подъемы, ведущие к обрушившимся внутренним балконам, которые лежали на полу кучами битого мусора. Петляя между ними, Дуглас пробежал в противоположный конец зала и выглянул в окно.

Отряд инсектов, состоявший из двух десятков бойцов, торопливо пробирался через завалы обрушившихся вниз этажей. За кучами битого камня, направив в узкий зев улицы автоматные стволы, засели два снайпера, готовые снять перекрестным огнем любого, кто вздумал бы преследовать уходящих в глубь руин сородичей со стороны главной улицы.

Майкл поставил наполовину опустевший коробчатый магазин пулемета на изгиб овального оконного проема, чувствуя, как подкатывается к горлу тугой комок.

Пулеметный ствол накренился вниз, нацелясь в самую гущу приближающегося отряда. Губы Майкла исказила жуткая усмешка.

— Черт!.. — внезапно вырвалось у него.

Пулеметный ствол поднялся, закатившись в зенит.

Дуглас отпустил приклад и прижался разгоряченной щекой к холодному полированному камню.

В самом центре отряда на карачках ползли три инсекта, волоча в одной упряжи четвертого, издыхающего от смертельных ран. На их спины был приторочен прямоугольный кусок пластика, на котором лежали скрученные витками проволоки два человеческих тела — находящийся в бессознательном состоянии мужчина в странной, испачканной бурыми пятнами засохшей крови одежде и мальчик, который, лежа на спине, смотрел прямо на застывшего в оконном проеме Майкла полными слез, молчаливой, немой мольбы и ужаса глазами.

— Шевцов, у меня проблемы… — не в силах оторвать взгляд от скорчившегося на грязном, заскорузлом помосте мальчика, просипел в коммуникатор Майкл… — Тут двое наших, один ребенок. Я не могу

стрелять… Задену их из пулемета… Смотри, сержант, будь осторожен на входе в улицу, там двое снайперов за кучами щебня… — проговорил он, осторожно, чтобы не стукнуть, опуская приклад пулемета.

— Эй, Майкл, не дури… — раздался в наушниках голос сержанта. — Мы уже рядом…

— Все, Шевцов, до связи… — Дуглас сунул руку за отворот высокого шнурованного ботинка, и в сумраке руин тускло сверкнула сталь широкого десантного ножа с глубоким кровостоком. — Увидимся в аду… — добавил он, прыгая через оконный проем вниз, в самую гущу пробиравшихся прямо под ним инсектов.

* * *

Будучи еще совсем маленьким, Антон любил слушать сказки. Не смотреть по видео, а именно слушать. Мать, укладывая его спать, обычно садилась на край кровати и рассказывала сонному, притихшему мальчику длинные красивые истории, в которых действовали колдуны, ведьмы, красавицы, рыцари и драконы. И еще там иногда появлялись ангелы.

Антон никогда не мог вообразить себе их облик. Рыцаря, дракона или колдунью — пожалуйста, а этих эфемерных существ — нет. Единственное, что ясно усвоил себе маленький Антон, — это то, что они всегда спускаются с неба, чтобы творить добрые дела.

Теперь он точно знал, как они выглядят.

Ангел был большим, черным, с припухлыми губами и хищной белозубой усмешкой на испачканном кровью лице. В руке он сжимал тускло отсвечивающий серовато-голубым бликом широкий обоюдоострый нож.

Обрушившись сверху на оторопевших от неожиданности инсектов, ангел взмахнул рукой, всадив нож по самую рукоять в брюхо ближайшего конвоира, и тут же крутанулся на месте, освобождая клинок и бросая этим резким движением обмякшее тело мертвого противника прямо на взорвавшиеся огнем автоматные стволы…

…Как на показательных выступлениях на выпуске закрытого курса отрядов специального назначения.

— Хууг… — окованный металлом тупой нос армейского ботинка с хрустом проломил хитин лицевых пластин. — Че-хаай!.. — замаранный инсектовской кровью клинок сверкнул по короткой дуге, заставив очередного шестиногого ублюдка удивленно уставиться на свои внутренности, которые вдруг вывалились на серый щебень, щедро засыпавший улицу.

…Антон крепко зажмурился и закричал.

Ему было страшно, и неизвестно, кого он боялся больше — инсектов или ангела с белыми зубами и глазами, налитыми кровью…

— Не хочу!.. Мамочка… не надо… — в странном полузабытьи истошно орал он, а перед глазами плавал горячий красный туман, на фоне которого мелькали смутные темные тени…

* * *

Из узкой, заваленной кучами мусора улицы не ушел никто.

Сержант Шевцов склонился над мальчиком, которого освободили от проволочных пут. Тот лежал на спине и тихо выл, плотно зажмурив глаза.

— Ну, успокойся, слышишь… — грубая ладонь сержанта с опаской погладила по голове это маленькое, насмерть перепуганное существо. Андрей уже успел забыть, что на свете бывают такие крошечные, беззащитные создания. Он знал, как остановить прущий прямо на окоп танк, но совершенно не понимал, что нужно делать, чтобы прекратить этот бьющий в самую душу безысходный вой.

Сидящий у стены Дуглас, из плеча которого только что извлекли два зазубренных наконечника от дротиков, вдруг резко встал.

По виску Майкла все еще сочилась кровь.

— Ненавижу… — вдруг яростно прохрипел он, с силой пнув валявшийся возле него труп однорукого инсекта. Цейсовский бинокль на его груди был разбит перечеркнувшей хитиновый панцирь автоматной очередью. — Ненавижу!.. Ненавижу!.. Ненавижу!.. — Дуглас в истерике бил ногами мертвое тело, а злоба только росла, подпирая к горлу удушливым комом.

Сзади на него навалились две пары сильных рук.

Майкл несколько раз конвульсивно дернулся в их железных объятиях и вдруг обмяк.

Руки разжались, и он сел на корточки, прислонившись к изгрызенной пулями стене.

— Слушай, сержант, кончай… — прохрипел он, уродуя в пальцах неприкуренную сигарету. — Вызывай вертушки… Пацана нужно к врачам, понимаешь?! Мы с тобой хреновые психологи, мать твою…

— Уже вызвал… — Шевцов поднял взгляд на Дугласа, не отрывая ладони от горячей головы Антона.

Вокруг, среди разбросанных трупов, подбирая оружие, ходили молчаливые бойцы. Никто, вопреки обыкновению, не переговаривался, не пил жадными глотками из фляг, пытаясь унять першащую в глотке

пороховую горечь. Их лица, испачканные потом и кровью, коверкали совершенно одинаковые чувства, ничуть не отличающиеся от тех, что испытывал в эту секунду Шевцов или Дуглас.

Это была война… и они, привычные к следующей за ними по пятам смерти, болезненно и остро переживали в этот момент ее новый, внезапно открывшийся смысл…

С хмурых серых небес, нарезая лопастями влажный, холодный, воздух, в провал улицы падала тень опускающегося вертолета…

* * *

Его раненое сознание беззаботно и бездумно скользило где-то в красной туманной мгле, по самой поверхности бытия, не задевая событий и не задаваясь никакими вопросами.

Бесконечная цепь жестоких слайдов наконец застыла, оборвавшись в тот самый миг, когда с небес на него снизошло спасение в виде страшного черного человека, который крошил на его глазах насекомоподобных существ…

Антон не хотел ничего видеть и воспринимать, не слышал доносившихся оттуда, из глубины кровавой мглы, звуков.

— Откуда он взялся? — спрашивал чей-то грубый, сердитый голос. — Что-нибудь известно о его родителях?

— Папа… Мама… — попытался произнести Антон, но не смог…

Потом сквозь вязкие наслоения ваты до его сознания дошел другой голос, более спокойный и дружелюбный:

— …взвод Шевцова… Они, наконец, накрыли банду Однорукого. Инсекты волокли с собой этого мальчика и того мужчину без обеих ног…

— Это которого я вчера оперировал?

— Да, доктор, — подтвердил второй голос. — Но меня больше беспокоит мальчик. Ума не приложу, откуда он взялся у инсектов и что теперь нам делать.

— Н-да… Это вопрос. Хотя его происхождение для меня не такая уж и большая загадка… Мало ли еще сохранилось свободных человеческих поселений в лесах. И эта странная одежда тоже, как мне кажется, говорит в пользу затерянного поселения. Несколько веков назад люди не хотели драться с инсектами и очень часто уходили в девственные леса целыми кланами. Он что-нибудь говорил в бреду?

— Звал маму и отца, потом еще упоминал какого-то дядю Белгарда… Возможно, это и есть тот мужчина без ног?

— Скорее всего… А его родители, видимо, были убиты инсектами,

возможно, на глазах ребенка… Бедный мальчик… — грубый голос смягчился. — Не желал бы я такой судьбы собственным детям…

— Нужно что-то делать, доктор. Он на грани комы… Еще немного, и его сознание уже невозможно будет извлечь с того света.

— Да, сестра, вы абсолютно правы. Я сейчас поговорю с профессором, думаю, что он согласится на стандартную процедуру блокировки травматической памяти. Ту, что мы делаем солдатам после ранений.

— А выдержит ли он?

Сознанию Антона казалось, что он видит, как крупный седой мужчина в белом халате пожал плечами.

— Если не это, то ему уже не поможет ничто. Вы же знаете, что идет война, и мы не имеем средств, чтобы держать у себя годами впавших в кому пациентов, — заключил он.

Сквозь окружающий его дурман Антон слышал тяжелые, удаляющиеся шаги и долетевший до него из неимоверной бездны обрывок фразы:

— Ребенок, может быть, еще и выкарабкается, а вот кому я действительно не завидую в нашем мире, так это человеку, оставшемуся без обеих ног. Когда я оперирую таких безнадежных калек, мне кажется, что я совершаю преступление, и лучше бы им было спокойно умереть…

Голос оборвался. Где-то далеко хлопнула дверь.

Потом наступил всеобъемлющий мрак…

Глава 4. Развилка судеб

Утро было ярким и солнечным, несмотря на подкравшуюся к городу позднюю осень.

Деревья в парках уже облетели, и толстый слой желтой и огненно-рыжей листвы покрывал потрескавшийся от времени асфальт старых дорожек.

Ветер, забавляясь, шуршал по голым аллеям, изредка подбрасывая в воздух пригоршни сухих, скорчившихся листьев, словно надеялся, что они вновь прилипнут к ветвям… Конечно, у него ничего не получалось, и Антон, глядя на эти тщетные усилия глупого ветра, невольно улыбался.

Стоя в тупике заброшенной аллеи, которая упиралась во влажную и замшелую стену какого-то здания, он вдыхал чистый, холодный воздух осени и был счастлив.

Сзади по листьям прошуршали чьи-то легкие шаги, и Антон, обернувшись, увидел Дану, которая вприпрыжку бежала к нему, размахивая букетом огненно-красных кленовых листьев. От улыбки на лице девочки обозначились две ямочки, которые придавали ему чуть хитроватое выражение.

— Эй, ты чего убежал? — еще издали закричала она, подбрасывая свой букет в воздух. Остановившись, Дана втянула голову в плечи, а подброшенные вверх листья осыпали ее с головы до ног. Девочка весело взвизгнула и отскочила в сторону. — Там тебя ищет Тетя Сержант… — страшным голосом сообщила она Антону, скорчив строгую гримасу.

— Не пойду я к ней… — вдруг насупился Антон. Все его хорошее настроение вмиг улетучилось, словно его унес с собой порыв осеннего ветра.

— Эй, ты что? — Дана остановилась напротив мальчика и с серьезным видом принялась поправлять капюшон его потертой и не по росту большой форменной куртки. — Хочешь, чтобы нас всех наказали, да? — изображая из себя взрослую, упрекнула она.

— Нет… — вздохнул Антон. — Не хочу…

Он невольно отвел глаза, со странным замиранием сердца ощущая холод ее маленьких ладошек, которые, поправляя складки капюшона, касались его голой шеи. Лицо Даны было так близко, что он, смутившись, отвел глаза.

Девочка, по-своему истолковавшая этот жест, оставила в покое его

куртку.

— Пойдем, а то крику будет…

Антон нехотя подчинился. Он, конечно, понимал, что старших нужно слушать, но внутри что-то протестовало, не давая ему стать одним из двух десятков таких же, как и он, беспризорных сирот… За две недели, что прошли со дня его появления в группе, он постоянно испытывал щемящее чувство горькой, непонятной тоски. Он что-то потерял, но никак не мог вспомнить, что именно…

Дана, не обращая внимания на его насупленный вид, беззаботно скакала по аллее. Она первая подружилась с ним в тот самый день, когда он очнулся от странного состояния «небытия», которое тоже, как и весь мир вокруг, не находило своего объяснения в сознании мальчика.

Он просто был, и все. Открыл глаза и понял, что стоит посреди высокого, мрачного холла какого-то здания, а за руку его крепко держит незнакомая женщина с коротко остриженными волосами и броскими, некрасивыми чертами лица.

У Антона совершенно не осталось прошлого, как будто его никогда и не было, и сколько он ни старался, так и не смог вспомнить, что происходило с ним до той минуты, когда он пришел в себя в этом мрачном, сером помещении с высокими колоннами… Когда он попытался спросить об этом у женщины, что крепко держала его за руку, Тетя Сержант — так за глаза звали дети своего воспитателя — строго ответила, что он болел и потому ничего не помнит.

В душе Антон не поверил ей — ведь помнил же он свое имя, и фамилию… и больше ничего…

Эта внутренняя пустота пугала его до слез. Все вокруг казалось чужим — и серый город, и люди, и деревья. Подсознательно он чувствовал, что все должно быть не так, но эта мысль не находила под собой реальной почвы.

Иногда на самой границе заполнявшей его память пустоты начинали скользить какие-то смутные, страшные тени… как будто кто-то невидимый на миг приподнимал непроницаемую завесу черноты… и тут же все исчезало…

…Углубившись в свои, совсем не детские мысли, Антон почти не слышал того, что говорила ему Дана, и очнулся только тогда, когда сильная рука Тети Сержанта вдруг больно сжала его плечо.

— Ты где это шлялся, паршивец?

Антон поднял глаза и посмотрел в ее крупное, лошадиное лицо.

— Я гулял… — неожиданно для самого себя ответил он, внутренне

сжавшись от проявленной дерзости.

— Ты что, забыл, как нужно себя вести? Как положено обращаться к своему воспитателю?

— Господин Тетя Сержант! — выпалил Антон, и из его глаз вдруг непроизвольно брызнули слезы.

— Не тетя сержант, а просто — господин сержант! — грубо оборвала его воспитатель. — Дети, — повернулась она к остальным, — ваш новый товарищ не понимает, как нужно себя вести, поэтому мы досрочно возвращаемся в казармы.

Всю дорогу назад Дана не отходила от него, взяв за руку и пытаясь успокоить, но Антон, казалось, не слышал ее. Он шел, словно заводная кукла, машинально переставляя ноги. Он был один. Совершенно один во всем мире, несмотря на доверительный шепот Даны и ободряющие взгляды некоторых ребят…

…Вечером разозлившиеся из-за прерванной прогулки мальчишки здорово побили его, но Антон даже не заплакал. Боль физическая была терпимее, чем та моральная пустота, что царила внутри.

Он совершенно не понимал, куда он попал и что с ним будет происходить дальше…

* * *

Вечером того же дня, в одной из комнат детской государственной военной школы, состоялся любопытный диалог.

Сержант Марта Заболоцкая, которая как раз и была той самой «тетей сержантом», стояла в строю десятка таких же, как и она, рядовых воспитателей.

Начальник курса, старый бритоголовый капитан, медленно прохаживался перед строем, роняя тяжелые, словно кирпичи, слова.

— …Время компромиссов закончилось, — говорил он, глядя в серые лица своих подчиненных. — Война вновь вступает в свои права, но мы не можем действовать так же, как и раньше. Наша промышленность гибнет прямо на глазах, мы постепенно утрачиваем технологии и откатываемся назад, следуя проторенному инсектами пути. Этого нельзя допустить, — он остановился напротив Марты и вдруг гаркнул ей в лицо:

— Вам ясно, сержант Заболоцкая?!

— Так точно, господин капитан!

— Смотри… Ты у меня, по данным разведки, стоишь на первом месте по прикладному садизму… — он отступил на шаг и хмуро оглядел ее с головы до ног. — Завтра приду в твою группу и проведу тест на ай-кью…

Лицо Марты выражало полное недоумение.

— Ай-кью — это уровень интеллекта, сержант! — резко пояснил капитан, заметив выражение ее лица. — Нам, оказывается, нужны бойцы, которые умеют не только убивать, но и думать! Запомните это и действуйте соответственно.

Такова была новая директива. Антону очень повезло, что пришла она вовремя. Его определенный тестами уровень интеллекта оказался намного выше, чем у остальных двадцати человек группы, и это на некоторое время предопределило его судьбу.

Младших детей вместо постоянной муштры и редких прогулок стали сажать за старые, затертые и чудом уцелевшие учебники.

Для Антона, который все еще не понимал, кто он и как ему жить, учеба стала той отдушиной, что позволила мальчику вторично не сойти с ума. Особенно сильно ему нравилась история.

И еще Дана — эта удивительная девочка с коротко остриженными темными волосами.

Возможно, что эти два образа и связали его сознание с новым миром, позволив разуму Антона постепенно свыкнуться с отсутствием прошлого.

Так или иначе, но он выжил.

А сержант Заболоцкая в тот вечер, вернувшись в свою комнату, расположенную рядом с детскими казармами, долго стояла у зеркала, разглядывая свое некрасивое лицо, потом бессильно разревелась и, отстегнув протез руки, ничком рухнула на койку.

Ей тоже не хотелось жить, как и многим в этом мире. Но она являлась лишь частью, крохотным винтиком огромной машины под названием Цивилизация и в силу обстоятельств была не вольна принимать решения относительно своей судьбы…

* * *

Город…

Он существовал вопреки всему.

Девять веков истории наложили на него свой неизгладимый отпечаток в виде многочисленных следов эрозии, шрамов от войн и катастроф и прочих зачастую независимых от воли и деятельности людей отметин, но ни время, ни войны не смогли внести существенных изменений в его архитектуру. Казалось, что он незыблем, как кора планеты.

Мрачным, серым прямоугольником лежал он посреди испаханной людьми и войной равнины. Его стены, сложенные из многотонных

базальтовых блоков, поднимались к небу на сто двадцать метров.

Одна сторона гигантского серого прямоугольника равнялась ста километрам. Четыре стороны замыкали квадрат с плоской крышей из стеклобетона, на которой серыми, местами осыпавшимися утесами возвышались кварталы современных зданий.

Издали это походило на незавершенное строительство, некий фундамент, заложенный для чего-то монументального.

Собственно говоря, так оно и было.

В недрах Города, под одной из плит, покоилась прозрачная капсула, сквозь материал которой без труда просматривался заключенный внутри кусок керамлитовой брони от обшивки космического корабля. На нем крупными, выполненными еще при литье бронеплиты буквами выделялась рельефная надпись:

«Колониальный транспорт „Бристоль“. Земля. 2342 год».

Живущие ныне поколения уже успели забыть свои корни, которые терялись в туманной бездне тысячелетней истории. Этому в немалой степени способствовала война и вызванные ею долгие периоды деградации, когда сознание людей откатывалось назад, из поколения в поколение теряя частицы своих знаний, а вместе с ними — и истории.

На самом деле Город являлся всего лишь обветшалым цокольным этажом несостоявшегося мегаполиса.

У Ильи Матвеевича Белгарда этот факт не вызывал никаких сомнений. Забравшись на самый верхний этаж обветшалого небоскреба, на что у него ушло почти полдня, он получил возможность окинуть взглядом всю панораму застывшего тысячу лет назад строительства.

Настроение у бывшего капитана картографического крейсера «Терра» было подавленным. Два месяца, истекшие с того момента, как он пришел в сознание на жесткой госпитальной койке, спрессовали в себе столько событий, что ему казалось — прожита еще одна жизнь. Страшная, непонятная, жестокая…

Он до сих пор не мог осознать всей чудовищности произошедших с ним перемен. Сидя в инвалидной коляске у обвалившегося парапета балкона, он смотрел на простершуюся под ним панораму руин и думал о том, как найти свое место в этом измотанном непонятной ему войной обществе, где царили простые и жестокие законы.

Он должен был разыскать Антона… Илья Матвеевич в который раз поймал себя на том, что, став калекой, он все еще мыслит категориями

здорового, полноценного мужчины…

Мысль о мальчике была хуже фантомных болей в ампутированных выше колен обрубках ног, злее, чем грызущее изнутри чувство постоянного голода…

Ему никто не поверил. На него смотрели как на сумасшедшего, повредившегося в рассудке после потери ног. Никто, абсолютно никто не хотел хотя бы выслушать его аргументы. Эти люди прочно забыли, что такое космос. Они потеряли свою историю и воспринимали Белгарда даже не с сочувствием, а скорее с раздражением.

Когда обрубки ног зажили, его выпустили из ворот госпиталя, снабдив уже бывшей в употреблении инвалидной коляской и какой-то пластиковой картой, где были обозначены его имя, фамилия и отчество. На прощание хромой санитар посоветовал ему обратиться на завод, где, по его словам, инвалидов брали в цеха повышенного риска по производству боеприпасов.

— Проживешь недолго, но зато по-человечески. Там платят хорошо и жратва отменная, только вот несчастные случаи чуть ли не каждый день. Сам понимаешь, оборудование старое…

В первый момент Илья Матвеевич, оказавшись на улице без ног, без средств к существованию, испытал оглушивший его сознание шок… Он инстинктивно развернулся, неумело ворочая джойстиком, управляющим электроприводами коляски, но двери госпиталя уже закрылись.

Он был предоставлен самому себе.

А Город жил.

За голубой дымкой облетевших лиственных лесов, в тысячах километров отсюда возвышались руины древних поселений инсектов, а чуть дальше — их современные города…

Ничего этого не знал и не видел Илья Матвеевич Белгард. Он смотрел вниз, и его глаза слезились от гулявшего в пустых проемах выбитых окон ледяного ветра.

Он только начинал осознавать, что этот осенний, холодный и неприветливый мир — его. И он должен был сделать нечто совершенно неадекватное, чтобы отыскать в нем Антона.

* * *

В своей прошлой жизни Илья Матвеевич не испытывал особых затруднений. Он родился на планете Кьюиг, в семье потомственного астронавта, и его путь был предопределен заранее. Семья имела стабильный доход, отец и мать Ильи, налетав положенное количество лет

на борту межзвездного транспорта, рано ушли на пенсию.

Окончив академию астронавтики, Илья получил звание младшего офицера и некоторое время летал сначала вторым, а потом и первым пилотом на внутрисистемном грузовозе. Его жизнь текла размеренно и спокойно, в ней не было ни стремительных взлетов, ни провальных падений.

Потом он перешел в отдел межзвездных перевозок, но управление гиперсферными кораблями не принесло в его жизнь радикальных потрясений. Его карьера продвигалась ровно и вполне предсказуемо. Илья Матвеевич отлично справлялся со своими обязанностями и даже заслужил репутацию самого спокойного офицера флота.

Наверное, именно его уравновешенность и сыграла решающую роль в назначении Белгарда первым помощником капитана на картографический крейсер «Терра».

Возможно, что Илья Матвеевич никогда бы не дошел в своей карьере до должности первого офицера корабля, не тот он был человек, чтобы принимать единоличные решения, особенно в экстремальных ситуациях. Склонный к аналитике и спокойной, взвешенной оценке событий, он как помощник идеально дополнял собой импульсивного, решительного Хасимо и не желал для себя ничего другого. Но на пятом году полета в дело вмешался слепой случай — капитан сильно облучился во время одной из разведывательных высадок на лишенный атмосферы спутник. Внезапный отказ одной из систем его скафандра привел к фатальным последствиям — у Энри открылась тяжелая форма лейкемии. Спасти его могли только в стационарных клиниках Кьюига или какой-то другой цивилизованной планеты, но, чтобы не прерывать успешно начатый полет, капитана Хасимо, по его собственному настоянию, поместили в низкотемпературную камеру сверхглубокого сна, где он должен был проспать до возвращения «Терры» к обитаемым мирам.

Увы… Судьба распорядилась иначе. Его замороженное тело наверняка уже превратилось в облачко раскаленного пара вместе с рухнувшими на планету обломками «Терры».

Белгард чувствовал за собой вину перед погибшим экипажем, хотя даже теперь, вновь и вновь переживая те страшные секунды, что были отпущены ему на принятие каких-то решений, он приходил к очевидному выводу, что столкновение с внезапно изменившими свой курс астероидами было неизбежно…

Впрочем, имело ли это какое-то значение теперь?

Белгард понимал, что ему уже никогда не вырваться с этой планеты.

Из всего экипажа остались только он и Антон…

Мысль о мальчике была для Ильи Матвеевича тем стимулом, что заставлял его жить.

На самом деле, спустя трое суток после своей выписки из госпиталя он находился на грани совершенного отчаяния, и его измученному разуму были необходимы веские доводы в пользу того, что желание отпустить тормоз инвалидной коляски, сидя на накрененной крыше древнего небоскреба, совершенно неприемлемо…

В жизнь Ильи Матвеевича внезапно вторглись сотни новых проблем и понятий, которые раньше существовали для него лишь теоретически.

Оказывается, он был страшно зависим от тех условий, в которых протекала его прошлая жизнь. Белгард всегда с усмешкой относился ко многим социальным проблемам, таким, как нищета или бездомность. В его понимании эти люди попросту не хотели работать. Ему была непонятна их озлобленность и агрессивность, направленная против других, более обеспеченных сограждан.

Все это теперь стремительно сползало с него, словно шелуха или старая кожа. Оказалось, что налет цивилизованности очень тонок, а под ним дремлют такие чувства, о которых офицеру космического флота планеты Кьюиг и думать-то было неприятно…

Сидя в инвалидной коляске на перекрестке двух оживленных улиц, он задержался чуть в стороне от входа в какой-то магазин, мучительно обдумывая свои дальнейшие планы, когда вдруг поймал себя на том, что неотрывно смотрит в одну точку, а именно — на женщину, которая шла по тротуару на противоположной стороне, в потоке пешеходов. В руке она держала надкушенную булочку, и ее скулы двигались…

Илья Матвеевич не ел с того момента, как покинул госпиталь, и в этот момент он с ужасом осознал, что не видит ни женщины, ни других пешеходов, вообще ничего… Перед его затуманенным взглядом были лишь эти мерно движущиеся скулы и еще рука, которая держала надкушенный кусок…

Он ненавидел ее…

Чувство неприязни к жующему человеку, смешанное с заполнившей его рот слюной и острым запахом воображаемого хлеба было таким оглушающим, что он невольно пошатнулся, до боли в пальцах вцепившись в поручни своей инвалидной коляски.

«Нет… я сошел с ума… Так не должно быть… я человек… я… я…»

Эти мысли затухающим воплем метнулись в его голове, в то время как сознание затопило одним нестерпимым порывом — догнать ее и вцепиться

руками и зубами в этот невзрачный кусок булочки…

Он едва не сделал этого рокового движения. Его побелевшие от напряжения пальцы инстинктивно нашарили теплую рукоятку управляющего джойстика… Но в этот момент ему на колени упало что-то небольшое, но достаточно увесистое, чтобы он почувствовал прикосновение и, очнувшись от наваждения, изумленно уставился на свои колени…

Там лежала монета, поблескивая в неярком уличном свете, словно серебристая чешуйка диковинной рыбины…

Мимо него тек, спеша по своим делам, поток пешеходов. Илья Матвеевич сидел, неестественно выпрямившись в своем кресле, и неотрывно смотрел на круглый кусочек металла, словно боялся, что заразится от него неведомой, но страшной болезнью…

Пока он сидел в мучительном ступоре, ему на колени, звонко клацнув о ребро предыдущей, упала еще одна монета.

Он поднял глаза, но не успел разглядеть, кто кинул ему непрошеное подаяние. Мимо по-прежнему тек поток незнакомых лиц…

Капитан снова опустил глаза, и вдруг до него окончательно дошло, ЧТО лежало у него на коленях!..

Терпеть дальше он уже не мог. Почему-то воровато оглядевшись, он зажал во вспотевшей ладони полученные монеты и поспешно тронул джойстик управления, посылая коляску к лотку ближайшего уличного торговца.

Потом, прижав к себе купленный хлеб, он с тупой целеустремленностью отъехал от этого перекрестка, свернул в боковой проулок и остановился, оказавшись в полном одиночестве у разрушенного подъезда нежилого здания.

Во рту по-прежнему стоял тугой ком слюны. Белгард ощущал, что стал противен самому себе — грязный, жалкий, замерзший… Ему было мучительно стыдно… но все эти чувства бледнели перед тем, *как он хотел есть*…

Впившись зубами в коричневый мякиш, он жевал, судорожно сглатывая, пока в руках не осталось ничего — ни крошки.

Отерев рот тыльной стороной ладони, Белгард огляделся. Проулок был пуст. Хотя какая разница? — подумал он, страшась вспомнить терзавшие его только что чувства. Как ни странно, но он не ощущал ни сытости, ни удовлетворения, только опустошенность и тяжесть в желудке. Хотелось спросить у самого себя: неужели это то, из-за чего я только что был готов броситься на человека?..

Губы капитана вдруг мелко задрожали не то от холода, не то от мучивших его болей, не то от обиды и горького, беспомощного стыда… Ему нестерпимо хотелось в тот миг броситься назад, на людную улицу, и крикнуть в лицо серому, безликому потоку, что все это неправильно, что так не должно быть…

Но он не сделал этого. Виной тому была его память.

Илья Матвеевич вспомнил Кьюиг, нищие кварталы, грязные проулки у складов космопорта и бродяг, что как тени ошивались подле открытых круглосуточно дешевых ресторанчиков…

Он всегда старался побыстрее пройти этот неприятный для него участок пути, а чаще всего пользовался каким-либо транспортом, чтобы не видеть этих плохо одетых, грязных людей…

Сейчас он поймал себя на том, что за всю свою жизнь он ни разу не бросил никому на колени обыкновенной монеты…

С неба начал срываться нудный осенний дождь. Наступал вечер, вокруг заметно похолодало, и на соседних улицах зажглись редкие фонари. Нужно было искать, где укрыться на ночь, и Илья Матвеевич тронул управляющий джойстик своей коляски, направляя ее в серый сумрак выбитого дверного проема нежилого здания.

* * *

Ночью в Городе было совсем неуютно.

Звуки, тени, проблески света с обжитых улиц — все это сплеталось в мрачной, неестественной гармонии, создавая особую атмосферу. Где-то скрипел на пронзительном, холодном ветру ржавый лист кровельного железа. В руинах зданий заброшенного квартала, среди огрызков верхних этажей раскачивался забытый фонарь. Тени плясали по асфальтовому покрытию улицы, серым стенам и проломам, то удлиняясь, то укорачиваясь в такт порывам ветра.

В этот час в заброшенных городских кварталах не было ни души, с наступлением темноты город постепенно коллапсировал, сжимаясь в яркую точку центральных улиц. Только тут было светло и относительно безопасно.

На окраине обжитых кварталов, там, где свет резко граничил с тьмой, люди, спешащие укрыться от темноты, становились свидетелями каждодневного ритуала. Из центра, со стороны казарм городского гарнизона, перед самым наступлением ночи раздавался приглушенный гул. Он полз по Городу, распадался на отдельные источники, усиливался, пока на основных, ведущих в центр магистралях не показывались яркие глаза

зажженных фар.

Бронемашины ползли попарно. Их литые ребристые колеса, похожие на огромные фрезы, медленно давили потрескавшийся от времени асфальт, не оставляя на нем следов. Все происходило в обыденном, рутинном ритме. Запоздалые прохожие отступали на обочины, пропуская машины, которые доползали до последнего освещенного фонарями перекрестка и останавливались, выбросив облачка сизого дыма из выхлопных труб. Затем, в последний раз взревев моторами, они разворачивались друг к другу, полностью перегородив улицу, от стены до стены, и их башенные орудия обращали пустые зрачки стволов во тьму…

В сознании людей это означало только одно — пришла очередная ночь. Свет нес жизнь. Тьма — неизвестность и смерть…

Ощущение подкрадывающейся в темноте опасности было закреплено в подсознательной памяти многих живших тут поколений. Дело в том, что когда-то, на заре своей эволюции, инсекты были ночными насекомыми, и их выпуклые фасетчатые глаза без век отлично видели в темноте.

Люди, живущие в Городе, помнили опустошительные ночные набеги насекомоподобных существ. Они знали, как ненадежна и изменчива стылая ночная тишина.

Только капитану Белгарду было неведомо это подспудное чувство страха. Он практически ничего не знал об инсектах. Лишь обрывки услышанных в госпитале фраз да обилие вооруженных людей на улицах заставляли его задумываться о наличии тут второй, враждебной людям силы.

Впрочем, несмотря на отсутствие подсознательных страхов, ночной Город тоже не вызывал у него симпатий. Вокруг было мрачно, холодно и убого.

Ему нужно было где-то поспать, и он поспешил скрыться в руинах ближайшего здания, в бесплодной попытке спастись от пронизывающего ночного холода. Единственное, чего он добился, — это перестал ощущать резкие порывы ветра, а в остальном все осталось по-прежнему. Ночь брала свое. В помещениях цокольного этажа царил плотный, чернильный мрак, и если бы не фонарь, вмонтированный в один из подлокотников коляски, то Илья Матвеевич не смог бы преодолеть и метра в мрачных городских недрах.

Занятый своими мыслями и проблемами, он в поисках защиты от холода бессознательно двигался все ниже и ниже. Это было нетрудно, так как наряду с лестницами и давно бездействующими лифтами повсюду были проложены пологие пандусы, предназначенные для спуска и

перемещения техники.

Илья Матвеевич совершенно не осознавал уникальности своего ночного путешествия. Он был раздавлен как личность, боль терзала его плоть, а мозг находился во власти мрачных чувств и мыслей. Унявшееся ощущение голода лишь раскрепостило его сознание, пробудив остатки человеческого достоинства, и он вновь и вновь мучительно переживал минуты своего унизительного падения.

Голод заставил его озвереть, и так быстро… Три дня бродяжничества в холодных руинах превратили капитана космического корабля в озлобленного оборванца, готового броситься на человека…

Самое страшное заключалось в том, что Белгард прекрасно осознавал: не потеря ног и мучительные боли тому виной. Сохрани он физическую полноценность, разве это изменило бы его реакции на голод и одиночество? Нет. Скорее, увечье спасло его…

Он вспомнил, как долго и безнадежно пытался объяснить свое происхождение врачам госпиталя, как требовал, а потом и вымаливал у них хоть какую-нибудь информацию о судьбе Антона… Все было безрезультатно. Эти люди оказались для него глухой стеной, в которую он уткнулся, не добившись ни грамма понимания и сочувствия…

Илья Матвеевич остановил коляску и уставился во тьму, которую лишь слегка разгонял желтоватый свет его фонаря. Страшно было не то что жить, просто думать.

Завтра не было: он не представлял себе его. И даже мысль об Антоне не помогала. Была тьма, холод, который излучала стена, и безысходность.

Он вдруг вспомнил себя, уверенно шагающего по ярко освещенным, теплым коридорам «Терры», и криво усмехнулся потрескавшимися и обветренными губами. То был другой человек. Он не имел ничего общего с насмерть замерзшим калекой, что тупо смотрел в окружившую его тьму…

Воля к жизни… Вот чего ему всегда не хватало. Он плыл по течению, окруженный определенными благами, что давала ему цивилизация. Оказавшись вне привычных условий, он, как брошенный в воду камень, стремительно и необратимо пошел ко дну.

Илья Матвеевич вздрогнул и отстранился от ледяной стены, от холода которой уже заломило зубы. Никчемный… Пустой…

Эти слова не жгли его… наоборот, это был приговор. Сдаться, не вступая в борьбу. Закрыть глаза и отдаться во власть холода, чтобы не наступило пустое и страшное «завтра»…

А Антон?

Белгард так углубился в думы о своей злосчастной судьбе, что мысль

о мальчике поначалу не встревожила его так сильно, как прежде. Действительно, ну что он мог? Мальчик пропал… В госпитале ему ответили, что он может не беспокоиться о его судьбе… Значит, они взяли на себя опеку над осиротевшим ребенком…

А если нет? Кто поручится, что они не выставили его на улицу на другой день или через другую дверь? Может быть, сейчас Антон тоже замерзает среди руин?

Илья Матвеевич представил себе подобную картину, и ему вдруг стало страшно. Страшно самого себя. Те люди, что не хотели выслушивать его историй, были жестоки, но каков он сам? Что лучше, их грубая прямолинейность или его беспомощная, унизительная покорность? Упрямое, эгоистичное желание уйти от проблем, стеная над собственной судьбой…

Что делать?!.

Что?..

Ему хотелось кричать, грызть этот холодный, безучастный камень стен. Отчего ему было так плохо в этот момент? Не оттого ли, что он понимал — нужно понять этих людей, перестать жалеть самого себя, найти силы встретить рассвет, не замерзнуть, не покончить с собой… Выжить и выяснить, откуда тут эти руины неродившегося мегаполиса, кто есть окружающие его люди, с кем они воюют и какова их психология.

Только так он сможет выполнить свой долг. Долг человека и командира… Долг единственного взрослого, ответственного за судьбу мальчика. Никто не даст ему нужных сведений, и только разобравшись во всем сам, он сможет с уверенностью сказать, жив Антон или нет, замерзает он среди развалин или сидит в тепле…

Ему хотелось кричать, но из осипшего горла не вылетало ни звука. Лишь где-то в глубине каменного лабиринта звонко и отчетливо срывались капли воды, падая в невидимую лужу…

Он знал, что будет жить. И еще он понимал, что если сумеет дождаться рассвета, то уже не найдет пути назад, в спасительное отчаяние…

* * *

Эта ночь запомнилась Белгарду на всю жизнь.

Он медленно пробирался вперед, и в неверном желтоватом свете укрепленного на подлокотнике инвалидной коляски фонаря перед его глазами раскручивались сюрреалистические картины странной, давным-давно застывшей жизни.

Очевидно, недра цокольного этажа не пользовались популярностью у жителей верхнего города. Здесь на первый взгляд царило полнейшее запустение. Пологие пандусы и проложенные параллельно им навек отключенные эскалаторы, покрывал толстый слой осклизлой многовековой грязи. Осветительные приборы давно перегорели, механизмы по большинству рассыпались в прах либо возникали из плотного мрака уродливыми глыбами ржавчины, среди которой торчали совершенно не тронутые временем пластиковые детали. Стены во многих местах покрывала бурая и жесткая либо бархатистая и нежно-зеленая плесень. В нескольких местах на глаза Белгарду попадались серебристые пятна неправильной формы, похожие на кляксы, но он, спускаясь по пологим плоскостям пандусов, был больше занят своими внутренними ощущениями, чем окружающей его действительностью, и потому не обратил на них особого внимания.

Его фонарь начал светить совсем тускло, да и электромоторы коляски тянули уже еле-еле — видно, основательно сели питающие их аккумуляторы.

Капитан Белгард выехал в какое-то огромное сумеречное помещение, по пространству которого тянулись непонятные, странно изогнутые тени, и остановился. Дальше двигаться не было сил. Он погасил фонарь и устало откинулся на подголовник, давая отдых измученному телу.

Судя по его ощущениям времени, скоро наверху должен был наступить рассвет, но тут его окружал вязкий, непроглядный мрак. В недрах мегаполиса оказалось лишь немногим теплее, чем наверху, и он скорчился в своем кресле, впадая в странное полузабытье…

Этим стылым осенним утром Илья Матвеевич Белгард понял одну истину, которая иным дается с рождения, а некоторым недоступна совсем…

Он понял, что Судьбы нет. Есть Человек и есть его поступки, которые как раз и формируют понятие «жизнь». На первый взгляд посетившая его истина казалась старой, затрепанной, какой-то убогой… но стоило задуматься, как она превращалась в откровение, словно старая монета, извлеченная из земли, — сотри с нее грязь, и блеснет драгоценный металл…

Ночью, во тьме, в полубессознательном состоянии плутая по заброшенному лабиринту подземного Города, он понял, что лимит случайностей уже исчерпан. Отныне он будет иметь только то, что создаст для себя сам.

Он мог творить свою собственную судьбу хотя бы потому, что не умер этой ночью, а, скрипя зубами, заставил себя дожить до рассвета.

О том, что наверху начинается новый день, он узнал, заметив бледно-розовое сияние, исходящее от потолка огромного запущенного помещения. Вне всяких сомнений, это был рассвет, и утро, должно быть, наступало ясное, чуть морозное и безоблачное.

Он пошевелил закоченевшими руками, повернул голову, осматриваясь и стряхивая с себя остатки тяжелой дремы.

Бледно-розовый свет, который уже стал заметно ярче, исходил от потолка, который имел полукруглую, арочную форму и состоял из прозрачных стеклянных сегментов.

Илья Матвеевич точно знал, что над его головой должны быть десятки этажей городских коммуникаций, но никак не мог избавиться от ощущения, что видит настоящий солнечный свет. Внимательно осмотревшись по сторонам, он понял, что его чувства не лгут.

Он находился в старой, давным-давно заброшенной оранжерее. У Белгарда потеплело на душе, когда он заметил такие знакомые, но казавшиеся ему раньше отвратительными и тошнотворно-утилитарными формы.

Эти люди были выходцами с Земли!..

У капитана Белгарда было хобби: как многие, большую часть своей жизни проводящие средь низких палуб и тесных отсеков космических кораблей люди, он питал слабость к растениям. Оранжереи много лет оставались его неизменным увлечением, и он знал о них почти все, включая и историю их возникновения и развития.

Так вот, то помещение, в котором он очнулся от тяжкого сна, являло собой точную копию тех глубинных оранжерей, что были разработаны на Земле много веков назад, еще до эпохи Первого Рывка, когда планета задыхалась от перенаселения.

Илья Матвеевич мог утверждать это со знанием дела.

Прозрачный ячеистый свод был сложной светораспределяющей конструкцией. Солнечные лучи попадали сюда через наклонные тоннели, устроенные по принципу перископа, и, отражаясь через систему зеркал, равномерно освещали всю площадь огромного зала. При более внимательном рассмотрении среди сегментов потолка можно было заметить гроздья давно потухших ламп, предназначенных для искусственной подсветки.

Такая конструкция являлась уникальным детищем страха. На перенаселенной Земле люди больше всего боялись тотальной ядерной войны, и потому десять нижних этажей любого из городов-мегаполисов являли собой ядерные убежища. Здесь, за толстыми стенами из

освинцованного бетона, процветали космические технологии в виде замкнутых систем жизнеобеспечения и самодостаточных промышленно-пищевых комплексов. Люди хотели выжить в любых условиях. Они прятали свои сады глубоко под землей и проводили к ним безопасный, отфильтрованный свет.

Ядерной войны на Земле не произошло. Новые поколения были посланы к звездам, началась эра Экспансии, и идея городов-убежищ получила свое новое развитие. Каждый колониальный транспорт, покидавший границы Солнечной системы, снабжался технологиями и оборудованием для строительства города-крепости со своим термоядерным реактором и замкнутыми жизненными циклами…

Пока Белгард разглядывал изогнутый купол потолка, день полностью вступил в свои права — вокруг стало совсем светло.

Илья Матвеевич вдруг понял, что слышит какие-то непонятные звуки. Он огляделся, со смятением осознавая, что это место совсем не соответствует его понятиям о брошенной тысячу лет назад подземной оранжерее.

Тут по-прежнему присутствовала растительная жизнь, наличие которой он просто не смог угадать в темноте. Заросли кустарников с бледными, стреловидными листьями соседствовали с группами темно-зеленых, мясистых растений, похожих на кактусы. Бурую почву, на которой тут и там виднелись проплешины ржавого цвета, покрывала жесткая, низкорослая трава. Дальше, за кустами, к куполу потолка, до которого было не меньше нескольких сот метров, вздымались редкие кроны настоящих деревьев…

Илья Матвеевич был потрясен. Площадь оранжереи равнялась, по его приблизительным подсчетам, трем десяткам гектаров, и тут сложился свой микроклимат… С наступлением утра к куполу потянулись голубые полосы тумана, образуя дымку, которая оседала в виде конденсата на светоотражательных сегментах. Еще немного, и редкие капли начали срываться вниз, питая почву и омывая листья растений…

Дождь… Дождь, который шел в заброшенных недрах древнего города, на глубине в несколько сот метров от открытой солнцу и ветрам поверхности… Это было удивительно.

Интересно, есть ли тут съедобные плоды? — подумал он, почувствовав вернувшиеся спазмы голода.

Тронув управляющий джойстик своей коляски, Илья Матвеевич рискнул отъехать от черневшего за его спиной входа, через который он попал в этот зал.

Кустарник со стреловидными листьями не показался ему пригодным для еды — не мог же он грызть кору и жевать мелкую колючую листву, а вот подобия кактусов могли помочь ему утолить голод. Конечно, это было крайне рискованно, но был ли у него иной выход?

Удалившись от входа, он заметил, что заросли кустарника разделены просеками или тропами. Они были достаточно широкими, чтобы по ним прошла инвалидная коляска, и тянулись в разных направлениях, пересекаясь под прямыми углами. Белгард избрал одну из них, которая, по его мнению, вела к группе кактусоподобных растений. Никаких следов на тропе не было — просто плотно утрамбованная, бурая от опавшей листвы поверхность. Ветки кустарника не пытались затянуть просеку, — две отвесные стены растительности шли параллельно друг другу, — тропа не сужалась и не расширялась, словно ее проложил неведомый садовник, тщательно поработав тут секатором…

Несмотря на длительную паузу в эксплуатации, электромоторы коляски тянули еле-еле, и капитану понадобилось около десяти минут, чтобы преодолеть сотню метров. Теперь ему приходилось сильно жалеть о бездумно растраченной ночью энергии аккумуляторов, подзарядить которые в его положении казалось весьма проблематично.

Впрочем, его переход по тропе закончился раньше, чем окончательно иссякла энергия. Заросли кустарника внезапно раздались в стороны, открыв глазам Ильи Матвеевича обширную поляну, на противоположном краю которой росли лишенные иголок двухметровые кактусы.

Он остановился, давая передышку себе и моторам, и в наступившей тишине его слух различил сразу несколько звуков.

Где-то неподалеку текла вода. Редкий дождь уже закончился, хотя под куполом оранжереи все еще клубился похожий на облака туман. Сквозь прорехи этой дымки вниз падали отвесные лучи, искрясь в капельках росы, покрывавшей листву кустов.

Журчание доносилось с противоположного края поляны, и к отчетливому звуку текущей воды ясно примешивался другой, тоже хорошо знакомый Илье Матвеевичу шум.

Это был заунывный присвист работающих серводвигателей, сопровождаемый тяжкой поступью.

Что-то ломилось на поляну, пробиваясь сквозь заросли кактусоподобных растений.

* * *

Одни звезды ведали, сколько сотен лет насчитывал на своем веку этот

робот.

Илью Матвеевича должен был охватить ужас, когда на поляну, ломая мясистые, зеленые стволы, выполз этот реликт, но его вид был так комичен, что губы капитана исказила невольная улыбка.

Когда-то это, несомненно, был многофункциональный аграрный робот, предназначенный для ухода за всеми мыслимыми видами окультуренных человеком растений, но видно, что над его обликом потрудилось не только время… Обычно аграрные роботы имеют дискообразный корпус, высоко поднятый на шести или восьми ступоходах. Такая конструкция позволяет машине свободно передвигаться среди растений, не повреждая их. В корпусе робота, как правило, монтировался стандартный набор сельскохозяйственных манипуляторов, предназначенных для рыхления почвы, сбора плодов, уборки больных или состарившихся листьев и так далее…

Появившийся на поляне реликт был явным калекой. Его семиметровый дискообразный корпус волочился по земле, опираясь своей задней частью на ось с двумя широкими колесами. Передвигался он посредством трех передних ступоходов, поочередно выбрасывая их вперед, глубоко вонзая в землю и подтягивая многотонное тело, по бокам которого беспомощно обвисли обломки остальных пяти суставчатых опор. При этом он издавал характерный визг и лязг.

Добравшись таким образом до середины поляны, робот остановился, вращая объективом видеокамеры. Затем неуклюже развернулся и отполз чуть в сторону, оставляя за собой глубокую борозду развороченной колесами земли.

Илья Матвеевич, который, затаив дыхание, наблюдал эти конвульсии древней машины, не сразу понял их смысл. И только когда в верхней части дискообразного корпуса открылось несколько прорезей и оттуда, расправляясь на ходу, выдвинулись жесткие веера солнечных батарей, он догадался, что у машины изменился не только внешний вид, но и специализация. Бывший аграрный робот теперь выполнял совершенно иные функции, об этом, в дополнение к сегментам солнечных батарей, говорили замеченные им ранее несколько потрепанных кабелей, что волочились вслед за роботом, подпрыгивая на кочках и ударяясь грязными разъемами об его колеса.

Расправив три веера светопоглощающих элементов, робот застыл посреди поляны, похожий на диковинного зверя…

Илья Матвеевич наблюдал эту сцену в полной прострации. Он совершенно не понимал, что происходит… Все это противоречило и

логике, и его знаниям в области роботехники. Оставалось предположить одно — где-то рядом, в нижних ярусах цокольного этажа Города, все еще живут люди, которые обладают достаточными знаниями для того, чтобы в корне перепрограммировать робота, круто сменив его специализацию…

Осененный внезапной догадкой Илья Матвеевич начал озираться по сторонам, пока не заметил среди бурой почвы несколько длинных темных полос.

Тронув джойстик управления своей коляской, он добрался до одной из них и погрузил пальцы в рыхлую, полную перегноя землю.

Она была теплой! Он не ошибся — в грунте была проложена система отопления, некоторые звенья которой все еще работали. Тепло могло быть получено только от стационарного термоядерного реактора, расположенного где-то ниже, у самого основания Города.

Мозг капитана лихорадочно заработал, будто очнувшись от долгого оцепенения. Там, в глубинах Города, расположены реакторные залы, которые позволяют Городу жить. Там есть исправные компьютерные сети — бесценный кладезь информации… Там… Там…

У Ильи Матвеевича перехватило дыхание от тех перспектив, что нарисовало ему разыгравшееся воображение — он как будто заглянул в привычный для него мир. Не тот холодный, деградировавший, полуразрушенный Город, что располагался наверху, а мир исправных кибернетических систем, теплых, светлых коридоров и послушной автоматики.

Однако один взгляд на застывшее посреди поляны ископаемое немного охладил его разыгравшееся воображение. Реактор, несомненно, работал, но вот касаемо всего остального… Уродливый робот, искалеченный временем и поставленный кем-то на подпорку с двумя колесами, явно не вписывался в картину исправного кибернетического мира…

Ему оставалось только одно — попробовать дождаться тех, кто пользуется получаемой роботом энергией. Кто бы ни были эти существа, но Илья Матвеевич надеялся, что они ответят на мучившие его вопросы…

* * *

Ему пришлось ждать несколько часов, прежде чем на поляне, посреди которой застыл аграрный робот, вновь возникло движение.

За это время Илья Матвеевич, порядком измотанный своим ночным путешествием, успел найти тонкий ручеек, журчание которого он слышал перед появлением перепрограммированной сельскохозяйственной машины,

и напился чистой, но сильно отдающей железом холодной воды. Попробовать мякоть кактусов он не решился — сок, выделяемый этими растениями, был ядовито-зеленого цвета и имел резкий, неприятный запах.

Зато он смог согреться. Забравшись под ближайший куст, там, где пролегала теплотрасса, он всеми клетками своего тела почувствовал исходящее от прелой земли блаженное тепло и почти мгновенно уснул, скорчившись в своем кресле…

Впервые за последние дни, несмотря на голодные спазмы и бурчание пустого желудка, он спал глубоко и спокойно, не вздрагивая каждую секунду и не просыпаясь от холода. Оказывается, человеку для счастья нужно не так уж и много…

…Разбудил Илью Матвеевича громкий стрекот.

Он открыл глаза, в первый момент не в силах вспомнить, где он находится и что происходит вокруг. Его сон был так глубок, что, даже вырвавшись из его цепких объятий, он продолжал грезить тем, что ему только что снилось.

Он все еще шел по улицам родного города, одной рукой крепко сжимая теплую ладошку Антона, а другой — щедро раздавая монеты выстроившимся вдоль тротуара нищим…

Сделав над собой усилие, капитан тряхнул головой, отгоняя видение, и реальность вернулась к нему резким болезненным воспоминанием о том, где он находится и насколько безрадостно его положение…

Из-за ветвей кустарника, под которыми он спал, доносился стрекот, похожий на работу старой бензиновой газонокосилки. Осторожно раздвинув гибкие, упругие ветви, Илья Матвеевич выглянул на поляну.

Оказалось, что он не ошибся в своем восприятии этого звука: из зарослей кустов на противоположной стороне медленно выползала машина, снабженная двумя расположенными по бокам фрезами, которые бешено вращались, издавая тот самый, разбудивший его стрекот. Вслед за машиной тянулась ровная просека, от которой по всей поляне плыл сладковатый запах измельченной древесины.

Машина прорубила последние полметра и остановилась. Стрекот стих, и стал слышен шелест рассекаемого воздуха, исходящий от двух вращающихся по инерции дисков.

Видеокамера на корпусе сельскохозяйственного робота повернулась, нацелившись на вновь прибывшего. В наступившей тишине вдруг раздался высокочастотный свист, сопровождаемый быстрым пощелкиванием разной тональности.

Это было очень похоже на воспроизведение аудиозаписи

компьютерной программы. Капитан знал, что был такой старинный способ хранения информации, когда программы записывались и считывались при помощи звуковых дорожек…

Язык? Общение двух машин? Или он сошел с ума?

Эти мысли вихрем пронеслись в его голове, но их дальнейший ход был нарушен появлением на поляне новых действующих лиц.

Это были три похожих друг на друга бытовых робота, отличавшихся лишь степенью своей изношенности, и человек, который, как опытный пастух, погонял их странным приспособлением, похожим на гибрид пульта дистанционного управления и электрошоковой дубинки.

В какой-то момент капитану Белгарду стало всерьез казаться, что он просто-напросто сошел с ума… Три бытовых агрегата, передвигавшихся на маленьких колесах, размахивали гибкими манипуляторами, собирая скошенную листву и куски веток в специальные, приторочненные к их цилиндрическим корпусам контейнеры.

Человек, который оказался мужчиной средних лет, с темной, аккуратно под стриженной бородой, был одет в обыкновенные штаны, куртку и сапоги. Он следовал за роботами, тыча их в бока своим странным приспособлением, отчего между стальными корпусами и тупым концом похожего на дубинку прибора проскакивали желтые искры.

Наконец, когда последние ветки и листья были подобраны, маленькое стадо, подчиняясь понуканиям своего пастуха, сгрудилось под сенью сельскохозяйственного робота. Человек подошел к дискообразному корпусу машины и открыл неприметную заслонку, под которой оказался самый обыкновенный пульт ручного управления с несколькими рядами кнопок и небольшим экраном.

Через некоторое время аграрный робот пришел в движение, послушно опустив свои ступоходы, словно дрессированный слон, встающий на колени во время циркового представления. В его выпуклом боку открылась полуметровая диафрагма, куда три робота тотчас вывалили содержимое своих контейнеров. Диафрагма закрылась, и над поляной раздалось напряженное гудение, какое иногда издают линии высоковольтных передач в пасмурную дождливую погоду…

В этот момент Илья Матвеевич закашлялся.

Человек на поляне вздрогнул от резкого постороннего звука и быстро обернулся, угрожающе приподняв свой электрошоковый прибор.

— Кто тут?! — хриплым голосом спросил он.

Три робота за его спиной зашевелились, воздев свои гибкие манипуляторы, словно обезьяны, пытающиеся повторить жест своего

хозяина.

— Извините… — Илья Матвеевич пребывал в шоке и выдавил первое, что пришло ему на ум. Отодвинув рукой ветви, он обнаружил себя. — Я не хотел вас испугать…

Глаза незнакомца, окруженные мелкой сеточкой морщин, подозрительно сощурились.

— Кто ты такой? — грубо спросил он, бесцеремонно разглядывая капитана.

— Я? — Белгард замялся. — Я заблудился ночью в катакомбах. Меня зовут Илья Матвеевич… Я пришел сверху, из Города, — пояснил он.

— Из Города? — покачал головой бородатый погонщик роботов, опуская свое оружие. — Они там еще живы? Не всех сожрали инсекты?

— Простите, — вздохнул Илья Матвеевич, — но я мало что знаю о жизни живущих наверху людей… Я даже смутно представляю, кто такие эти инсекты, о которых вы только что упомянули.

— Ты что, с луны свалился? — искренне удивился незнакомец. — Или у тебя крыша поехала?

История повторялась. У Белгарда даже помутилось в голове, насколько ситуация была похожа на ту, что происходила в госпитале. Он должен был либо врать, либо согласиться с тем, что он сумасшедший.

— Я не знаю… Думайте что хотите, — внезапно резко ответил он. — Я заблудился в руинах, вот и все. В моей коляске сели аккумуляторы, и я не могу сдвинуться с места…

Лицо незнакомца, мимику которого было трудно прочесть из-за бороды, казалось, смягчилось. Он видел, что у его собеседника нет обеих ног, да и выглядел он не лучше, чем выходец с того света…

— Ладно… — проговорил он, делая шаг вперед и протягивая Белгарду руку для пожатия. — В принципе, мне нет дела до того, кто ты есть. Меня зовут Дейвид Ито, — представился он.

* * *

Дейвид оказался человеком немногословным, даже угрюмым, но в общем он произвел на Илью Матвеевича благоприятное впечатление.

— Есть хочешь? — без обиняков спросил он, когда инвалидная коляска усилиями двух роботов была вытащена из зарослей кустов на поляну.

Белгард кивнул, с трудом сглотнув тягучий ком слюны. Он поклялся самому себе, что будет контролировать эмоции и никогда больше не допустит повторения того унизительного состояния, когда животные

инстинкты пересилили в нем разум.

Дейвид подошел к аграрному роботу, который продолжал испускать напряженное гудение, и открыл еще одну заслонку. Просунув руку в образовавшуюся нишу, он достал оттуда два темно-коричневых брикета и протянул один из них Белгарду.

Илья Матвеевич благодарно кивнул. Коричневый брикет казался почти невесомым и был теплым.

— Это еда? — на всякий случай осведомился он.

Погонщик роботов добродушно усмехнулся в бороду:

— Ешь, не бойся, — проговорил он. — Вкус не очень изысканный, но еда что надо. Хватает почти на сутки.

Илья Матвеевич откусил уголок брикета. Вкус действительно оказался не ахти какой — было ощущение, что в рот ему положили кусочек разогретой древесной коры, но это быстро прошло. Справившись со своей порцией, он с удивлением обнаружил, что голод действительно пропал, — сытость была какой-то легкой, приятной, не оставляющей ощущения плотно набитого неизвестно чем желудка.

Пока он ел, гул, исходящий из недр сельскохозяйственной машины, стих. Дейвид, который проглотил свой брикет намного быстрее Белгарда, подошел к борту машины и вывалил в приготовленный пластиковый мешок несколько десятков темно-коричневых брусков.

Очевидно, что теперь настала очередь кормежки для роботов. Они, как нетерпеливые дети, все это время крутились неподалеку, и даже массивная машина, что прорубала тропы в зарослях кустов, не могла устоять на месте, — ее колеса то вздрагивали, чуть трогая с места, то поворачивались в разные стороны…

Казалось, все машины ждут какого-то сигнала.

Илья Матвеевич наблюдал за ними со смешанным чувством удивления и даже некоторого страха. Все в поведении этих машин было не свойственно роботам. Они вели себя скорее как разумные, испытывающие эмоции существа, нежели как обыкновенные электронно-механические приборы.

Дейвид отнес мешок с брикетами в сторону и, повернувшись к своим «питомцам», вдруг издал серию резких щелчков.

Три бытовых автомата, размахивая манипуляторами и отталкивая друг друга, бросились к свисающим с борта аграрной машины кабелям.

После некоторой толкотни, сопровождаемой резкими щелчками и свистом, каждый из них завладел своим разъемом и застыл, подзаряжая внутренние энергетические накопители.

— Страсть как любят заряжаться… — добродушно прокомментировал Дейвид, исподволь наблюдая за реакцией Белгарда.

Капитан сидел с отвисшей челюстью, не в состоянии вымолвить ни слова. Все принципы роботехники, тщательно уложенные в его сознании еще со студенческих времен, прямо на глазах превращались ни во что, в отжившую и несостоятельную теорию прошлых лет…

— Потрясающе… — наконец выдавил он, повернувшись к Дейвиду. — Как вам удалось написать такие программы? Это же настоящая модель эмоционального поведения…

— Какие программы? — в свою очередь удивился тот. — Я плохой спец в этих делах, — покачал головой Дейвид, завязывая мешок с брикетами, и тут же пояснил: — У ребят были некоторые трудности, вот мы и подружились. Или я просто приручил их, — пожал плечами он. — Им нужна энергия, мне — еда. Это взаимовыгодно. Они давно ходили кругами возле этого агрария, — он небрежно кивнул в сторону сельскохозяйственного робота, — все пересвистывались, перещелкивались, даже приволокли откуда-то сегменты солнечных батарей, а вот установить их не хватило не то мозгов, не то сноровки. В общем, мы договорились. Они достали синтезатор пищи и приволокли нерабочего заготовителя, — он указал на робота с двумя дискообразными фрезами, который все еще дергал колесами, ожидая своей очереди на подзарядку. — Ну а я установил на агрария солнечные батареи. Получилось неплохо, да?

Видимо, у Белгарда был идиотский вид, потому что Дейвид нахмурился, не дождавшись ответа и пытаясь понять, отчего этот человек в инвалидной коляске смотрит на него, как на сумасшедшего.

Просто у капитана не было слов. Все, что происходило тут, не укладывалось в его голове. Сначала он видел дождь, который шел на глубине нескольких километров от поверхности, потом двух общавшихся между собой реликтов, технологии изготовления которых устарели около тысячи лет назад, и вот теперь этот человек заявляет ему, что роботы живут своей жизнью, самостоятельно мыслят! И он не имеет никакого отношения к нюансам их поведения!.. Возможно ли это?

Илья Матвеевич был далек от той стадии мракобесия, когда в ответ на непостижимое явление человек заявляет, что этого быть не может просто потому, что не может быть. И все же ему хотелось сказать что-то в этом роде…

— Вы… Вы приручили этих роботов?!

— Да. А что здесь такого? — с вызовом ответил Дейвид. — Здесь полным-полно бесхозной техники.

Илье Матвеевичу не оставалось ничего, кроме как просто поверить его словам.

— А среди этой бесхозной техники есть хоть один сетевой компьютер? — осторожно поинтересовался он.

Дейвид, который в этот момент подсоединял освободившиеся разъемы к ждущему своей очереди лесопроходчику, на секунду застыл, обдумывая вопрос, а потом с уверенностью кивнул:

— Думаю, что да, — ответил он. — Только я бы не стал соваться в те места. Радиация и серебряная плесень, — пояснил он. — Гиблые районы.

«Радиация и серебряная плесень…» — мысленно повторил Илья Матвеевич. Знать бы, что такое он имеет в виду… Каков источник радиации? Что такое «серебряная плесень»?.. Кто, в конце концов, подразумевается под термином инсект?

Все эти вопросы требовали если не немедленного, то очень скорого ответа. Без информации капитан начинал ощущать себя рыбой, выброшенной на берег, — он задыхался от ее скудости…

Занятый своими мыслями, капитан не заметил одной очень важной перемены — еще сутки назад он умирал от голода и вообще не задумывался над получением каких-либо знаний.

Глава 5. Сеть

— Да… А колясочку-то подсунули дерьмовую… — Дейвид разогнулся, вытирая испачканные руки о тряпку. — Не в аккумуляторах дело, — пояснил он Илье Матвеевичу, который напряженно следил за ним, стыдясь своей беспомощности. — Придется менять один электродвигатель, там замкнуло обмотку.

— Это возможно?

— Без проблем. Только не тут, а в моей мастерской.

Белгард сокрушенно покачал головой, глядя на снятый пластиковый кожух своей коляски.

— Не переживай… — сильная ладонь хлопнула капитана по плечу. — Мне это не в тягость.

— А как быть сейчас?

— Ну, дотянешь как-нибудь на одном движке, — успокоил его Дейвид. — Тут недалеко.

Он поставил на место снятый кожух и помог Илье Матвеевичу перебраться в кресло.

К этому времени свет наверху начал сереть. Приближался вечер, и вскоре оранжерея должна была погрузиться во мрак. Три бытовых робота уже стояли у просеки, нетерпеливо пересвистываясь.

— Ну, поехали… — буркнул внезапно помрачневший и озаботившийся Дейвид. — Скоро тут будет небезопасно.

— А что такое? — спросил капитан, трогая джойстик управления. Коляска медленно поползла вперед, вслед за роботами, которые уже вошли в узкое пространство просеки.

— Я же говорю, серебряная плесень… — лаконично ответил замыкавший процессию хозяин механического стада. — Вон видишь, и аграрий пополз прятаться, — добавил он, нервно озираясь.

Действительно, сельскохозяйственный робот свернул веера солнечных батарей, и по оранжерее разнеслись стоны его сервоприводов.

— Скажи, а ты давно живешь тут? — осторожно осведомился Илья Матвеевич. Он не видел, как двигавшийся вслед за его коляской человек в задумчивости сгреб в пригоршню свою бороду.

— Лет пять, наверное… — спустя некоторое время ответил он. — Инсекты разорили нашу ферму, вот и пришлось срываться с насиженных мест.

— Они животные?
— Кто? Инсекты?
— Ну да… — Илья Матвеевич знал значение термина «инсект», но местное толкование было ему совершенно непонятно.
— Ты точно сдвинутый. Какие они животные? — возмутился за его спиной Дейвид. — Ты хоть раз видел животных, которые строят города и разгуливают с автоматами? Эти твари в иных вопросах будут поумнее, чем я и ты…
Белгард вздрогнул, но тут же взял себя в руки, стараясь не показать, что только что произнесенные слова были для него откровением.
Разумная раса… Кто мог подумать, что мечта сотен поколений исследователей о встрече с нечеловеческим разумом давным-давно воплотилась в жизнь на этой планете…
Он замолчал, пытаясь осмыслить услышанное.
Пока они переговаривались, двигавшийся впереди колонны лесопроходчик вышел из теснины прорубленной им несколько часов назад просеки и вошел в черный зев тоннеля. Ярко вспыхнули его фары, залив пространство вокруг мертвенно-белым светом.
В голове Ильи Матвеевича метались сумбурные мысли. Разумные насекомые… Саморазвивающиеся роботы… Какая-то серебряная плесень… заброшенный город… Полная деградация, война двух рас, которая, судя по всему, длится уже не год и даже не десятилетие…
«Куда же я попал? — думал он, пока отряд тащился по широкому грязному тоннелю подземного лабиринта. — Как разобраться в этом хаосе, как найти Антона и что делать дальше?»
У него не было ответа на эти вопросы.

* * *

Жилище Дейвида оказалось старым подземным гаражом.
Здесь явно поработала рука человека. Широкий магистральный коридор был чист, над входом тускло сияла обыкновенная лампочка накаливания, а массивные ворота без скрипа и стенаний свободно поднялись, едва хозяин тронул скрытый сбоку от них рычаг.
— Не боишься незваных гостей? — поинтересовался Белгард.
— Нет, — лаконично ответил Ито. — Роботам не хватает сообразительности искать рычаг и дергать за него, а люди тут слишком большая редкость, чтобы опасаться их.
— А почему они не ходят вниз?
— Боятся. Тут нет ничего хорошего.

— А ты?

Дейвид пожал плечами, закрывая массивный створ ворот, который, как оказалось, двигался посредством сложной системы укрепленных изнутри противовесов.

— Мне не нравятся люди… — внезапно признался он, сверкнув на Илью Матвеевича недобрым взглядом. — С роботами проще и спокойнее. Они, по крайней мере, не норовят воткнуть тебе нож в спину или распорядиться твоей жизнью по праву сильного.

— Извини, Ито… Я не собирался лезть к тебе в душу.

Опустив ворота, Дейвид зажег свет. Илья Матвеевич огляделся, не скрывая своего любопытства. Первое, что бросилось ему в глаза, был компьютерный терминал, установленный особняком у серой бетонной стены. Перед ним, на приспособленном в качестве стола перевернутом кверху дном контейнере, лежала весьма архаичная клавиатура. Вдоль стен, в которых он разглядел еще три двери, тянулись верстаки и полки, оставшиеся еще с тех времен, когда гараж использовался по своему прямому назначению.

Пока он осматривался, роботы гуськом проследовали в среднюю дверь.

— Там их ангар, — пояснил Дейвид. — В другой комнате мое жилье, еще одну я использую как склад. Ну, а тебе придется довольствоваться этим, — он обвел широким жестом верстаки и терминал.

Илья Матвеевич не нашелся, что ответить. Пока Ито распаковывал свою поклажу и громыхал каким-то железом в ангаре для роботов, он в замешательстве продолжал сидеть в своей коляске.

Его непреодолимо, как магнитом, тянуло к компьютерной консоли, но вспотевшая ладонь Белгарда не решалась нажать джойстик управления. Почему Дейвид сказал, что до ближайшего компьютера лежит опасный путь? Или он не понял значения вопроса? А быть может, этот терминал неисправен или попросту отключен от сети?

Все его вопросы нашли свой ответ самым неожиданным и радикальным образом. Он не слышал шагов за своей спиной и очнулся только тогда, когда что-то холодное и острое коснулось его горла.

Он вздрогнул, и лезвие ножа больно врезалось в кожу.

— Не трепыхайся, — посоветовал голос Дейвида.

Илья Матвеевич и не думал о попытках сопротивления. Он просто обмер от такого неожиданного оборота событий.

— Теперь говори, зачем ты приперся сюда и как вы научились обходить паутину? Только не вздумай вешать мне лапшу, понял? —

угрожающе добавил он.

— Я не понимаю тебя… — прохрипел Илья Матвеевич, чувствуя, как по его горлу пробежала горячая, щекотливая капелька крови от порезанной кожи.

— Тебе объяснить?! Ты не знаешь, что между верхним Городом и этим местом живут колонии металлических растений? Ртутная Росянка — ты слышал это название? Ни один человек по доброй воле не рискнет спускаться вниз!

Белгарда вдруг начала разбирать злость. Мало того, что он оказался калекой, брошенным на произвол судьбы в чуждом и непонятном ему мире… Мало, что он чуть не умер от голода и не замерз насмерть.

— Давай, Ито, не тяни!.. — зло прохрипел он. — Зарежь меня, и дело с концом.

— Почему я должен тебе верить? — в голосе Дейвида прозвучали нотки отчаянной обреченности. — Один раз я уже поверил людям из Города и лишился всего — семьи, дома, надежды…

— Я не человек из Города!.. Пойми ты это. Или пойми, или кончай, не тяни резину! — слова рвались из горла капитана, и он сам не понимал, откуда в нем взялась эта жесткость, воля, кристальная ясность мыслей и чувств…

Давление на его горло внезапно ослабло.

— Если ты не из Города, то тогда кто ты?

Илья Матвеевич не сразу нашелся, что ответить. Говорить правду, как он убедился на горьком опыте, было глупо и рискованно, лгать же — еще хуже. Он сидел, неестественно выпрямившись в своей инвалидной коляске, глядя на побелевшие пальцы Дейвида, сжимавшие рифленую рукоять широкого ножа с отфрезерованным кровостоком, и действительно не знал, что сказать.

— Я не из вашего мира… — наконец выдавил он.

Судя по реакции Дейвида Ито, это утверждение было для него все равно что пустой звук.

Он опустил нож и присел на верстак, понуря голову. На его лице была написана мука каких-то далеких, растревоженных воспоминаний.

— Ты видел когда-нибудь летательные аппараты? — осторожно спросил его Илья Матвеевич.

— Ну? — вызывающе ответил Ито. — Самолеты, геликоптеры, и что дальше?

— Эти машины летают в атмосфере, а за ее пределами могут перемещаться другие, которые называются «космические корабли».

— Я знаю. Учился в школе.

Илья Матвеевич остолбенел. Это был первый человек на планете, который оказался осведомлен о теории космических перелетов!

— Так какого же фрайга ты мне не веришь? — не выдержав, воскликнул вконец измученный Белгард. — Я с другой планеты, понимаешь? Мой корабль разбился, я потерял ноги в момент катастрофы, а люди из Города подобрали меня в месте крушения и выходили в госпитале!..

Дейвид поднял на него хмурый взгляд.

— Они вылечили тебя, и дальше? Что было дальше?

Казалось, этот вопрос имеет для Ито какое-то принципиальное значение. Впрочем, Илья Матвеевич не собирался лгать.

— Они выкинули меня на улицу… — тихо ответил он.

Дейвид вздрогнул, как будто эти слова хлестнули его.

— Все в лучших традициях… — едва слышно выдавил он сквозь зубы. — Ненавижу их…

Причина этих слов крылась где-то в бездне его души, но Илья Матвеевич не собирался в данный момент бередить старые раны Ито… Ему было не до того.

— Меня никто сюда не посылал, — проговорил он. — Я несколько дней скитался по верхнему Городу, пока вконец не озверел от голода и боли. Я едва не бросился на человека, чтобы отнять кусок хлеба. Возможно, ты поймешь, как это было страшно для меня. Никто мне не верил, мимо скользили равнодушные толпы, я не существовал для этих людей… Мне было все равно, куда идти. Я искал защиту от холода… — он поднял глаза и посмотрел на Дейвида, который, погрузившись в какие-то думы, нервно постукивал рукояткой ножа по выщербленной поверхности слесарного верстака.

Наконец он повернулся и испытующе посмотрел на Белгарда, словно приняв относительно него какое-то решение.

— Вот что… — Он подошел к компьютерному терминалу и щелкнул клавишей, включая питание. — Я не в состоянии проверить правдивость твоих слов. Это может сделать только Мать… — Он посмотрел на осветившийся монитор, на котором возникла какая-то причудливая заставка, и быстро пробежал пальцами по клавиатуре. На экране промелькнуло несколько активных меню, затем он потемнел, словно небо перед грозой…

Илья Матвеевич напрягся, словно почувствовав, что сейчас в какой-то мере решится его судьба.

— Кто такая Мать? — выдавил он.

— Сейчас узнаешь… — Дейвид ввел еще несколько команд, и монитор вновь просветлел. — Двигай сюда и начинай работать. Я снял все пароли доступа. Мать в состоянии определить, из космоса ты или нет. — Он прищурился и посмотрел в бледное лицо Белгарда. — Она может все… — повторил он. — Если она примет тебя, то я твой должник по гроб жизни. Если нет — я перережу тебе глотку.

С этими словами он развернулся и прошел в открытую дверь ангара для роботов.

Илья Матвеевич остался в полной тишине, один на один с напряженным сиянием пустого монитора, в верхнем углу которого призывно мигал маркер курсора.

Обреченно вздохнув, он тронул джойстик управления инвалидной коляски и, подъехав к терминалу, положил руки на клавиатуру ввода.

Иного пути у него попросту не было.

* * *

Сеть…

У этого древнего человеческого термина есть несколько родственных значений, но в данном случае речь шла о компьютерной сети древнего Города-мегаполиса.

Это Илья Матвеевич понял, как только перед ним на экране монитора развернулась сервисная оболочка операционной системы.

В другое время он бы улыбнулся, глядя на давно устаревшие символы и обозначения, которыми оперировала эта машина, но в тот момент им владели совершенно другие эмоции. Он сразу, буквально с первых секунд почувствовал: тут что-то не так…

Резкое, неприятное ощущение дискомфорта подсказало ему очевидный ответ: не он общался с системой, а, наоборот, — она с ним. Трудно было даже предположить, какие глубинные процессы должны протекать в соединенных между собой компьютерах, чтобы привести к подобному результату… Хотя капитану Белгарду, как и любому человеку, имевшему прямое отношение к электронным машинам, в принципе были понятны предпосылки возникновения такой самостоятельности.

На протяжении многих веков люди требовали от своих компьютеров лишь быстродействия и абсолютной надежности. В таких областях, как космические полеты, управление транспортными потоками городов-гигантов, контроль над процессами термоядерного синтеза, они стали попросту незаменимы, и любой сбой в их работе всегда вел к

катастрофическим последствиям.

Удивительно ли то, что Сеть, запущенная тысячу лет назад, до сих пор функционировала? Ответ был однозначным — нет. Люди для того и создавали подобные системы, чтобы они продолжали работать, даже если все вокруг безнадежно рушилось, погибало, летело в тартарары… Эти машины, как и города, которыми они управляли, являлись САМОДОСТАТОЧНЫМИ системами. Они имели все для того, чтобы тестировать себя, лечить, поддерживать в рабочем состоянии свои механические придатки…

…И вот он сидел перед терминалом такой Сети.

Сети, которая не просто «выжила», а постепенно изменилась в процессе этого выживания. Именно ее Дейвид называл Матерью.

Она не хотела, чтобы он управлял ею. Ни одна иконка в экранных меню не реагировала на попытки активации виртуальных кнопок. Она желала, чтобы он отвечал на ее вопросы…

Сеть задавала ему вопросы по древней истории и параллельно по космической навигации, общей астрономии и, как ни дико это звучало, по географии Земли, планеты, которая уже много веков как превратилась из грозной метрополии в обыкновенный, заурядный мир. В галактике тридцать седьмого века доминировали иные центры Цивилизации, и Земля для многих значила не больше, чем древний символ.

К счастью, Илья Матвеевич был хорошо знаком с этой древней планетой. Он мог ответить на заданные ему вопросы и только старался не выдавать машине тех современных знаний, которые отсутствовали среди ее баз данных и могли быть расценены как неверные ответы…

В принципе, он признавал логичность этого теста. Машина не пыталась задавать каверзных вопросов или сбивать его с толка. Она просто требовала от него обнаружить тот объем знаний, который, по ее мнению, должен был иметь капитан космического корабля и который был недоступен любому, кто родился и вырос на этой планете.

Он не знал, сколько прошло времени, но в какой-то момент на экране монитора не возник очередной вопрос. Тест был пройден? Или нет?

Ответом ему послужила смена изображения. На мониторе вновь возникла сервисная оболочка с наглядными символами-кнопками.

Илья Матвеевич тронул манипулятор, подводя курсор к избранному символу, и только тут заметил, как сильно дрожат его пальцы… Очередное испытание…

Сколько их уже было и сколько предстоит впереди? Он чувствовал, что вот-вот — и снова начнет сдавать под постоянным прессингом

обстоятельств.

Та виртуальная кнопка, что попала под курсор, была его своеобразной местью за изнурительное испытание, хотя он понимал, что это глупо — пытаться напрягать машину, которая в состоянии управлять миллионами функций одновременно.

«Режим речевой связи».

Изображение на экране не изменилось, лишь в недрах терминала что-то глухо кашлянуло, словно там кто-то прочистил осипшее горло.

Глаза Ильи Матвеевича нашли на скошенной панели сеточку микрофона. К этому моменту он уже потерял чувство ирреального страха, скорее он был зол, чем испуган.

— Ты слышишь меня? — негромко спросил он.

— Да, — пришел незамедлительный ответ. Голос, вопреки его ожиданиям, был сухим и безликим.

— Кто ты? Как мне тебя называть?

— Сеть.

* * *

Илье Матвеевичу понадобилось понять очень многое, чтобы свет истины забрезжил на горизонте его сознания.

Файл, который он просматривал вот уже несколько часов, был озаглавлен «Деметра».

Так экипаж колониального транспорта «Бристоль», стартовавшего из Солнечной системы в 2342 году, окрестил планету, которая волею капризной гиперсферы должна была стать их новой родиной.

По иронии злой судьбы капитан Белгард был первым, кому довелось читать этот составленный скрупулезной машиной аналитический отчет. Полная, беспристрастная, тщательно отфильтрованная история Деметры. История такой трагедии, какой не знал обитаемый космос. История ненависти и невежества.

Для Ильи Матвеевича не было причин не верить этим, сухо изложенным фактам. В какую бы сторону ни переклинило к сегодняшнему дню компьютерную Сеть Города, но она не была способна ко лжи и намеренной подтасовке фактов. Читая исторические строки и анализируя выводы, сделанные Сетью, он приходил к тем же самым выводам, что и машина, и нигде ни одна причина не вступала в конфликт со своим следствием. Все было изложено верно…

Он так углубился в изучение документов, что забыл абсолютно обо всем, и даже затянувшееся отсутствие Дейвида не тревожило Илью

Матвеевича.

В конце концов он пришел к ошеломившему его заключению. В данный момент на Деметре существовали уже не две, а три разумные силы, и причем две из них были обречены.

— Сеть… — глухо позвал он, отрывая покрасневшие глаза от экрана монитора.

— Я на связи, — ответил ему ровный, совершенно бездушный голос.

«Надо же было так озвучить компьютер… — с досадой подумал Илья Матвеевич. — Как со стенкой разговариваешь…»

— Ты понимаешь, что ты создана для того, чтобы во что бы то ни стало поддерживать нормальную жизнь людей? — произнес он вслух.

— Это очевидно.

— Тогда почему ты ничего не предприняла все эти годы? С того момента, как стало ясно, что колония обречена?

— Я строго выполняю свои функции. За пять столетий, которые я функционирую без контроля со стороны людей, в Городе ни разу не было перебоев с теплом, водой и энергией.

— Но ради дьяволов Элио! — вспылил Белгард. — Ты видишь, как люди тянут себя в пропасть!

— Я не отвечаю за моральные стороны жизни, — пришел лаконичный ответ. — Люди сами избирают, как им жить. Я лишь даю им свет, воду и тепло. Есть еще список из полутора тысяч моих функций. Могу переслать на монитор.

— Не нужно… — Илья Матвеевич откинулся в кресле. — Нет, это невозможно! — он хлопнул ладонью по дуге подлокотника, разговаривая скорее с собой, чем с машиной. — В то время, как люди и инсекты истребляют друг друга с упорством тупых фанатиков, ты спокойно проводишь эксперименты по созданию анклава роботов. Третья раса! Чушь какая-то!

— По моим данным, через пятьдесят лет на планете останется такое количество разумных существ, что их вымирание будет неизбежным и необратимым процессом. Через столетие на планете останусь только я и обслуживающие машины.

— Хорошо… Хорошо! Но я человек, я знаю, кто ты и кто я! Ты машина, а я один из тех, кто тебя создал, и ты будешь помогать мне!

— Да. Я могу открыть доступ к любой информации, заложенной в мою память. Все мои периферийные устройства в распоряжении тех людей, кто захочет ими воспользоваться. Я готова выполнять свои функции.

— Отлично! Я видел в госпитале несколько персональных

компьютеров. У тебя есть связь с ними?

— Да.

— Войди в базу данных центрального госпиталя, — произнеся эти слова, Илья Матвеевич вдруг почувствовал какой-то противный привкус во рту. — Мне нужно знать все относительно судьбы пациента по имени Антон, фамилия Велюров, возраст — десять лет…

— Соединение совершено. Идет поиск.

Илья Матвеевич напрягся, невольно выпрямившись в своем кресле.

Голос машины, который зазвучал спустя несколько секунд, ударил его как стотонный молот:

— Антон Велюров, одиннадцать лет. Поступил 17 октября 3698 года по летоисчислению Земли. Диагноз — психический шок, множественные травмы тела, кровоизлияния во внутренние полости. Скончался, не приходя в сознание…

Он закричал…

Тонкий вой, вырвавшись из сухого, как наждачная бумага горла, сначала был тихим…

Илья Матвеевич вдруг перестал ощущать самого себя. Он не понимал, что кричит, в исступлении обхватив руками свою готовую разорваться на части голову.

Антон!..

Страшная, потусторонняя пустота вдруг обрушилась на него… Антон… Антон… Это слово словно набат билось в его воспаленном, разодранном на куски сознании.

По щекам капитана, застывшего в кресле словно изваяние, текли слезы, но он не ощущал их, как не слышал собственного крика и не видел перепуганного Дейвида, который выскочил из дверей ангара и пытался отодрать от лица Ильи Матвеевича его же собственные пальцы, из-под которых по щекам, перемешиваясь со слезами, уже начала капать кровь…

Капитан Белгард сошел с ума. Он потерял своего последнего члена экипажа — маленького мальчика, который уж точно не был ни в чем виноват.

Он больше не мог и не хотел жить.

Машины не умеют лгать. Но зато это сплошь и рядом делают люди. Та запись, которую процитировала аудиосистема Сети, действительно присутствовала в компьютере центрального госпиталя.

Она была фальсифицирована. Таков был заведенный порядок — всех

пациентов, кому в стенах госпиталя делались связанные с блокировкой памяти процедуры, автоматически вычеркивали из списка живых. Как правило, прошлое было им противопоказано, а друзья или родственники обычно плохо воспринимают наставления врачей.

Городу нужны были здоровые бойцы, а не душевнобольные калеки.

В тот вечер, когда Илья Матвеевич узнал о его смерти, Антон стоял у окна казармы государственной военной школы и смотрел, как на город падает первый колючий снег. Он не помнил своего прошлого и совершенно не представлял, каким будет его будущее.

А по прогнозам компьютерной Сети, людям и инсектам до полного, решающего взаимного истребления оставалось немногим больше пятидесяти лет. Это в теории. А на практике все могло случиться в любой из наступающих морозных и тихих дней.

Глава 6. Деметра

Над разрушенным Городом прошла зима, и весеннее солнце уже начало припекать, выглядывая из-за хмурых облаков. Снег на улицах почернел, и по сточным канавам в ливневые колодцы городской канализации устремились мутные, звенящие ручьи.

Лишь внизу, там, где заглубленный в базальтовое ложе материка жарко дышал термоядерный реактор, питающий Город светом и теплом, не чувствовалось смены времен года.

Илья Матвеевич сидел в оранжерее, где на зарослях кустарника уже давно начали набухать и лопаться клейкие зеленые почки, безучастно наблюдая за тем, как два бытовых робота, громко пересвистываясь, пытались сделать совершенно несвойственную их гибким манипуляторам работу. По распоряжению Ито они пытались вскопать грядку.

Все это было похоже на дрянной сон художника-сюрреалиста. Такая жизнь казалась противоестественной…

Впрочем, Илье Матвеевичу было все равно. Роботы могли делать что угодно, хоть напялить на себя фраки и изображать на этой же поляне плавные па какого-нибудь чопорного аристократического танца…

Он вообще не понимал, зачем Дейвид вытащил его из лап смерти… Разве был у Ильи Матвеевича какой-то смысл мучиться дальше?

Долгие серые дни душевной болезни остались в его памяти как тусклая череда теней.

Оказалось, что, пока он лежал, безучастный ко всему миру, Дейвид не только ухаживал за ним, кормя с ложечки и убирая испражнения. Он почему-то верил, что болезнь пройдет и капитан Белгард вновь будет жить… Все это время он, руководствуясь чертежами, которые ему предоставила Сеть, делал в своей мастерской протезы.

В один из дней он вошел в комнату к Белгарду и сорвал с него одеяло. Это был тот миг, когда серый сумрак, окружавший сознание капитана, дал трещину.

— Вставай! — достаточно грубо и бесцеремонно распорядился Дейвид.

Илья Матвеевич машинально подчинился. Он сел на жесткой койке, придерживаясь дрожащей рукой за шероховатую стену. Мир качался перед его глазами, и предметы расплывались, теряя свою резкость.

— Хватит умирать, — заявил ему Дейвид. — Я сделал тебе протезы.

Будешь учиться ходить.

Илья Матвеевич повернул голову, пытаясь найти глазами Ито. В этот момент он со страхом осознал, что превратился в беспомощного старика.

— Мне незачем это делать, Дейв… — едва слышно проговорил он. — Нет смысла…

— Не тебе судить. Хочешь загнуться — пожалуйста! Кто бы был против! Только не на моих глазах и не здесь. Научишься ходить, встанешь на ноги и шагай себе куда угодно. Вольному, как говорится, воля… Ну а пока ты тут, на моей ответственности, будешь делать то, что скажу, понял?

…С того дня прошло больше двух месяцев.

Илья Матвеевич понял, как ловко его провел Дейвид. Человек не может сознательно умереть десять раз подряд.

У него не было воли к жизни, но и снова пойти на смерть он уже оказался не в силах. Сознание капитана зависло в каком-то странном моральном вакууме, где-то между небом и землей. Он встал на ноги и стал учиться ходить.

Сзади, за его спиной, раздались уверенные шаги.

Дейвид подошел к роботам и что-то прощелкал двум бестолковым машинам, которые старательно рыхлили землю своими манипуляторами, больше распихивая ее по сторонам, чем собирая по форме задуманной грядки. В результате у них получалось большое, похожее на кляксу, вытянутое в разные стороны пятно взрыхленной земли.

— Бестолочи… — беззлобно выругался Дейвид, усаживаясь на жесткую траву рядом с Белгардом. — Все хандришь? — спросил он, доставая из нагрудного кармана пачку сигарет.

Белгард покосился на сигаретную пачку.

— Откуда это? — поинтересовался он. — Вроде я не видел раньше, чтобы ты курил.

— Да вот, нашел тут старый вакуумный склад. Так называемый неприкосновенный запас. Сеть подсказала, — признался Ито. — А курил я всегда, просто в последнее время нечего было, — усмехнулся он в бороду.

— Почему ты сотрудничаешь с Сетью, Дейв? — внезапно спросил капитан. — Разве тебе не понятно, что ты для нее не больше чем подопытный кролик?

— Знаю, — Ито прикурил. — Мне нетрудно, Илья. Сеть честна, да и роботы тоже. Они не лгут мне. Я выполняю поручения Сети, пытаюсь воспитать этих вот недоумков, — он стряхнул пепел на траву и покосился в сторону двух ковыряющихся в земле машин. — В ответ я получаю пищу, тепло, информацию и независимость. Вот и весь расклад. Это не позорно и

ничуть не унизительно. Позор и унижение живут наверху…

— Ты все упрощаешь… — со вздохом возразил капитан. — Люди балансируют на краю пропасти, за кромкой которой лишь стремительный крах, а Сеть спокойно взирает на агонию собственных создателей. У каждой медали есть своя оборотная сторона, понимаешь?

— А зачем эта война с инсектами? Я вот жил на отдаленной ферме, за тысячи километров отсюда. Нас было мало, но мы были счастливы. До города инсектов от фермы было ближе, чем до поселений людей, но нас никто не трогал. Потом пришли люди, сожгли инсектовский город и исчезли…

— А инсекты отомстили вам?

Дейвид угрюмо кивнул.

— Вырезали всех. Спасся только я. — Он выпустил колечко дыма и долго смотрел, как оно тает в прозрачном воздухе. — Меня подобрал тот самый отряд, что сжег их город. Потом случилось, как и с тобой. Меня вылечили, поставили на ноги, и все лишь затем, чтобы сломать об колено мою душу. Я, видите ли, задолжал за лечение и должен был отслужить положенный срок в войсках…

— Ты сбежал?

— Угу… И с тех пор я сам не знаю, кого ненавижу больше — людей, инсектов или самого себя…

— Ты правильно сделал, Дейв, — Илья Матвеевич вздохнул. — Но ты должен понять, эта война — не блажь нынешнего поколения. Все, кто живет наверху, заложники истории. Маховик, раскрученный тысячу лет назад, высосал все соки из Цивилизации, отбросил ее в прошлое, а теперь и вовсе подвел к самому краю…

— Ты знаешь, как все началось? — с усмешкой спросил Дейв. — По-моему, люди сами во всем виноваты, — тут же добавил он. — Раз ты говоришь, что мы прилетели из космоса, то значит, мы захватчики? Мы ведь вторглись на эту планету, ведь так?

— Нет!.. — резко ответил Илья Матвеевич. — Этот мир не является родиной инсектов. Они тоже пришли сюда из космоса и успели пережить свой расцвет и упадок задолго до того, как люди научились строить космические корабли. Первые колонисты, которые занялись изучением их городов, утверждали именно это.

— Ну, ты загнул… Разве у них кто-то спрашивал?

— Было время. Первое поколение колонистов не воевало с инсектами.

Илья Матвеевич протянул руку и взял из пачки сигарету. Он не курил уже очень давно, и первая затяжка вызвала у него приступ мучительного

кашля…

— Понимаешь, у людей не было выбора, — прокашлявшись, проговорил он. — Колониальный транспорт «Бристоль», стартовав из Солнечной системы, потерялся точно так же, как десятки, если не сотни других кораблей-невозвращенцев. Земля поступала жестоко и бесчеловечно, посылая корабли в никуда. Так люди пытались разобраться с проблемой перенаселения планеты, хотя это выглядит смешно… Те несколько миллионов человек, что покинули Землю, конечно, не решили этой проблемы. Но они дали начало десяткам колоний…

Илья Матвеевич глубоко затянулся, глядя на роботов.

— Это было страшное время, Дейв… — спустя несколько секунд продолжил он. Для первого офицера космического корабля только что произнесенные слова не были пустым звуком. Илья Матвеевич понимал, что то время было действительно страшным для людей, брошенных в Ничто в утлых скорлупках своих кораблей, и потому голос Белгарда звучал неестественно глухо.

— Силовые линии гиперсферы выбрасывали колониальные транспорты в совершенно неизвестных точках пространства, — продолжал он свой рассказ, — лишая людей самой надежды на возвращение. Им приходилось искать кислородные планеты… Иногда они попадали в такие условия новой родины, которые оказывались во сто крат хуже, чем на перенаселенной Земле, понимаешь? Так же случилось и с «Бристолем». Сев на эту планету, люди уже не могли взлететь — ресурс колониального транспорта и сама его конструкция подразумевали только одну посадку. Так что, когда обнаружилось, что на Деметре живут инсекты, никто уже не мог повернуть назад.

Дейвид молчал, слушая Илью Матвеевича. Может, он и имел что-то сказать по этому поводу, но держал свои мысли при себе. Белгард покрутил в руках сигаретную пачку, находясь в тот момент где-то далеко, во власти собственных дум. Машинально щелкнув пальцем по ее донышку, он выбил еще одну сигарету и потянулся за зажигалкой.

— Понимаешь, прилетевшие на «Бристоле» колонисты были обыкновенными людьми… И как бы ни был удивителен факт встречи двух цивилизаций, но жизнь продолжалась, и она настоятельно брала свое. Твои предки, Дейв, не являлись группой исследователей, посетивших планету исключительно ради науки, — заметил он, наконец прикурив. — Они прибыли сюда на вечное поселение после длительных мытарств и блуждания в гиперсфере и в первую очередь хотели жить, дышать, строить свой город, рожать и воспитывать детей…

— Значит, война все же началась? — нарушил молчание Ито. В его глазах, вокруг которых разбегалась мелкая сеточка морщин, внезапно проскочил злой огонек.

— Нет… — покачал головой Илья Матвеевич. Ему было непонятно, почему Дейвид сам не удосужился просмотреть те файлы, что имелись в памяти компьютера. Ведь это было так естественно — знать собственную историю… — Изначально люди не претендовали на территории инсектов, — пояснил он, так и не ответив сам себе на вопрос, почему связь поколений прервалась на Деметре, словно ее нить обрубили ножом. — У твоих предков была мечта, и они в первую очередь занялись ее воплощением.

— Какая мечта? — удивленно переспросил Дейвид. Он был слишком чужд тем первопроходцам по духу и складу мысли, чтобы воспринимать их иначе, как прах, тени давно минувшего. Получалось, что и у них были мечты, которые во многом предопределили день сегодняшний… Эта очевидная для Белгарда взаимосвязь всего сущего, похоже, явилась для Дейвида частицей внезапного откровения…

— Этот Город, — словно отвечая на его мысли, произнес Илья Матвеевич.

— Огромный, светлый, чистый, самодостаточный комплекс, в котором будет много места, тяжким трудом займутся машины, а люди будут наконец-то просто жить…

— Почему же его не построили?

— Не хватило сил… Нельзя было разворачивать такую гигантскую стройку. Нужно было делать это постепенно, не в ущерб жизни. А так получилось, что первое поколение колонистов построило цоколь, вогнав в него все ресурсы колониального транспорта… Это было роковой ошибкой. К тому же в окрестностях строящегося Города появились орды кочующих инсектов, которые начали досаждать строителям своими набегами. Это были дикие племена, в которых от былого величия Цивилизации остался разве что внешний облик да способность одеваться и поддерживать огонь.

— И что потом? — Похоже, Дейвида не на шутку заинтересовал рассказ капитана, по крайней мере, Илья Матвеевич ни разу еще не видел его таким возбужденным.

— Потом наступил закономерный спад, — объяснил он. — Шли годы, и следующие поколения, родившиеся уже тут, в условиях местной реальности, перестали воспринимать инсектов как нечто феноменальное, достойное жалости и снисхождения. Для потомков экипажа колониального транспорта «Бристоль» кочующие отряды насекомоподобных существ

стали уже не остатками великой, но деградировавшей разумной расы, а опасностью — постоянной, неистребимой, наглой и назойливой. — Илья Матвеевич умолк. Ему было немного не по себе. Одно дело просто знать некий набор исторических фактов, а другое — высказать их вслух, связать вместе, одновременно осмысливая сказанное. За теми мыслями, что так ясно и, казалось бы, просто излагал он Дейвиду, крылись тысячи переломанных человеческих судеб, потерянные поколения, упадок, хаос…

Ито, ковырявший в земле обломком сухой ветки, отшвырнул ее в сторону.

— Тогда и началась война? Люди отбросили обнаглевших тварей от Города?

— Да, можно выразиться и так… — суждения Ито, облаченные в резкую формулировку, похоже, отражали всю суть его восприятия… Кто первый… Разве в этом сейчас дело?

— Тогда почему стройка развалилась? — внезапно спросил Дейвид.

Вопрос был закономерен. Казалось бы, после первых набегов кочевых инсектов люди должны были объединиться, завершить начатое строительство… но все вышло иначе.

— Понимаешь, Дейв, для новых поколений, которые не жили в условиях перенаселенной Земли, мечта их предков о громадном светлом городе, который стал бы воплощением самых чистых грез, постепенно превратилась в «идею фикс»… — объяснил Белгард. — Им не нужен был этот абстрактный город, ради строительства которого приходилось жертвовать сегодняшним днем. Стройка постепенно замораживалась, экономика колонии перестала быть общественной, она все более перевешивала в индивидуальный аграрный сектор. Люди оставляли производства, бросая их на попечение машин, а сами, небольшими отрядами или даже просто семейными парами, покидали великую стройку, основывая новые поселения на обширной территории плодородных равнин.

— Они ушли из Города? — поразился Дейвид.

— Ну, не все, конечно. Но большинство. А те, кто остался, не могли продолжать стройку, их сил даже не хватало на то, чтобы поддерживать в нормальном состоянии уже созданный цоколь. Начался необратимый процесс технологического упадка. Постепенно изнашивалась планетарная техника, сокращалось ее количество. Роботы, предоставленные сами себе, функционировали покуда могли, потом останавливались и оставались ржаветь, постепенно разрушаясь…

Илья Матвеевич на минуту умолк, попав под власть собственных

мыслей. Люди, жившие тысячу лет назад, не поняли главного — на планете начался необратимый откат в сторону регресса, который, в конце концов, должен был привести к катастрофе.

Такие процессы протекали на сотнях других колонизированных людьми планет. Только вот из Деметры в результате получился убогий, регрессивный мир. И он знал, почему так случилось.

Дав по зубам обнаглевшим инсектам, люди привольно расселились в девственных лесах и на равнине. Опасность казалась мизерной и смехотворной, они не поняли, что вооруженные арбалетами и короткими мечами инсектоидные существа когда-то были великим народом, давно обогнавшим людей в своем развитии.

Кочевые племена куда-то исчезли, растворившись средь бескрайних пространств. Наступил длительный период спокойствия, который продолжался около столетия…

Это благоденствие и погубило колонию.

В то время как другие человеческие миры захлестнула вторая, исторгнутая с Земли волна галактической Экспансии, это затерявшееся в бездне неисследованного космоса поселение осталось в стороне от разгоревшегося пожара Первой галактической войны. Десятки планет, охваченных противостоянием с древней метрополией, срочно возрождали свои технологии, объединялись в союзы, создавали космические флоты, а тут, на Деметре, в небесах которой так и не появились зловещие тени крейсеров Земного альянса, откат в сторону упрощенной аграрной экономики становился стихийным и неуправляемым процессом. Дети, которые рождались на фермах, фортах и факториях, получали лишь минимум необходимых знаний, наука сначала застыла, а потом началось ее отступление.

В этот период те, кто остался жить среди промышленных комплексов цокольного яруса Города, начали ощущать разрушительное влияние времени. Комплекс постепенно утратил свою самодостаточность, один за другим останавливались автоматические пищевые комбинаты и высокотехнологичные цеха мясного клонирования, ветшали внутренние оранжереи, приходили в негодность обслуживающие их машины…

А потом с востока, замкнув свой загадочный кочевой цикл по просторам материка, пришли орды инсектов…

Илья Матвеевич встряхнул головой, пытаясь отогнать наваждение… Он не был участником тех событий, но слишком хорошо представлял их ход. Было бы неплохо объяснить это Дейвиду, который все мрачнел, думая о чем-то своем.

— Значит, Сеть сказала тебе, что люди и инсекты в скором будущем вступят в последний бой? — внезапно спросил Дейвид.

— У инсектов появился новый вождь. Он пытается объединить разрозненные банды в единое целое и ударить по Городу, — ответил капитан. — Эту информацию Сеть почерпнула из компьютеров верхнего уровня. Остальное же — ее выводы, основанные на анализе закономерностей. Инсекты придут и ударят. И этот бой может стать последним единственно потому, что две расы за тысячу лет преуспели только в одном — они так тщательно истребляли друг друга, что и людей, и инсектов осталось слишком мало для полнокровной войны. Одно сражение — и победителей нет. Наступит кризис генофонда, и уцелевшая горстка особей неизбежно вымрет. Вот так, Дейв… — Илья Матвеевич ударил кулаком по колену. — Так закончится тысячелетний исторический цикл. Так угаснут две расы…

— Останется Мать.

Белгард вскинул голову и пристально посмотрел на Ито.

— Не говори мне о ней, Дейв. Хоть ты и выходил меня, дал новую жизнь, но Мать для меня не свята… Анклав полусумасшедших роботов — это, извини, хреновая замена двум разумным биологическим видам.

— Странно, что Мать так безоговорочно приняла тебя, Илья… — обиделся Ито.

— Давай не будем ссориться… — предложил Белгард. — Уж нам-то с тобой совершенно нечего делить. Я не претендую на благосклонность Сети, поверь. У нас с тобой разные божества и разные дороги, но я благодарен тебе за все, и это, на мой взгляд, веский повод остаться друзьями…

— Остаться друзьями? Что ты имеешь в виду? Ты что, Илья, собрался уйти?

— Да. Я не смогу сидеть тут внизу и созерцать, как погибнет последний человек. Я не собираюсь возвращаться в Город — там меня уж точно не поймут и не примут. Чтобы убедить людей в возможности мирного сосуществования с инсектами, нужно представить тому веские доказательства… и я добуду их.

— Как? — вырвалось у Ито.

— Не знаю… Я пойду туда, где стоят заброшенные форты и бродят банды инсектоидов. Думаю, что мне удастся наладить с ними контакт.

— Тебя убьют, Илья.

— Возможно… Но скорее, Дейв, я погибну здесь, под покровительством безумной Сети… Прости, что я так называю ее…

Дейвид, немного помолчав, встал. Взглянув на роботов, по-прежнему бестолково ковыряющих землю, он повернулся к Белгарду и протянул ему руку.

— Я останусь твоим другом, Илья, — проговорил он. — И буду рад, если ты не умрешь.

Часть вторая. Псы войны

Среди тысячи слов, среди сотен молитв,
Что, уста покидая, неслись к небесам…
Не расслышал ты грохота множества битв,
Кроме этой, в которой участвуешь сам…

Глава 7. Испытание детством

В кромешной тьме мерно вспыхивал проблесковый маяк. Ночь была удивительно тихой и звездной. Тускло сияла полная луна, серебря пожухлую листву обожженных яростным огнем деревьев; в кустах причитала невидимая птица, жалобно стеная над превратившимся в кучку пепла гнездом.

Горячий дерн еще курился сизым дымом; в лунном свете его развороченная траками гусениц поверхность была похожа на ковер, по мягкому ворсу которого безжалостно прошлась гигантская моль…

Антон, притаившись в курящейся кислым дымом воронке, слушал, как постепенно удаляется мерный, рокочущий шум моторов.

Расслабившись, он на секунду закрыл глаза, прижавшись щекой к горячему песку. От него тошнотворно пахло порохом… Усталость казалась безмерной, и он испугался, что через мгновение уже не будет сил разлепить налившиеся свинцом веки. Эта мысль заставила его вздрогнуть, стряхнув с себя дурман непрошеного сна. Хорош он будет, уснув среди боя…

Впрочем, бой уже отгремел. Он точно знал, что остался последним из отделения.

Приподняв голову, Антон прислушался к затихающему рокоту моторов. Наконец, решив, что танк уже достаточно далеко, ужом прополз по горячему песку и выглянул за край импровизированного бруствера.

За небольшой, освещенной лунным светом прогалиной начинался густой подлесок, в одном месте порядком помятый и изодранный. Очевидно, что танк, доставивший ему столько неприятных, минут, углубился в лес именно тут.

Ловким движением перекинув за спину тяжелый автомат, Антон привстал и, пригибаясь, рывком преодолел открытое место.

Лес стоял перед ним темной стеной, молчаливый и таинственный.

Достав из подсумка две гранаты, Антон надежно заклинил их рифленые корпуса между выступающих из земли корней дерева морооки, затем, отмотав несколько метров тонкой стальной проволоки, предусмотрительно уложенной на дно автоматного подсумка, он пропустил ее через кольца детонаторов и осторожно попятился, разматывая за собой серебрящуюся в лунном свете стальную нить. Привязав проволоку к основанию соседнего дерева, он отошел в сторону и выпустил в воздух две короткие очереди.

Он знал, что танк обязательно вернется, и потому, отбежав десяток метров, рухнул в траву чуть в стороне от своей ловушки.

Действительно, отдаленный рокот вновь начал приближаться. Антон усмехнулся, вспомнив свое первое знакомство с бронированной машиной. Тогда, сидя в мелком, с ленцой отрытом окопчике, он едва не обмочился, когда на его импровизированное укрытие наползла лязгающая траками гусениц тень… Теперь, спустя два года, он относился к подобным встречам совсем иначе.

Танк приближался.

Внезапно сквозь усиливающийся гул моторов, где-то левее его позиции, послышался слабый, едва различимый на слух стон. Он насторожился, чуть приподняв голову из высокой, уже порядком пожухлой травы.

Точно… Кто-то шевелился там, на другом конце освещенной дорожкой лунного света прогалине. Ему показался знакомым этот грубоватый, грудной голос… Или только чудится? «Действительно, как можно определить это по сдавленным стонам…» — подумал Антон, но все же пополз на звук, ужом извиваясь среди травостоя…

Это наверняка был кто-то из группы врагов. Позиция его отделения находилась намного правее, и из изрытых траками гусениц окопов уже давно не доносилось ни звука. По всем правилам Антона не должны были волновать чьи-либо стоны… Милосердие, особенно проявленное к врагу, было самым презираемым видом воинской провинности, и тем не менее Антон ничего не мог поделать с собой. Что-то, чего он не мог ни понять, ни объяснить, постоянно осложняло его жизнь, толкая на подобные неосознанные поступки…

Выбравшись на край прогалины, Антон раздвинул траву и увидел, как на небольшом примятом пятачке, скорчившись, застыла смутная, едва различимая в лунном свете фигура, одетая в такую же, как и у него, камуфлированную форму.

Он не видел лица упавшего навзничь человека, но по изящному сложению и выбившемуся из-под мягкого защитного шлема светлому локону догадался, кто это может быть.

— Дана!.. — почему-то заикаясь от охватившего его волнения, позвал Антон и, пригибаясь, пробежал несколько разделявших их метров. Должно быть, она неловко упала и повредила ногу…

В следующий момент скорчившаяся в болезненной позе фигура вдруг ожила, пружинисто распрямившись; в лунном свете тускло и холодно сверкнул серебристый отсвет на вороненом стволе, и в лицо Антона

ударила короткая автоматная очередь…

Он отшатнулся назад, ослепленный вспышками выстрелов, и, споткнувшись о какой-то корень, упал.

Такой мучительной горечи, стыда и унижения он не чувствовал, наверное, никогда, хотя порой в школе с ним обходились намного хуже… но это была Дана, он пытался помочь ей…

По ушам Антона громче, чем автоматная очередь, резанул ее звонкий смех.

Он сел, со злости вцепившись в гладкое цевье своего бесполезного теперь оружия, и, мучимый противоречивыми чувствами, поднял глаза, чувствуя, как по лбу и щекам стекают капельки трудно смываемой краски из лопнувших шариков. Теперь ему несколько дней придется носить это позорное клеймо, пока не прекратит свое действие специальное химическое соединение.

Дана, не глядя на него, отряхнула форму от приставших к ней травинок и, достав портативный передатчик, коротко сообщила:

— Здесь Дана. Я сняла последнего. Бой окончен.

Потом, повернувшись к Антону, она посмотрела на него и добавила:

— Из тебя никогда не выйдет настоящий боец. Ты слишком добренький…

В ее голосе не было даже намека на жалость. Только сухая констатация очевидного факта и, быть может, капелька плохо скрытого презрения.

— Я ненавижу тебя… — хрипло выдавил Антон.

Дана только нервно пожала плечами и отвернулась. В лунном свете ее фигурка казалась выточенной из тьмы и серебра.

На другом конце прогалины громыхнул сдвоенный взрыв. Это вернувшийся на звук выстрелов танк попал в расставленную Антоном ловушку.

Только это уже ничего не меняло…

* * *

Наутро, на плацу, Антона вывели перед строем. Половина кадетов военизированной государственной школы после ночных учений носила разноцветные несмываемые отметины на разных участках тела, но проступок Антона был гораздо более тяжким, чем простое поражение в учебном бою.

Он проявил милосердие к противнику.

Лейтенант Войнич, заложив за спину жилистые, загорелые руки,

прохаживался перед строем, сверля вытянувшихся в струнку кадетов тяжелым взглядом из-под нахмуренных бровей.

Эти замершие перед ним худосочные дети, возраст которых варьировался от пятнадцати до семнадцати лет, призваны были стать солдатами. Причем не просто бойцами рядового подразделения, а элитой. Поэтому, как справедливо полагал лейтенант, на собственной шкуре вынесший все тяготы борьбы за существование, в них не могло и не должно было быть ничего, что можно определить словом «чувство». Единственное стремление, которое допускала армейская философия, — это быть лучшим среди других и уничтожить как можно больше врагов.

В условиях протекающей сотни лет жесточайшей борьбы это, по мнению Войнича, было самым лучшим уделом для тех, кто, бледнея, стоял сейчас перед ним.

— Кадет Дана Стриженова, два шага вперед! — отрывисто скомандовал он.

По вымощенному каменными плитами плацу отчетливо пророкотали шаги. Звук отразился от вертикальных стен каменного колодца внутреннего дворика и боязливо затих.

— Вот перед вами кадет, который проявил себя наилучшим образом во время вчерашних учений, — обратился он к строю. — А это, — холодный, немигающий взгляд лейтенанта нашел Антона, — это наихудший, виденный мной за последние годы образчик тупоумия и слюнтяйства!

Антон невольно съежился. В этот момент ему хотелось только одного — провалиться сквозь каменные плиты плаца.

— Кадет Стриженова, перечисли основные уловки, используемые противником! — приказал лейтенант.

— Маскировка под окружающий ландшафт, выкапывание глубоких нор-укрытий с несколькими выходами, подражание человеческим голосам, — звонко отчеканила Дана.

— Отлично, кадет. С этого дня вы будете командовать отделением вместо этого слюнтяя! Встать в строй!

Он повернулся к Антону и угрожающе спросил:

— Ты, инсектовский недоносок, ты слышал, что только что сказал твой боевой товарищ?

— Так точно… — вскинув голову, ответил Антон. — Одной из основных уловок противника является подражание человеческим голосам.

— Ты знал об этом?

— Так точно.

— Так какого же ты поперся туда? — не выдержал лейтенант. — Или ты думал, что совершишь благородный поступок? Так? Знал, что идет лишь учебный бой? — лицо лейтенанта побагровело. — А знаешь ты, сопляк, почему у тебя есть возможность палить по своим товарищам шариками с краской? Потому что там, — он сделал гневный, неопределенный жест в сторону скрытого толстыми стенами школы горизонта, — там ради этого умирают люди! Настоящие солдаты, гораздо более достойные жить, чем ты!

Лейтенант прошел перед строем, со злостью глядя в детские лица.

— Тот, кто считает поступок кадета Велюрова достойным подражания, — шаг вперед!

Никто даже не шелохнулся. Антон знал, о чем они сейчас думают. Каждый молча радовался, что не он стоит перед строем.

— Хорошо. Значит, дураков больше нет, и вы все получили еще один шанс выжить в своем первом настоящем бою, — сделал вывод командир учебного взвода. Он повернулся к Антону и добавил:

— А ты, кадет, запомни, что тут, на последней ступени обучения, никого больше не интересует твой ай-кью, так что можешь взять все заработанные в начальной школе очки и утопить их в параше. Тут учат не думать, а жить! Ты понял меня, кадет?

— Так точно! — деревянным голосом отчеканил Антон.

— Встать в строй!

Он сделал два размашистых уставных шага, до боли впечатывая подошвы в гулкие каменные плиты, одновременно чувствуя, что ненавидит их всех: и Дану, и лейтенанта, и весь этот молчаливый, безропотный строй… а больше всего он ненавидел себя. Почему он терпит такое издевательство над собой? Почему не взбунтуется против царящих тут бесчеловечных правил?

К сожалению, подсознательно Антон знал ответ на этот вопрос. Все происходило именно так не потому, что он оказался труслив и малодушен, а только из-за того, что лейтенант Войнич был прав. Ненависть, осторожность и профессионализм — вот то, что еще позволяло горстке людей цепляться за стены Города в страшном враждебном мире…

* * *

Вечером, несмотря на провинность, Антона, как обычно, в числе других старших кадетов отпустили в Город.

Черная униформа, ладно подогнанная к тренированному, поджарому телу семнадцатилетнего юноши, была не просто одеждой, а своеобразным

знаком кастовой принадлежности вне зависимости от того, что он еще не получил офицерского звания, люди на улицах инстинктивно уступали ему дорогу, и это были те капли бальзама, что немного притупляли его ноющую душевную боль.

Антон шел по знакомым улицам, никуда не торопясь, без цели и без особых желаний. Для молодого человека его лет это было редкое состояние.

Летний вечер постепенно сгущался, обволакивая дома теплыми, прозрачными сумерками, которые несли в себе сладковатые флюиды запахов от зацветающих парков. Город казался спокойным, умиротворенным и не таким безобразным, как осенью или ранней весной, когда к иззубренным руинам нежилых кварталов обычно добавлялись грязь, пронзительный холод, гонимый ветром мусор и воздетые к небу голые ветви деревьев.

Антон свернул с широкой улицы и внезапно оказался у осыпавшихся от времени ворот. Из бетонной арки, которую когда-то украшал барельеф, сейчас торчали ржавые прутья арматуры. Уходившая в сумеречные глубины аллея была покрыта перегнившими листьями и копившимся тут годами мусором.

Антон вошел под сень старых деревьев и огляделся. Заметив покосившуюся скамейку, возле которой чудом сохранилась потемневшая пластиковая пасть городского утилизатора, выполненная в форме вычурной головы какого-то неизвестного ему животного, он сел и закурил, откинувшись на высокую спинку.

Ему внезапно вспомнился тот холодный, пронзительно-ясный осенний день, когда в таком же старом парке он убежал из-под надзора Тети Сержанта…

Собственно, от серой замшелой стены, где его нашла Дана, и начинался реальный отсчет памяти Антона. Глубже была лишь сумеречная пустота, к которой его сознание патологически боялось даже прикоснуться.

Дана… С этим именем так или иначе были связаны все шесть долгих мучительных лет, что содержала в себе его память.

Она была первой из группы молчаливых не по годам серьезных, худых детей, кто вообще проявил какой-то интерес к внезапно появившемуся среди них новичку.

Все они были сиротами, принятыми на воспитание в государственную военную школу. У каждого была своя трагичная, переломанная войной судьба, и только Антон хранил в своем сознании звенящую, пугающую и болезненную пустоту. Отсутствие прошлого пугало его до тошноты.

Возможно, поэтому его память так четко запечатлела в себе тот миг, словно обрадовавшись возможности заполнить царящий в ней вакуум…

Казалось, что это было только вчера. Бледная девочка с коротко остриженными волосами подошла к нему и, протянув руку с белыми пальчиками, на которых четко выделялись голубоватые трепещущие жилки, сказала:

— Привет! Ты новенький?

Антон прекрасно помнил, как растерялся, не зная, что ответить, а потом кивнул и нерешительно пожал холодную ладошку.

— Я Антон… — тихо пробормотал он, словно углядев что-то постыдное в звучании собственного имени.

— А я Дана! — обрадовалась она. — Пойдем, я покажу тебе свои игрушки!

Он согласно кивнул, и она, распихивая возившихся на полу ребят, провела его в дальний угол казармы, где в стенных шкафах хранился скудный скарб приемных детей Города. Открыв одну из створок, она просунула вовнутрь руку и, пошарив там, достала маленькую куклу без головы. Та была голой, с дыркой на плечах и глубокими царапинами на теле.

— А где голова? — простодушно спросил Антон.

Дана печально посмотрела на него и ответила:

— Ей оторвали голову инсекты. Но она умеет ходить и махать руками. Только не разговаривает и не кушает.

Антон понятия не имел, о чем она говорит. Какая-то смутная тень шевельнулась в его памяти. Инсекты… Это слово отдавало из серых глубин чем-то невыносимо-страшным…

— Ты чего испугался? — спросила она, заметив, как внезапно побледнел мальчик.

— Не знаю… — признался Антон. — Я не знаю, кто такие инсекты.

Дана искоса посмотрела на него и вдруг улыбнулась, зло и криво, совсем как Тетя Сержант:

— Ты глупый, да? — спросила она.

— Нет, — насупился Антон. — Сама ты глупая.

Девочка растерялась. Потом пожала плечами и положила на место свою игрушку.

— Как хочешь… — разочарованно произнесла она. Очевидно, ей страшно не понравилось то, как равнодушно отнесся Антон к ее сокровищу. — Тогда пошли смотреть в окно, — внезапно смягчившись, произнесла Дана, схватив его за руку. — Там высотища!..

Так началась их странная дружба.

Это воспоминание больно кольнуло душу. Окурок прочертил в сгущавшихся сумерках плавную дугу и рассыпался искрами, ударившись о ствол дерева.

Антон был зол на самого себя. Между тем потерявшимся мальчиком и нынешним кадетом, одетым в черную офицерскую униформу, лежала пропасть, через которую не перекинуть моста. Он встал и зашагал прочь. Всего одна минута дурацкой слабости… Он непроизвольно сжал покрытые глубокими шрамами кулаки, задыхаясь от приступа внезапной ярости…

Потом это жгучее чувство отхлынуло так же внезапно, как и возникло, оставляя после себя звенящую пустоту и странную горечь… В который раз он не мог понять самого себя. Словно в нем жил еще один, совершенно другой Антон. Стоило ему предельно устать, чуть расслабиться, потерять контроль над своим сознанием, и вот пожалуйста — он уже тут как тут. Совершая разные дурацкие поступки, вроде того, на вчерашних учениях, он действовал словно по злому наитию каких-то скрытых душевных чувств. Ну зачем ему сдалась эта девчонка? Сломала ногу? Да так ей и надо… будет смотреть, куда идет…

Он прекрасно помнил свою первую серьезную размолвку с Даной. Как и первую пролитую им кровь…

…Это случилось два года назад, когда поредевшая из-за отсева группа «младших» перешла к фазе интенсивных практических занятий.

Сейчас он вспоминал тот день с кривой усмешкой, совершенно не осознавая того, что эта гримаса так похожа на зловещую улыбку его первой наставницы, при воспоминании о которой у маленького Антона леденело сердце.

Огромный комплекс зданий, где располагалась школа, в Городе именовали Цитаделью. Никто уже не помнил, с какой целью был выстроен этот квадратный квартал мрачных бетонных коробок с тесными внутренними двориками, похожими на колодцы. Антон однажды слышал, что вроде бы по какому-то «городскому плану» это место было обозначено словосочетанием «муниципальная тюрьма», но его смысл казался совершенной загадкой.

В один из таких квадратных бетонных колодцев и привел как-то под вечер их группу жизнерадостный, розовощекий офицер, чье имя Антон, конечно, уже не помнил.

Зато ему накрепко запомнилась выкрашенная желтой краской металлическая дверь, за которую по одному заводили их всех.

Назад из-за желтой двери не появлялся никто. Очевидно, из здания

был другой выход или же кадеты оставались внутри. Пока редеющая на глазах притихшая группа подростков гадала, что же происходит за этой таинственной дверью, настала очередь Антона.

В первый момент он здорово испугался. Выражение, что неизвестность намного хуже любой известной беды, обрело для него внезапный практический смысл, пока он на негнущихся от напряжения ногах преодолевал несколько отделявших его от двери метров. И даже ободряющая улыбка Даны, которую он поймал взглядом, прежде чем войти, оказалась слабым стимулом перед лицом той раздутой воображением опасности, что ждала его за дверью.

Он взялся за холодную металлическую ручку, чуть нажал на нее и вошел. Сзади сухо щелкнул электрозамок, и Антон оказался в небольшом прямоугольном помещении с серыми бетонными стенами и мокрым полом. Из комнаты направо и налево вели две запертые в данный момент двери. Яркий, режущий глаза свет струился от панелей потолка. В углу комнаты над впустившей его дверью с тихим жужжанием ворочалась видеокамера.

Внезапно открылась правая дверь, и в комнату вошел здоровенный сержант с черной, блестящей от пота кожей. На его лице выделялись пухлые губы и плоский нос. Одетая на нем старая униформа, явно используемая как роба, казалось, сейчас лопнет под напором заключенной в ней мускулатуры.

Сержант, прищурясь, испытующе посмотрел на Антона и вдруг обронил в укрепленный на отвороте формы микрофон:

— Давай, Эндрю. Тут очередной соплячок…

Сухо щелкнул электрозамок левой двери, она открылась, и на бетонный пол помещения, который отчего-то был полит водой и влажно блестел, отражая свет ламп, вылетел, кувыркнувшись через голову, инсект…

В тот момент Антон впервые и услышал ЭТО…

Странный, совершенно потусторонний голос, больше похожий на скрежет ржавых, веками не смазываемых петель, прозвучал в его голове, словно раскат отдаленного грома…

Это был вопль отчаяния и страха… Антон сам не знал, откуда он это понял, тем более стоявший рядом сержант не проявил при этом никаких эмоций, — то ли он ничего не слышал, то ли обладал стальными, тренированными нервами…

Отшатнувшись, Антон непроизвольно зажал уши, чтобы не слышать этого отчаянного скрежета, чем вызвал злой и недоуменный взгляд сержанта. Тот действительно ничего не слышал. Вопль звучал в голове

Антона, и было бесполезно пытаться заткнуть уши…

— Ты что, щенок, обделался со страха? — внезапно хохотнул сержант, и его глаза сузились до размера щелок. — Никогда не видел живого инсекта?

Он потянулся к поясу, где был укреплен широкий десантный нож. Вытащив его, он наградил инсекта пинком кованого ботинка, отчего тот отлетел в противоположный угол комнаты, и, повернувшись к Антону, протянул ему руку с зажатым в ней клинком.

— Держи.

Антон непроизвольно попятился, отчаянно замотав головой.

— Нет… — хрипло вырвалось у него. — Я не могу…

— Что ты не можешь? — угрожающе переспросил сержант.

Антону казалось, он сейчас потеряет сознание.

Две половинки огромных тисков сжимали его мозг медленно, но неотвратимо… Ситуация вдруг начала стремительно вываливаться из рамок реальности, но никому, кроме него самого, все происходящее было не доступно. Только Антон, сжавшийся в болезненный комок, воспринимал ее в полном объеме…

С одной стороны на него наседал, выворачивая сознание, отчаянный, запредельный вопль чуждого его разуму существа. Скорчившийся в углу пустой комнаты инсект видел неотвратимость собственной смерти и прекрасно осознавал это…

Антон непроизвольно дернул головой, чтобы не видеть продолговатый хитиновый панцирь и поджатые к белесому брюху суставчатые ноги, которые сами по себе вызывали в нем отвращение, но хуже всего было то, что существо молчало, не издавая ни звука, а он продолжал слышать его протяжный и отчаянный предсмертный вопль…

Отшатнувшись, он нарвался на вторую половинку сжимавших его тисков.

Это были налитые кровью глаза сержанта.

— Облажался, щенок?

Это был риторический вопрос. Антон никогда никого не убивал. Ему было неведомо это жуткое таинство.

— Я… Я не могу! — в отчаянии закричал он.

— Ты не можешь убить врага? — Губы сержанта вплотную приблизились к его лицу. — Это неправильно, кадет… — голос прорывался в сознание Антона как будто из другого мира. — Ты можешь и хочешь убить любого инсекта, что попадет в поле твоего зрения.

Антон окаменел.

— Эндрю, видео! — громыхнул у него под ухом густой бас.

На противоположную стену беззвучно опустился экран. Возникшее на нем изображение было таким отчетливым и красочным, будто это не запись, а сама реальность шагнула со стены. И даже скорчившийся под срезом экрана инсект, казалось, не выпадал из общей динамики видео, а, наоборот, принадлежал ей…

Группа инсектоидных существ шла по окраине поселка, затерявшегося где-то в бескрайних девственных лесах материка. Всего одна улица, сиротливый трактор под навесом из веток и мха, аккуратные, словно вырезанные из картона домики с белыми стенами и занавесками на окнах.

Внезапно дверь крайнего из домов распахнулась, выбитая ударом изнутри, и в проеме возник силуэт инсекта, тащившего за собой полуживого старика. Двигавшийся по улице отряд остановился. Аудиосистема проектора защебетала голосами насекомых.

Пинок суставчатой лапы швырнул полумертвого человека в пыль посреди улицы. Он попытался подняться, но в следующий момент грохнул выстрел.

Голова человека дернулась, и он забился в пыли, размазывая руками растущее на груди кровавое пятно.

— Достаточно, Эндрю.

Сержант присел на корточки и заглянул в глаза Антона.

— Ты их ненавидишь, верно?

Антон молчал в странном, тупом оцепенении.

Хрясь…

Кулак сержанта впечатался в его лицо.

Антон упал навзничь. Что-то горячее и соленое текло по губам, капая на пол.

— Смотри, как это делается, сопляк.

Сержант подволок Антона к скорчившемуся в углу комнаты инсекту.

Лезвие широкого ножа сверкнуло по короткой дуге и с мягким чавканьем вошло в белесое брюхо.

Антона вдруг начало безудержно рвать. Из расположенных у самого пола отверстий ударили упругие струи воды, смывая кровь и кадетский завтрак.

Люк в полу поглотил мертвое тело.

— Следующего.

Антон вдруг понял, что ему становится все равно. Что-то оборвалось в его душе. Какая-то важная струна звонко лопнула. Он больше не мог выносить это, и когда в комнате появился следующий инсект, он, в

паническом страхе, что сейчас снова зазвучит чуждый его разуму потусторонний предсмертный вопль, негнущимися пальцами взял протянутый нож и вяло ударил в брюхо своей жертвы.

Потом он почувствовал, как Вселенная закружилась вокруг него в бешеной спирали, и рухнул на пол около бившегося в конвульсиях инсекта.

В него, смывая кровь, били струи холодной воды, но Антон уже не ощущал их. Он был без сознания.

Сержант поднял нож, обтер его лезвие и, сокрушенно покачав головой, взял провалившегося в глубокий обморок Антона за воротник мокрой униформы.

— Черт знает что, Эндрю, — обращаясь к потолку, зло проговорил он. — Скорее бы уж в бой, верно?

Потолок молчал. Сержант еще раз вздохнул и поволок бессознательное тело Антона в соседнее помещение.

…Вечером Антон не пошел на ужин.

Очнувшись в казарме, он, как чумной, добрался до ближайшего окна, распахнул его и долго сидел, жадно вдыхая воздух улицы.

В его голове не было ни одной мысли, только страшная опустошенность… Он сидел, бесцельно глядя вниз, на серые плиты плаца, и не слышал, как к нему подошла Дана.

Усевшись рядом с ним на пластиковый подоконник, она некоторое время тоже смотрела вниз.

— А у них кровь красная… — внезапно сказала она, глядя куда-то мимо Антона.

Он поднял голову.

— Что ты сказала? — тихо переспросил он.

— Кровь у них красная… — повторила Дана. — Как у нас.

Наверное, ему следовало тогда промолчать, но Антона вдруг затрясло. Он вцепился пальцами в подоконник.

— Ты чего? — испугалась Дана. — Псих, что ли?

— Все это неправильно! — деревянным голосом отчеканил Антон. Это было то самое чувство, что подспудно давило на него изнутри.

Дана насупилась.

— Ты убил врага.

— Да какой он враг?! — на глаза Антона внезапно навернулись слезы. — Он жить хотел…

Краска отхлынула от лица Даны. Такой Антон ее еще не видел.

— Моя мама тоже хотела жить! — срывающимся голосом вскрикнула она и вдруг молча залепила ему пощечину.

Кулаки Антона инстинктивно сжались, но он не ударил в ответ. На них обоих словно нашло какое-то страшное затмение. Дана, стоя напротив, тяжело и прерывисто дышала.

— Ты… — вырвалось у нее, — ты…

Слезы вдруг брызнули у нее из глаз. Резко развернувшись, она побежала прочь, а Антон так и остался стоять у раскрытого окна.

В его душе не было ничего, кроме пустоты…

…Теперь, спустя два года, она отомстила ему.

Антон вздохнул, сворачивая в сторону освещенных улиц. Если он и ощущал трагизм происходящих вокруг него событий, то очень смутно. Вакуум в его памяти успешно заполнили шесть лет новой сознательной жизни. Он привык к ней и справедливо считал единственно возможной.

Нужно было как-то забыться, сбить с себя состояние дискомфорта, и он, выбравшись на знакомый проспект, повернул по обычному для любого кадета маршруту.

К утру он действительно забылся, и перспективы нового дня уже не казались ему такими мрачными, как накануне.

Глава 8. Грядущее

— Андрей, подожди немного!

Средних лет человек с коротко остриженными под ежик седыми волосами остановился у дверей кабинета.

— Да, Майкл? — он повернулся, протягивая руку здоровенному негру, одетому в ладно подогнанную форму с нашивками полковника.

— Есть новая информация, нужно поговорить.

Шевцов открыл дверь кабинета.

— Входи.

Рабочее помещение, которое занимал командующий, было небольшим. Здесь ни одна деталь обстановки не напоминала о том упадке и запустении, что царили в Городе. Компьютерные консоли, аудио- и видеоаппаратура — все это работало и было исправным. За рабочим столом на вращающейся треноге было укреплено глубокое кожаное кресло.

Судьба на Деметре играла людьми, как ни на каком из других миров. Взлеты и падения тут были, как правило, стремительными и бурными. Прошло всего шесть лет с того момента, как сержант Шевцов с автоматом прыгал с подножки «Кобры», чтобы взять в оборот выслеженную банду однорукого инсекта, и вот он сидит в кресле, которое помнило не одного и не двух руководителей колонии.

Карьера сержанта, сменившего полевую рацию и автомат на этот кабинет, не могла кого-то удивить. Шла страшная, затяжная война, и кадры, особенно грамотные и подготовленные, были на вес золота.

Колония Деметры уже много веков «работала на выживание». Ее численность стремительно сокращалась, и в каждый, произвольно взятый момент истории последних десятилетий оказывалось, что кандидатов на это кресло можно всегда сосчитать по пальцам.

Поэтому Андрей Шевцов спокойно относился к своей новой должности. Власть на Деметре была не набором материальных благ, а ответственностью, тяжкой и страшной работой, которая, как правило, пережигала людей.

Если бы у руля колонии вдруг встал человек нерешительный и некомпетентный, то Город был бы уже мертв.

— Слушаю тебя, Майкл.

Андрей достал из-под стола кофейник и воткнул вилку в гнездо.

— Вернулись две западные разведгруппы, — доложил Дуглас,

открывая папку. — Информация, полученная от беженцев из лесных поселений, полностью подтвердилась. У инсектов появился вождь, который проводит последовательную политику объединения племен.

Рука Андрея с кофейником чуть дрогнула, и немного горячей бурой жидкости растеклось по столу безобразной кляксой. Это была очень плохая новость.

— Его нужно убрать, — высказал он свою мысль.

Дуглас внезапно нахмурился. Казалось, его не очень воодушевила мысль командующего.

— Это будет отсрочкой приговора, командир, — негромко возразил он. — У нас впервые за последние двести лет появилась уникальная возможность покончить с этой войной, раз и навсегда.

— Вот как?

— Да, — упрямо повторил Майкл. — Лето не бесконечно, и я уверен — они ударят уже в этом году. — В голосе полковника прорвались такие знакомые Андрею нотки. Он всегда считал Дугласа своим близким другом, но в то же время не мог отмахнуться от его репутации, которая сложилась отнюдь не за один день. Майкл ненавидел инсектов так сильно, что лавирование между жизненными нюансами в вопросе противостояния двух рас было ему совершенно недоступно.

— Поясни, пожалуйста… — попросил Андрей, пододвигая чашку кофе своему заместителю.

— Они ударят по Городу всеми силами объединенных племен, что же тут непонятного… — Майкл отхлебнул кофе, обжегся и поставил чашку, едва не выплеснув ее содержимое. — Численный перевес, конечно, на их стороне, но нас защитят стены, которые есть время основательно подготовить к бою. Наша техника и оружие намного совершеннее… Это шанс, Андрей, — он выразительно посмотрел на Шевцова и горячо добавил: — Грохнуть их вождя из снайперской винтовки — плевое дело, но тогда племена расползутся, и все начнется сначала… Будем как проклятые гоняться за отдельными отрядами на их же, заметь, территории! Опять затяжные бои, оборона ферм… дерьмо собачье, командир. Нужно пользоваться моментом и валить их под корень!

Андрей, не проронивший ни звука во время этой гневно-патриотической тирады, угрюмо посмотрел на Дугласа. Порой именно из-за этого энтузиазма он не мог нормально разговаривать с ним. Как объяснить, что цифры, упрямые и холодные цифры говорят об обратном?

Цивилизация коллапсировала. Колония уже перешагнула ту критическую черту, за которой невозможно выжить. Им всем предстояло

умереть. Но это в будущем. А сейчас за теплым летом перед глазами командующего маячил холодный призрак суровой зимы. Продовольствия в Городе уже сейчас осталось в обрез. Внутренние пищевые комплексы давным-давно канули в Лету, а количество ферм стремительно сокращалось. Начался стихийный обратный процесс — как когда-то люди уходили из Города на свободные поселения, так теперь их потомки бежали назад.

В понимании Шевцова самым разумным способом окончания войны была бы полная эвакуация колонии. Но куда и как? Этого он не знал, и потому слова Майкла невольно затронули его душу. Быть может, он прав, и честнее дать последний бой в этих стенах, чем растягивать на десятилетие бессмысленную агонию популяции?

— Вот что, Майкл, — произнес он. — Такие вопросы нельзя решать с бухты-барахты, над ними надо думать. По моим данным, нас осталось чуть больше девяноста тысяч человек, учитывая все внешние поселения. Инсектов в два раза больше. И их техника, что бы ты ни говорил, не так уж сильно уступает нашей. По крайней мере, трофейного автоматического оружия у них в достатке.

— Но у нас бронетехника…

— Оставь, Майкл. Десятком старых бронемашин и двумя истребителями ты не заткнешь даже одной дырки в бою, который ты же мне и обрисовал. Это будет полномасштабное сражение, и даже если мы выиграем его, сколько нас останется в живых? Подумай, хорошо подумай, что ты предлагаешь — красивый способ массового самоубийства, финальный хлопок дверью или разумную операцию?

— Но ты не понял… — попытался возразить Майкл.

— Нет, я все понял, — спокойно прервал его Андрей. — Подумай, посчитай, прикинь реальный баланс сил и приходи снова. У тебя своя математика, у меня своя. Сравним результат и будем думать вместе, ладно?

— Так точно… — Дуглас нехотя встал. — До скорого, командир, — мрачно обронил он, открывая дверь.

— Эй, Дуглас, — окликнул его Андрей.

Великан обернулся, уже стоя в проеме двери.

— Я знаю, что ты сейчас думаешь, — усмехнулся бывший командир истребительного отряда. — Ты жалеешь о тех временах, когда в горячке боя мог послать меня к черту и перерезать столько инсектовских глоток, сколько считал нужным… Но времена изменились, Майкл. Мне тоже порой охота все послать… — признался Шевцов. — Но мы с тобой уже не отвечаем за себя. Мы отвечаем за других. За всех. В этом разница.

Когда за Дугласом закрылась дверь, Андрей еще несколько минут сидел, глядя на жирную кляксу от пролитого кофе.

Мир вокруг него стал другим с тех самых пор, как две недели назад он переступил порог этого кабинета. Всего две недели… А из жизни уже ушли простота и ясность, и она вдруг превратилась в шипящий, змеиный клубок проблем и противоречий. То наследство, которое досталось ему от предыдущего командующего, который внезапно и необъяснимо сгинул где-то в западной сельве во время обыкновенного рейда по проверке дальних гарнизонных постов, впору было бы пожелать врагу.

Только теперь Андрей начал осознавать, насколько неправильно их готовили… Детей сначала учили убивать, а уж потом думать. Да, при этом они вырастали отменными коммандос, но многие ли доживали до той поры, когда сознательная оценка своих действий становилась внутренней потребностью?

Ответ был очевиден — единицы. Единицы, к которым принадлежал он сам. Потому что средняя продолжительность жизни в колонии неукоснительно снижалась, уже вплотную приблизившись к страшной, по мнению Андрея, отметке в тридцать лет…

Он понимал — нужно что-то предпринять. Срочно. Немедленно. Но разве он располагал выбором из десятка решений? Нет… и еще тысячу раз — нет!.. Он был обыкновенным офицером, которого обстоятельства вырвали с передовой и втиснули в это самое кресло. И у него не было ни самих решений, ни времени на их поиск.

Колония умирала. Тысячелетие войны и ненависти, наконец, дало свой единственный росток. Это был бутон того цветка, что распустится на их братской могиле…

Андрей отжал клавишу интеркома и устало спросил:

— Роберт, в нашем штате есть кто-нибудь, кто хоть частично подпадает под древнее определение «ксенобиолог»?

— Мм… Простите, сэр… — замялся адъютант.

— Ясно… Тогда пришли мне того, кто шарит в обыкновенной биологии, понял? — разозлившись, Шевцов не заметил, как сорвался на привычный армейский жаргон.

— Так точно, сэр!

— Все, выполняй… — Андрей залпом допил остывший кофе и отжал другую клавишу:

— Майкл?

— Да, я тут, — с готовностью отозвался густой бас Дугласа.

— Нужно отослать как минимум два десятка подготовленных

мобильных групп, чтобы мы были в курсе любых передислокаций инсектов. Причем немедленно.

— Командир, но я не наберу такого количества подготовленных ребят… разве что взять старший курс из военной школы.

— Вот так и сделай. Раскидай их по группам, пусть сдают экзамен на выживание. Кто вернется — автоматически станет офицером. Все, давай, мне некогда…

В дверь кабинета осторожно постучали.

— Да, войдите… — Андрей пошарил глазами вокруг, ища, чем бы стереть со стола проклятую кляксу, но, не найдя ничего подходящего, просто поставил на это место пустую кружку.

Дверь кабинета открылась. На пороге стоял пожилой мужчина в заляпанном кровью белом халате. На его носу громоздились неуклюжие старинные очки в толстой оправе.

— День добрый, — проговорил он, прикрывая за собой дверь.

— Что это значит? — не понял Андрей.

Посетитель подошел к столу и ответил:

— Извините, командующий, этот вопрос должен, по идее, задать я. Ваш адъютант выволок меня из операционной…

— Понял… Теперь понял… Садитесь и не расстраивайтесь, — Андрей усмехнулся, вновь втыкая кофейник. — Просто кое-кто со страха воспринял мой приказ в буквальном смысле, — пояснил он. — Мне нужно было проконсультироваться с кем-то, кто владеет вопросом по биологии… — он сделал непроизвольную паузу и добавил: — инсектов…

Он думал, что это последнее замечание смутит его собеседника, но тот лишь задумчиво поправил очки в машинальном жесте.

— В таком случае, я вынужден отдать должное, ваш адъютант сообразительный малый, — ответил он. — Возможно, я единственный, кто сохранил толику тех знаний, что были наработаны нашими предками. Кстати… я не представился… — Он чуть привстал, протянув через стол жилистую руку. — Ногард… Доктор Хью Ногард. Некоторые называют меня просто профессор. Я работаю в хирургическом отделении центрального госпиталя.

Шевцов пожал протянутую руку.

— Извините, профессор, что оторвал вас. Но коль уж вы тут, давайте побеседуем…

— Что конкретно вас интересует?

— Возможно ли вступить с ними в контакт? — чуть прищурясь, спросил Андрей.

— Хороший вопрос… — усмехнулся Ногард. — А главное, задан он вовремя… Спустя тысячу лет после первого убийства… — Он вскинул глаза на Шевцова и тут же смутился. — Извините, командор… Конечно, я понимаю, кто вы и как попали в это кресло. Вы имеете право задать этот вопрос, и я, откровенно говоря, рад тому, что вы его задали. Ваши предшественники не беспокоили меня или кого-то еще по этому поводу…

— Ближе к делу, доктор, — напомнил Шевцов.

— А ближе к делу буду вынужден вас огорчить. Диагноз один — невозможно… — Он глубоко вздохнул. — Вы же сами знаете способы их общения, тот щебет, что они издают, — это, если можно так выразиться, скорлупа, поверхностная оболочка их речи. Настоящее общение между двумя особями у инсектоидных существ происходит на ферромоно-телепатическом уровне… Вы знаете, что такое ферромоны, командор?

— Нет, — покачал головой Андрей.

— Это такие сильно пахнущие секреторные выделения, — пояснил ему Ногард. — Нюансы запахов составляют их речь на близком, доступном для их восприятия расстоянии, а подкреплена эта речь передачей телепатических волн.

— Как это установили? — недоверчиво переспросил Андрей. — Что такое телепатия, я слышал, но в действительности…

— Да, в действительности люди не способны к передаче мысленных волн, — подтвердил доктор. — Вы позволите? — Он достал сигарету, выразительно помяв ее в пальцах.

— Конечно, курите.

— Благодарю… Так вот, явление телепатии на самом деле существует, просто люди имеют очень малые к ней способности. А инсекты — наоборот. У них громадный потенциал. Это доказал мой коллега несколько веков назад. Суть эксперимента была до смешного проста — двух инсектов сажали в абсолютно изолированные друг от друга помещения. Ни звук, ни свет, ни тем более запах не проходили из одного в другое, хотя они и имели одну смежную стену. Так вот, эти существа общались между собой, и когда испытывал беспокойство один, второй инсект начинал машинальную адекватную реакцию.

— А их щебет?

— Я же сказал — это поверхность, скорлупа. Щебет то же самое, что для нас жестикуляция. Он передает лишь простейшие примитизированные понятия. На самом деле их речь должна быть богаче нашей… Но чтобы подобрать ключ к ней, нам нужно иметь хотя бы одного телепата или же несколько веков для скрупулезных исследований.

— Фрайг побери, вы меня утешили, Ногард.

Доктор беспомощно развел руками.

— Я рассказал правду, только и всего. На данный момент полноценный контакт невозможен. Даже для изучения их щебета нужно столько времени, сколько не отпущено ни одному из нас, ни всему Городу в целом.

— Вы знаете? — вздрогнул Андрей.

— Я ученый. Прежде всего — ученый, а уж потом хирург и костоправ. Моя профессия предполагает сбор данных и их анализ. Я смотрю вокруг и делаю выводы. Колония умирает. Если не инсекты, то вырождение генофонда — результат один и тот же…

— И что бы вы делали на моем месте, доктор? — мрачно спросил Шевцов.

— Я? — Ногард задумался, глубоко затянувшись. — Не знаю… — спустя некоторое время признался он. — Знаю только одно — мне бы не хотелось сейчас занять ваше кресло, командор. Честно. По-человечески. Ни за какие блага мира…

…Когда за доктором закрылась дверь, Андрей почувствовал, что зашел в тупик, из которого попросту нет выхода. Он вспомнил, с какими мыслями и заботами появился в этом кабинете две недели назад, и что он имел сейчас? Ничего. Только осознание полного тупика.

Возможно, Майкл в своем упрощенном понимании вещей был гораздо более мудр, чем он.

Им предстоял последний бой за колонию. Финал тысячелетней битвы был уже близок. Оставалось сделать только одно — подготовиться так, чтобы волна объединенной армии инсектов разбилась о серые стены Города. Тогда, возможно, у людей еще останется шанс…

«Сейте ужас и спускайте псов войны…»

Андрей Шевцов не знал, кому принадлежала эта фраза, но, услышанная или, быть может, прочитанная однажды, она как нельзя вовремя всплыла из глубин его памяти в эту роковую минуту…

Он отжал клавишу интеркома.

— Роберт, передай командирам подразделений, чтобы через час были у меня.

Глава 9. Перевал

География единственного материка Деметры поразила взгляд первых поселенцев своим разнообразием. Тут можно было найти практически все, о чем обычно пишут в соответствующих учебниках.

Сам материк состоял из двух тектонических плит, приблизительно равных по площади. На их стыке в доисторические времена возник огромный горный массив. Складки планетной коры когда-то уходили под самые облака, но Деметра была очень старой планетой, и за миллиарды лет своей геологической жизни эти горы успели поддаться напору эрозии. Там, где раньше возвышались отвесные скалы, теперь тянулись цепи пологих холмов, да и сам хребет уже не был столь высоким, диким и неприступным, как в ту пору, когда тут еще извергались вулканы.

Горы оказались естественной границей между людьми и инсектами.

Конечно, старые города насекомоподобных обитателей Деметры присутствовали по обе стороны древних тектонических образований, но так уж сложилось, что кочевники предпочитали южную часть материка, а людям достался север. Летом отряды инсектов в поисках поживы, как правило, переходили хребет и спускались в северные долины. С наступлением осени они стремились обратно, и люди часто устраивали засады на перевалах…

На памяти колонистов инсекты трижды огромными армиями переходили хребет. Последняя такая полномасштабная попытка смахнуть человечество с лика Деметры была предпринята около двухсот лет назад. И вот тучи по ту сторону гор сгустились вновь…

Этим летом все было не так, как обычно.

Горные перевалы казались вымершими. Старые тропы потихоньку зарастали травой, вездесущие ползуны безнаказанно выкидывали усы своих побегов на глубокие колеи старых дорог.

Стоявшее в зените солнце палило вовсю. Такого жаркого, безветренного лета не помнил никто. Люди на немногочисленных фермах говорили, что сама природа восстает против них, — если нет инсектов, то пришла засуха, как будто кто-то проклял человеческие поселения…

На самом деле все было не так. Природа жила в рамках своих климатических циклов, и ей было глубоко наплевать на странные смертные игрища разумных рас…

Отряды, посланные по приказу Шевцова, должны были подняться на

перевалы в разных точках горного хребта и намертво перекрыть их. Конечно, ни один из взводов не мог противостоять армии инсектов, случись начаться еще одному полномасштабному вторжению, но они должны были задержать их, а главное — вовремя предупредить Город.

…Этим утром, пока еще не сошла роса и полуденный зной не разлился над пологими холмами, лейтенант Войнич вывел свой отряд к указанной точке.

Десять взводов были укомплектованы десятью оставшимися у колонии бронемашинами. Отряды состояли наполовину из ветеранов, а наполовину — из новичков, посланных сюда прямо из стен государственной военной школы.

— Дерьмо собачье… — тихо, чтобы не слышали остальные, выругался сержант Хлудов, окидывая взглядом будущую позицию. — Эй, лейтенант, мы что, пришли помирать на старые кости?

Действительно, то место, куда вывел отряд Войнич, использовалось в прошлом. Металлолом, казалось, рос тут прямо из лысых пригорков, на которых вперемешку с железом возвышались старые каменные насыпи. Змейки осыпавшихся траншей ползли по каменистой почве, разбегаясь в разные стороны. Кое-где зияли заросшие кустарником воронки, а в одном месте вверх топорщились сгнившие бревна старого блиндажа.

— Сдохнешь там, где будет приказано, — буркнул не расположенный шутить взводный. — Если хочешь грызть этот камень сызнова, то тебе персонально могу отвести позицию в сторонке, а остальным, — он повернулся лицом к своему отряду, — остальным пять минут на перекур и потом за работу. Командиры отделений, ко мне для получения задачи.

Строй распался. Те, кто помоложе, валились с ног в изнеможении после шестисуточных переходов, да и ветераны не сияли особой бодростью. Даже рифленые колеса бронемашины, которая вскарабкалась на бугор и застыла, нацелив спаренные стволы в сторону уходящей вниз дороги, казались изношенными и уставшими.

Антон ничем не отличался от других. Повалившись там, где стоял, он закрыл глаза и некоторое время просто лежал, слушая, как тонко подвывает ветер, заплутавший меж каменных столбов, да глухими ударами ломится в виски кровь…

После изнурительного марш-броска под палящими лучами солнца он чувствовал себя, словно высохшая изнутри мумия. Казалось, песок, который с легкостью подбрасывал ветер, шуршащими струйками перетекает внутри его тела…

Прижавшись щекой к плоскому горячему камню, который выступал

из земли, он смотрел на качающуюся былинку и думал о Дане. Если невыносимо тяжело ему, то тогда каково ей?

Впрочем, эти мысли недолго занимали разум Антона.

Команда «подъем», тяжкая, как удар кованого сапога, заставила его вздрогнуть и сесть. Взвод, разбредшийся было кто куда, строился в одну шеренгу под окриками лейтенанта. Тот, по мнению Антона, был вездесущим и двужильным.

Заняв свое место среди усталых бойцов, Антон, понуря голову, слушал, как лейтенант роняет короткие и без того известные фразы.

— Значит, так… — прохаживаясь перед строем, произнес Войнич, по очереди заглядывая в запыленные, злые лица. — Инсектовский сброд опять зашевелился по ту сторону хребта. Я получил приказ: оседлать эту дорогу, — он кивнул в сторону желтой змейки, сползающей по ту сторону перевала. — Это все. — Он поднял взгляд и вдруг широко, отечески улыбнулся. — Остальное должно быть понятно любому, самому распоследнему придурку, — тоном, никак не соответствующим улыбке, заключил он.

— Аминь… — сержант Хлудов скорчил постную мину. — Сейчас, ребята, будем смотреть, кто и как умеет закапываться в землю…

Антон сглотнул застрявший в горле сухой ком. Плоский юмор лейтенанта раздражал его. Ну а на лошадиную рожу Хлудова он вообще смотреть не мог после шести суток изнурительного перехода.

Строй распался. Достав саперную лопатку, Антон спрыгнул в полузасыпанную траншею и посмотрел на плавящийся в знойной дымке горизонт.

«Если мы должны умереть на этом перевале, то незачем делать из этого комедию…» — сплюнув на землю, подумал он.

Штык лопаты с лязгом вошел в каменистое, щедро нашпигованное металлом дно траншеи.

Он не видел, как лейтенант Войнич, стоя на пригорке, смотрит в его сторону. Спина Антона ритмично и монотонно сгибалась, и лопата выбрасывала вверх, на бруствер, ссохшиеся комья земли. От удара они рассыпались, и по свежей насыпи, по ту сторону траншеи, скатывались ржавые комки старых стреляных гильз…

«Псы войны, мать твою… — с несвойственной ему горечью вдруг подумал лейтенант. — Загнул Шевцов тоже… Дети они, щенки еще…»

Войнич знал, что случится дальше, и от этого на его душе было муторно. Он присел на корточки, переведя взгляд со спины Антона на уходящую вниз пыльную дорогу.

Он и Витька Хлудов… Они двое ушли из этих осыпавшихся траншей двадцать лет назад… Только двое… Они-то и стали псами, а толку?

Войнич смотрел на заросшие выемки старых воронок, а перед глазами стояли дымные султаны разрывов, оглушительный вой уходящих к горизонту истребителей и измазанное кровью лицо сержанта, которому было тогда лет пятнадцать, не больше…

…Антон, который с остервенением копал иссохшую под немилосердным солнцем землю, не мог прочесть мыслей Войнича, как не видел направленного в его спину взгляда.

Он копал, а мысли в его голове жили своей жизнью.

Он думал о Дане… И он знал, что она сейчас думает о нем…

* * *

…В тот вечер, выйдя из развалившихся ворот старой усадьбы, он машинально повернул в сторону освещенных центральных улиц.

За пять лет он успел изучить Город. В государственной школе кадетов не держали на коротком поводке. Днем от них требовали полной отдачи, но вечер и часть ночи безраздельно принадлежали им. Началось это с того момента, как они перешли на средний курс обучения.

Никто из них не подозревал, что таким образом их учат жить. Радость свободы была опьяняющей, ею дорожили как святыней, и редко кто опаздывал вернуться к установленному часу.

Радиальные улицы Города сходились в центре, с разных сторон вливаясь вереницами огней на громадную площадь, в центре которой стояла темная скульптурная группа. Огромные сумеречные фигуры, каждая величиной в несколько метров, изображали людей разного возраста, одетых в странные, с точки зрения современности, ниспадающие одежды. Антон понятия не имел, что это переплетение полуобнаженных тел, окольцованное парапетом из темного камня, когда-то было фонтаном… Очень многое в городе утратило свое первоначальное предназначение и потеряло всякий смысл… Но были такие постройки, которые сохранили не только облик, но и свое внутреннее содержание с тех незапамятных времен, когда люди проектировали эти улицы и площади.

Одним из таких сооружений оставался крытый зимний парк, выпуклый купол которого продолжал сиять в ночи несмотря ни на что, словно бросая вызов истории упадка Деметры.

Антон, не раздумывая, повернул в сторону огромных вращающихся дверей. Сквозь прозрачный нетленный материал их сегментов смутно просвечивали яркие россыпи огней. Ночью парк всегда оживал.

Антона встретил мягкий сумрак аллей и сонный шелест бархатистой листвы, но ему совершенно не хотелось предаваться мрачному настроению. Что-то творилось в его душе, там снова шевелились те самые смутные тени, и ему отчаянно хотелось прогнать их, чтобы не возникало в груди сосущее чувство холода и одиночества.

Забравшись в самый центр парка, туда, где было светло и среди столиков кружили водовороты человеческих тел, он, немного потолкавшись среди своих, подошел к высокой тумбе и, засунув в щель карточку, получил набранное на кнопочной клавиатуре меню. Отыскав глазами свободный столик, он сел, и в этот момент почувствовал на своем затылке чей-то напряженный взгляд.

В школе их учили не теряться ни в каких жизненных ситуациях. Антон не обернулся и не начал шарить глазами. Он лишь чуть выпрямил спину и крепче сжал вилку, ожидая, что же произойдет.

Чувство отхлынуло так же внезапно, как и появилось.

Он опять вспомнил тот злополучный день, когда впервые услышал в своей голове чужой голос.

Нет, только что испытанное ощущение никак не могло быть связано с той странностью его психики. Да и чувства были немного не те. Антон вдруг подумал о том, что это мог быть совсем не взгляд — словно чья-то направленная на него мысль чиркнула по поверхности сознания и ушла на излет, как ноющий осколок, потерявшись в хаосе круживших вокруг эмоций… Кто-то искал его… или думал о нем…

Склонившись над тарелкой, он попытался отрешиться, сосредоточившись на еде, но сегодня был явно не его день.

Чувство накатило вновь — внезапное, сильное… и какое-то горькое, граничащее с отчаянием и паникой…

Антон не выдержал и оглянулся, окинув внимательным взглядом сидящих за соседними столиками, потом дальше гуляющих по аллее и веселящихся на небольшой лужайке…

Источник его беспокойства обнаружился так внезапно, что он даже не сразу узнал это бледное лицо и упрямо поджатые губы, настолько ошеломляющим для него оказался прямой мнемонический контакт…

Он вдруг увидел белую кисть руки, меж пальцами которой сочилась, капая в темноту, густая кровь… Это не было мыслью — скорее образ, эмоция, та картинка, что рождена подсознанием в ответ на прочитанный всплеск чужих эмоций…

Антон откинул голову, словно получил удар, когда образ внезапно истаял, а вместо него в поле зрения появилось лицо Даны…

Она медленно шла между столиками, и ее взгляд метался по лицам, — она искала кого-то и выглядела испуганной. Такой Антон видел ее впервые, и тем не менее он не окликнул ее.

Опустив глаза, он уставился в свою тарелку. «Она ищет не меня… но даже если это и так, я не хочу ее видеть…»

Это была ложь. Дана искала именно его.

Увидев Антона, низко опустившего голову над тарелкой, она встрепенулась и пошла прямо к его столику.

Это был странный миг. Он вскинул глаза и посмотрел на нее. Дана поймала этот угрюмый взгляд и вдруг беспомощно улыбнулась.

— Привет… — сказала она, отводя глаза.

Антон вдруг понял — что-то случилось, и заготовленная грубость застряла в его горле.

Если бы сейчас в этот парк ворвались инсекты, он был бы меньше поражен и точно знал бы, что и как надлежит делать. Но, глядя на бледное лицо Даны и ее губы, кривящиеся в беспомощной, несвойственной ей улыбке, он откровенно не знал, как реагировать…

Их детская дружба давно уже превратилась в соперничество — сначала ненавязчивое, а потом все более и более ожесточенное. Чем старше они становились, тем шире расползалась пропасть. И если Антон время от времени и пытался навести шаткие мостки взаимопонимания, то Дана тут же рушила их очередной своей выходкой, так что, в конце концов, он плюнул на это.

— Что случилось? — устав от затянувшейся неловкой паузы, спросил он.

Дана подняла глаза.

— Ты злишься на меня?

— За что? — насупился Антон. — Войнич прав, я вел себя как дурак… И получил по заслугам.

Дана внезапно порывисто встала и, подойдя к автомату, что-то выстучала на его панели. Она отвернулась к открывшейся нише, и Антон не мог видеть, как дрожат ее губы и в глазах, отражая свет фонарей, мерцает предательская влага. Он еще жил в своем, понятном и привычном мире, в то время как ее мир уже рухнул, душа Даны сорвалась в пропасть и летела вниз, сжимаясь от страха и не ведая, когда же настанет конец…

Виной всему был случайно услышанный разговор.

…Два часа назад она стояла за дверьми каморки, которую занимал лейтенант, и не нарочно подслушала, о чем он разговаривал со своим заместителем, сержантом Хлудовым…

— …Я не понимаю, зачем нам брать старший курс! — это был хорошо знакомый, гнусавый голос сержанта. — Шевцов что, не соображает, что им по семнадцать-восемнадцать лет и порох они нюхали только на учениях! Совсем они там сбрендили?!

— Витя, это приказ. Я уже ничего не смогу изменить…

— Знаешь, где я видел такие приказы? — в кабинете вдруг раздался грохот сдвигаемой мебели. — Ты что, забыл? Забыл, как мы с тобой сопливыми пацанами умирали на том перевале? Что мы могли? Да я, когда увидел, сколько их прет на мой окоп, обделался со страха…

— И тем не менее мы выстояли, Витя… Мы не пустили их на нашу сторону хребта.

— Да, не пустили… но тогда у нас были танки, нас прикрывала эскадрилья «Кобр», а теперь? Одна старая залатанная бронемашина на взвод? И горстка детей, чтобы перекрыть перевал против армии? Знаешь, лейтенант, что я скажу тебе? Иди к Шевцову, к Дугласу, к кому угодно и скажи: если надо умереть — мы умрем. Я, ты, все, кто в состоянии сознательно пойти на это. А ребята пусть остаются в Городе.

В кабинете взводного на миг повисла гнетущая тишина.

— Нет, Витя… Я, конечно, схожу к Шевцову, но вряд ли это что-то изменит. И дело не в том — дурак он или нет. Андрей не дурак и не псих, ты это знаешь лучше меня. Просто в этот раз нам уже не удержать ни перевал, ни Город… Силенки не те. Это будет последний бой. Понимаешь?

…Дана не помнила, как очутилась в казарме.

Первым чувством была растерянность. Внутреннее неприятие той страшной истины, что прозвучала в разговоре двух взрослых мужчин.

Она бесцельно прошла по пустому знакомому помещению, от ряда узких, как бойницы, окон до стенных шкафов, потом остановилась, оглядевшись по сторонам…

Зачем она прибежала сюда? Что ее испугало? Разве она не готовилась к войне, разве не хотела отомстить этим выродкам за то, что они лишили ее родителей?

Обреченность… Вот то чувство, что прозвучало в словах Хлудова. Злая, бессмысленная обреченность.

Им всем предстояло умереть. Очень скоро… Выходит, что все эти годы она старательно готовилась к собственной смерти?..

Дана подошла к окну и застыла, глядя, как быстро, прямо на глазах улицы Города погружаются в сумерки… Она честно пыталась отогнать от себя сжимающие грудь крамольные мысли…

Все это было… *неправильно*…

Она вдруг вспомнила, что произошло на вчерашних учениях… Как она поймала Антона… И тут же ее воображение нарисовало иную картину — она с простреленной навылет грудью падает на застланное стреляными гильзами дно окопа… Он пройдет мимо. Он не купится больше на ее сдавленный стон… Ни он, ни кто-то другой, потому что так заведено, таковы жестокие правила этой игры, и она сама с упоением культивировала их…

Неправильно… Именно это слово сказал Антон два года назад, сейчас она вспомнила тот миг с убийственной отчетливостью.

Почему он понимал это еще тогда, а она нет? Почему, несмотря ни на что, он время от времени пытался протянуть ей руку, словно подозревал, в какую бездну, в конце концов, рухнет ее душа?

Ответа на это вопрос не знал никто, в том числе и сам Антон.

…Она повернулась, держа в руках две чашки с дымящейся коричневой жидкостью. Она вдруг поняла, чего так панически боится. Она боялась умереть и больше никогда не увидеть его. Дана чувствовала, что их души повисли в странном вакууме этого мира — детскую дружбу они уже переросли, а на нечто большее не хватило… времени, сил, обстоятельств…

Это ощущение непрожитости делало реальность похожей на зыбкое болото. Каждый миг, каждый шаг мог привести в пучину… а мог остаться всего лишь шагом…

Она вернулась за столик и поставила чашки.

— Завтра мы все умрем… — тихо сказала она, расплескав кофе.

Антон вскинул голову, недоуменно посмотрев на Дану.

— Что случилось? — повторил он свой вопрос, и тогда она, поддавшись обрушившимся на нее чувствам, в невольном порыве протянула руку, накрыв своими дрожащими пальцами его напряженную ладонь.

Единственное, чему их не научила жизнь, — это любить и лгать. Именно в силу подсознательной честности своих подрастающих чувств они порой бывали так жестоки друг к другу. Слезы в глазах Даны и ее дрожащие пальцы, этот порывистый, неумелый жест сказали ему больше, чем тысяча самых весомых слов…

Они молчали, глядя друг другу в глаза, и каждый, ощущая трепещущее тепло другого, заново переживал свой, сугубо личный ад воспоминаний. Это был тот миг полного взаимопонимания невысказанных чувств, на который способны только те, кто никогда не любил, чьи обнаженные нервы способны были сплести этот запутанный, болезненный и сладкий клубок единства…

Последняя ночь перед смертью…

Они смотрели друг другу в глаза, не зная о том, что все их робкие мечты будут разбиты в прах.

Далеко на юге, там, где возвышались величественные руины древних городов, по мощенным неизвестным материалом дорогам в сторону синеватой дымки маячивших у горизонта гор уже двигалась армия.

Это была армия обреченных.

Она тянулась, словно извивающаяся многоглавая гидра.

Каждые двадцать лет…

Каждые двадцать лет древний инстинкт срывал инсектов с привычных мест и гнал от одного разрушенного города к другому, потом дальше, за перевалы, на территорию, освоенную людьми…

Их путь неизменно оканчивался под стенами огромного серого цокольного этажа погибшего в своем зародыше мегаполиса. Безумные атаки инсектов разбивались о его неприступные стены. Защищающие город люди с ужасом и содроганием наблюдали, как возделанные равнины превращаются в мертвое месиво грязи под ногами атакующих тварей…

Потом они уходили так же необъяснимо и внезапно, как и появлялись под стенами, оставляя после себя разлагающиеся трупы, остатки нечеловеческого скарба и изуродованные поля.

Каждые двадцать лет… Над этой цифрой стоило задуматься. И люди думали, но не находили никакого объяснения. Во-первых, не всегда орды насекомоподобных существ достигали стен города. Чаще всего каждый их отряд двигался самостоятельно, независимо от остальных. Не всем удавалось преодолеть хребты, часть отсеивалась, по какой-то причине оставаясь в заброшенных городах своих предков, а те волны, что достигали в конечном итоге человеческих территорий, уже не несли в себе четкой, поддающейся осмыслению системы. Если бы люди постоянно наблюдали за инсектами на их исконной территории, далеко на юге, если бы отслеживали пути миграции каждого отряда или племени, то, возможно, эта периодичность и нашла бы свое объяснение, но, увы…

На этот раз все складывалось намного серьезнее. Среди инсектов обнаружился вождь, сумевший объединить их перед очередной миграцией. По древним дорогам в сторону хребта двигались не отдельные разрозненные отряды, по ним ползла армия…

Антон и Дана, в полном молчании смотревшие в глаза друг другу, ничего не знали об этом.

Медленная, необъяснимая дрожь охватывала их юные тела, поднимаясь все выше, заставляя путаться мысли…

Мир кружился, вращаясь вокруг вместе с темным парком и звездным небом, затягивая разум в безумный водоворот страсти.

Они не могли думать ни о чем, кроме этой, захлестнувшей их души волны…

…А за тысячи километров от них надсадно скрипели деревянные колеса тяжелых катапульт, стенали в упряжи горбатые нелетающие птицы, над древними дорогами поднимались клубы пыли и раздавалась скрежещущая перекличка нечеловеческих голосов…

Ранним утром следующего дня десять отрядов вышли из Города и ускоренным маршем двинулись в сторону хребта.

Среди солдат, сгибаясь под тяжестью экипировки, шли Дана и Антон.

* * *

Далеко у горизонта клубилась белесая пыль.

Антон сидел в тщательно отрытой и оборудованной стрелковой ячейке, испытывая чувство глобального одиночества. Одного взвода в двадцать человек оказалось недостаточно, чтобы полноценно перекрыть перевал.

Извилистая траншея, протяженностью в триста метров, перечеркивала дорогу и уходила в обе стороны от нее, петляя меж каменистых бугров. Антону достался самый край левого фланга, в десятке метров начинался поросший густым кустарником склон, сразу за которым громоздились скалы.

С одной стороны, это было неплохо, — судя по рассказам очевидцев, инсекты не любили и не умели лазить по горам, а с другой… было неуютно осознавать, что слева от тебя нет ни души.

Он сидел, до рези в глазах всматриваясь в горизонт. Скалы вокруг, голый склон с редкими пеньками от тщательно вырубленного в секторах обстрела кустарника, старая дорога, лениво сползавшая вниз, — все дрожало, теряя свои очертания в знойном мареве. Воздух казался сухим и колючим…

Справа по траншее прошуршали чьи-то осторожные шаги.

Антон скосил глаза, не меняя позы. Пальцы правой руки машинально охватили рукоять уложенной на бруствер автоматической винтовки.

— Кто? — отрывисто спросил он, готовый в любую секунду рвануть на себя снятое с предохранителя оружие.

— Свои… Не психуй, кадет! — из-за поворота траншеи появилась ухмыляющаяся рожа Хлудова.

Рука Антона отпустила рукоять.

Сержант вошел в пространство отрытой им просторной ячейки и критически осмотрел позицию.

Взгляд Хлудова скользнул по укрепленным стенам, аккуратным нишам, выдолбленным в земле, грамотно разложенному боекомплекту, открытому гранатному подсумку, потом переместился на замаскированный свежим дерном бруствер и дальше, в сектор обстрела…

— Молодец… — скупо похвалил сержант. — Жить будешь. — Он присел на корточки и достал сигареты, искоса глядя на Антона. — Расслабься, кадет, — он протянул ему пачку, — давай перекурим.

Антон взял сигарету и присел рядом с сержантом. Сейчас, в томительные часы ожидания перед боем, даже общество Хлудова было приятным.

— Нервничаешь?

Вопрос был риторическим, и Антон просто пожал плечами.

— А я нервничаю… — Виктор чуть привстал, бросив взгляд поверх бруствера. — Знаешь, что я скажу тебе? — он обернулся. — Запомни, Антон, мы должны их удержать, сколько хватит сил, и мы удержим. Но это не значит, что ты или я должны умереть. — Голос сержанта был тихим, и в то же время Антон угадывал в нем какое-то нечеловеческое возбуждение. — Ты понял меня, кадет?! Просто грамотно сделать свою работу.

— Я понял, — ответил Антон.

— Не психуй. Главное — не психуй. Эти ублюдки умирают, и еще как, сам увидишь… Лейтенант отдал приказ: расходовать боекомплект и отступать, когда бить их будет уже нечем, уяснил? Пункт сбора — в десяти километрах отсюда по северному склону. Помнишь, мы проходили поляну с двумя горелыми танками? Вот на ней…

Антон кивнул. У него сложилось такое чувство, что в данный момент психует как раз не он, а Хлудов.

Действительно, сержант был не в себе. Эти часы перед боем вконец измотали его.

Лейтенант Войнич не отдавал никаких приказов. Не было пункта сбора, и не было возможности к отступлению. НО ЭТО ПОНИМАЛ ТОЛЬКО ОН… Пусть. Пусть у пацанов будет хоть какой-то шанс…

— Дерьмо… — Хлудов растоптал окурок. — Держи коммуникатор включенным… Я еще зайду.

Он повернулся и, метнув быстрый взгляд в сторону растекающихся у горизонта клубов пыли, скрылся за изгибом траншеи.

Оставшись один, Антон сел на распечатанный ящик с боекомплектом и, коснувшись затылком стенки окопа, попробовал прикрыть глаза.

Сидеть с плотно смеженными веками оказалось еще хуже, чем всматриваться в туманный горизонт. В голову моментально полезли всякие мысли.

Встав в полный рост, он выглянул из-за бруствера.

Внизу, по склону горы, рос лес. За очищенной от деревьев и кустарника зоной огня он стоял сплошной стеной, сбегая вниз плавными, голубовато-зелеными волнами растительности. В некоторых местах, среди уходящих вниз макушек деревьев, угадывались поляны и прогалины, а невдалеке чернело несколько свежих гарей… Лето, оказавшееся чересчур жарким, брало у леса свою мзду в виде уродливых обугленных проплешин…

Внезапно на краю одной из полян, что располагалась ближе к дороге, что-то блеснуло. Антон, уловивший этот странный блик боковым зрением, вздрогнул и резко обернулся в ту сторону.

Ничего?..

Не отрывая глаз от светлой прогалины, казавшейся на таком расстоянии просто пятном на фоне плавящегося в синеватой дымке лесного массива, он на ощупь отстегнул от пояса чехол с электронно-оптическим прицелом.

«Неужели началось?!» — подумал он, расчехлив прицел. Этот странный блик мог означать что угодно, начиная от затаившегося в ветвях вражеского снайпера до простой галлюцинации уставших от напряжения глаз.

Оптика со щелчком вошла в предназначенный ей паз. Антон оперся локтями о бруствер и медленно поднял ствол автоматической винтовки.

Разогретая резина оптического прицела неприятно облепила глаз. Электроника, заработавшая в тот момент, как прицел был поставлен на место, расчертила попавшее в круг пространство тонкими нитями координатно-прицельной сетки, в узлах которой бежали, постоянно меняясь, цифры, выдаваемые дальномером.

Антон повел стволом, и увеличенный фрагмент леса послушно поплыл перед его взглядом, медленно смещаясь вправо…

Ага, вот она…

Прогалина была узкой и длинной. От дороги ее отделяли триста метров сплошного бурелома.

Прицел, описав плавный полукруг, вновь вернулся к тому месту, где, как показалось Антону, он видел блик.

Ничего… Обыкновенная поляна, на краю которой косо застыли несколько поваленных ветром сухих деревьев с узловатыми, перекрученными ветвями.

Антон хотел было опустить винтовку, когда вдруг понял, что именно там, под иссохшими ветвями поваленных деревьев, что-то шевелится. Какая-то смутная, едва различимая тень.

Затаив дыхание, он свободной рукой потянулся к верньерам настройки. Разрешающая способность электронно-оптической системы намного превосходила предельную дальность стрельбы самой винтовки, и потому прицелы обычно настраивали в соответствии с возможностями оружия…

Наугад повернув регулятор, Антон увидел, как, подчинившись движению его пальцев, крона поваленного дерева вдруг начала укрупняться, отдельные ветви поползли ему навстречу, чудовищно увеличиваясь в размерах и заполняя собой всю панораму оптики. Осторожно шевельнув занемевшей от напряжения рукой, он, наконец, нашел прореху в ветвях и еще больше увеличил изображение.

Картина, представшая его взгляду, заставила Антона вздрогнуть.

Под кроной поваленного дерева, в естественном укрытии, затаились пять существ. Двое из них были людьми. Природу остальных разум Антона отказывался определить однозначно. Они очень сильно походили на старые, безнадежно разрушенные механизмы, виденные им в городе, но вели они себя совершенно неадекватно.

Один из механизмов, длиной около метра, напоминал бронетранспортер в миниатюре — такой же металлический корпус, четыре расположенных попарно колеса… но этим все сходство и ограничивалось. В лобовом скате машины торчали объективы двух видеокамер, которые вполне осмысленно ворочались в своих гнездах, наблюдая за беспечной возней двух других механизмов, похожих на пузатые бочонки, из которых во все стороны торчали гибкие руки-манипуляторы…

Эти двое просто играли… Другого определения Антон подобрать не мог. Два робота тихо возились, забавно переваливаясь из стороны в сторону, в то время как их более сдержанный собрат внимательно наблюдал за этой возней, воздев над своим корпусом две конусообразные фрезы…

Антон, пораженный этим зрелищем, медленно повел оптическим прицелом. Его интересовали люди.

Их было двое. Повалившись на импровизированную подстилку из веток и мха, они спали… Пока оптика скользила по их изодранной, запыленной одежде, Антон успел отметить невероятную худобу обоих тел,

торчащих сквозь прорехи ветхой ткани. Все указывало на то, что эти двое проделали долгий, нелегкий путь и были крайне истощены…

Пока он думал, в круг оптического прицела попало лицо первого из спящих мужчин. Худобу его скул скрывала побитая проседью борода. Лицо спящего из-за глубоко впавших глаз казалось застывшей маской мученического страдания.

Антон еще переместил прицел и почувствовал, как действительность вдруг утратила свои резкие очертания.

Он едва не отпустил винтовку, когда лицо второго спящего вплыло в круг оптического прицела.

Какое-то смутное, далекое воспоминание рванулось из спящих глубин его подсознания.

Вселенная вдруг обрушилась на него, раззявив свою страшную, черную, расстрелянную звездами и орущую на все голоса пасть… Он отшатнулся от стенки окопа, не понимая, что с ним, и не заметив, как винтовка с глухим стуком сползла с бруствера, ударив пластиковым прикладом о камень…

Он вообще ничего не воспринимал в течение нескольких секунд, растянувшихся в его сознании до размеров бесконечности…

Потрясенный, Антон медленно сполз по стенке окопа.

Он сел, широко раскрыв глаза и чувствуя, что совершенно не владеет собственным сознанием. Когда прошла секундная растерянность и очертания предметов вокруг вновь обрели резкость, попытался встать, хватаясь рукой за край бруствера. Свежий дерн двигался и скользил под пальцами, упорно отказываясь принимать на себя вес его тела.

Потом к горлу внезапно подкатила тошнота.

Он не понимал, что вдруг случилось с его телом и мозгом. Кто этот человек, черты лица которого ударили по его сознанию, будто стотонный молот, сминая мысли, уродуя образы, превращая реальность в подобие кошмара? Словно все эти годы в его мозгу была заложена некая, до предела взведенная пружина, которая, получив толчок, вдруг начала разжиматься, с невероятной скоростью выталкивая из глубин его памяти смутные, непонятные и оттого еще более страшные подробности какой-то иной, совершенно чуждой его теперешнему сознанию жизни…

Это был шок.

Антон еще пытался как-то сопротивляться раскручивающемуся внутри его стихийному процессу. Он, как утопленник, цеплялся за реальность, пытался что-то крикнуть или хотя бы прохрипеть мольбу о помощи в бесполезный коммуникатор… но он не смог сделать даже такой

малости…

Его сознание треснуло, выпуская из своих глубин цепь страшных, жутко-болезненных и не до конца понятных ему образов…

Перед глазами Антона вдруг закружились звезды… Яркие, немигающие, холодные.

Он чувствовал их враждебность, он задыхался, скованный по рукам и ногам каким-то нежно-зеленым сиянием.

Суспензорное поле…

Круговорот звезд становился похожим на тошнотворную карусель…

Он вспомнил. Вспомнил медленно вращающиеся в вакууме глыбы астероидов и плывущее на фоне черноты еще более темное опахало.

Время внезапно потеряло свой смысл… Он был обречен. Он боялся окружавшей его пустоты…

Сквозь нежное сияние суспензорного поля к нему тянулись суставчатые руки облаченных в скафандры инсектов… Скрежет их нечеловеческих голосов раздирал его мозг…

Вот, оказывается, когда он впервые услышал чужие мысли!..

Антон с физической болезненностью ощущал, как его сегодняшние, вчерашние впечатления наслаиваются на вырванные из подсознания ирреальные образы, страшная правда незаметно перемешивается с не менее жутким вымыслом, словно кто-то невидимый смешивал в его мозгу невозможный коктейль воспоминаний и мыслей…

Мамочка…

Какой-то теплый, смутный образ на фоне растерзанного подсознания… Мама… Мама…

У нее было лицо Даны… Нежность ее рук перекликалась с пьянящей лаской любимой…

Бездна кружилась, баюкая разум, и страшные огоньки звезд кинжальными росчерками просвечивали сквозь ореол суспензорного поля, а переломанные балки выбитых сегментов оранжереи космического корабля торчали, словно сгнившие бревна старого блиндажа…

Антон последним, неимоверным усилием уцепился за этот вполне реальный фрагмент собственной памяти. Блиндаж… Инсекты… Атака…

Я должен вернуться туда!..

И он вернулся…

Цепкие когти Бездны вдруг разжались, отпуская его горло…

Страшные тени парадным строем двинулись назад, одна за другой исчезая в черном омуте подсознательной памяти…

Чей-то знакомый голос еще прорывался оттуда, и руки тормошили

скорчившееся тело.

— Ну, Антон, миленький, очнись… ну же!..

ОН ВСПОМНИЛ!!! ВСПОМНИЛ ЭТО ЛИЦО И ЭТОТ ГОЛОС!..

— Дядя Белгард…

Руки продолжали тормошить его, реальность возвращалась, и вместе с ней на него накатил грохот, ноющий визг уходящих на излет осколков и голос, уже не тихий, а рвущийся на высоких нотах отчаянного крика:

— Ну, вставай же, мать твою, солдат! Очнись! Началось!

* * *

Впоследствии Антон так никогда и не узнал, сколько времени он провалялся в беспамятстве на дне окопа.

И еще он не смог ответить самому себе на вопрос о том, что на самом деле оказалось страшнее: потусторонний мир жутких воспоминаний или та реальность, куда он так страстно хотел вернуться.

Она ворвалась в его сознание с грохотом разрывов, черными шлейфами маслянистого дыма, перекошенным лицом Хлудова и злобным перестуком сыпавшихся на дно окопа горячих стреляных гильз…

Пропоротый снарядом бруствер, дымящиеся ошметья дерна, болтающаяся на одной петле, навылет просаженная осколками дощатая дверь блиндажа…

Антон рывком вскочил на ноги, как на тренировке по рукопашному бою, когда внезапный удар соперника сбивал его на землю.

Впереди горел лес. От широкой полосы огня и дыма вверх по склону, пригибаясь, бежали инсекты.

ЭТО БЫЛИ ТЕ, КТО БРОСИЛ МАЛЬЧИКА И КАЛЕКУ-КАПИТАНА УМИРАТЬ НА ИЗУРОДОВАННЫХ ПАЛУБАХ КОСМИЧЕСКОГО КОРАБЛЯ… ТЕ, КТО ТАЩИЛ ЕГО СКВОЗЬ ДОЖДЛИВЫЕ ПУСТОШИ ПО РУИНАМ ВЕЛИЧЕСТВЕННЫХ ГОРОДОВ…

ТЕ, КОГО ОН НЕНАВИДЕЛ…

Антон выпрямился, не обращая внимания ни на кипящий вокруг бой, ни на сержанта, который, стреляя, что-то орал ему, все еще пытаясь достучаться до оглушенного сознания кадета Велюрова… и автоматическая винтовка с пристегнутой снайперской оптикой сама собой оказалась в его руках.

Антон чувствовал, что он безумен.

Лес горел там, где он видел спящего, изможденного капитана Белгарда… Сорвавшаяся с предохранителя пружина продолжала разжиматься в его мозгу…

Это были секунды какого-то адского откровения, за которые он познал всю черную, неистовую силу необузданной, бесконтрольной, всепоглощающей ненависти… Отец… Мать… Дана… Дядя Белгард…

Этот список можно было продолжить и его собственным именем…

— ТЫ ОХРЕНЕЛ?! — резанул по его ушам отчаянный вопль сержанта, но тело, неподвластное рассудку, уже летело вперед, за осыпавшийся перепаханный осколками бруствер, навстречу черной, ненавистной волне… — Назад, Антон, да твою же мать!!! Тебя контузило, ты спятил?! НАЗАД, КАДЕТ!!!

Вопль Хлудова звучал лишь жалким отзвуком тех адских голосов, что продолжали биться в его мозгу.

Это кричали идущие в атаку инсекты.

Жгучая, безумная ненависть выбросила Антона из траншеи навстречу атакующей цепи инсектов. Его мысли, чувства — все безнадежно запаздывало, не поспевая за движениями тренированных мышц, которыми управлял уже не разум… Видавший виды Хлудов вдруг подавился очередным ругательством, когда Антон, перелетев через голову, вдруг распрямился, одновременно разрядив винтовку длинной веерной очередью, и пошел, не сгибаясь, прямо на остолбеневшую цепь врагов…

Это было страшно… Движения обезумевшего человека, по сути, еще мальчика, были скупы и расчетливы до такой степени, что оцепеневший сержант среди других чувств испытал секундный прилив идиотской гордости, когда отстрелянный магазин еще летел в пожухлую траву, а на его место от точного, машинального удара ладони уже входил новый боекомплект…

Пониманию сержанта было неподвластно то, что происходило в данный момент.

Цепь инсектов, минуту назад нагло и неуклонно приближавшаяся к левому флангу траншей, вдруг в смятении дрогнула и попятилась, словно невидимая, тугая волна ползла впереди Антона…

Хлудов с отвисшей челюстью, в полнейшей прострации наблюдал *следствие*, даже не догадываясь о причине.

Разум инсектов воспринимал мысли Антона именно как тугую, обжигающую волну, которая хлестнула по ним, нанеся урон гораздо больший, чем залповый огонь…

Цепь сминалась, насекомоподобные существа в животном ужасе пятились, не в силах противостоять обрушившемуся на них, идущему из глубин души чувству…

В ответ он слышал их мысли.

Голод. Страх. Ненависть… Безысходность… и еще что-то жадное, дремучее, похожее на неистребимый инстинкт продолжения рода… страстное желание исполнить нечто, не постижимое для разума человека.

Автоматическая винтовка зашлась в его руках, выплевывая огонь и смерть…

Они падали, как снопы, пачкая обугленный дерн своей кровью, потом не выдержали и побежали…

Он не воспринимал время, совершенно отключившись от реальности, сосредоточившись лишь на своих ощущениях, и очнулся только тогда, когда чьи-то сильные руки обхватили его сзади, рывком свалили на землю и поволокли назад, в спасительную расселину траншеи…

Он не сопротивлялся. Ненависть, еще секунду назад такая жгучая и яростная, отступила, словно черная волна, жадно облизнувшая его душу и отхлынувшая назад, оставив после себя лишь клочки воспоминаний, опустошенность и глобальное чувство безысходности…

* * *

— Ну ты даешь, парень!..

Неизвестно, чего было больше в голосе сержанта закономерного гнева, восхищения безумным поступком или простой человеческой жалости.

— На, успокойся, — он вставил в дрожащие губы Антона прикуренную сигарету.

Из глубины знойных небес на позиции взвода падал, раздирая барабанные перепонки, а вместе с ними и душу резкий, бьющий по нервам заунывный вой…

Черные кустистые разрывы, в которых земля в одно мгновение смешивалась с огнем и дымом, выросли по всему склону, едва не накрыв сами траншеи…

— Суки… Из минометов шпарят… Набрали трофеев, теперь изгаляются, твари… — сплюнув, прокомментировал сержант.

— Что со мной было?.. — подняв голову, спросил Антон. — Сколько прошло времени?

Сержант, казалось, не расслышал его слов. Вскинув к глазам электронный бинокль, он припал к брустверу, вглядываясь в укрытое шлейфами дыма пространство.

— Все, кадет, абзац… — внезапно проговорил он. — Их передовой отряд мы шуганули, а теперь держись… атака будет только одна.

Из этого монолога ясно следовало, что времени с того момента, как он

потерял сознание, прошло порядком. Армия инсектов успела подтянуться к подножию гор и теперь перла на перевал.

— Ну вот и все… — сержант сунул бинокль в чехол. — Время умирать… — он поправил сбившийся на бок коммуникатор: — Лейтенант, вижу группу по центру позиции. До двух сотен бойцов. Смотри, сейчас они выползут прямо на тебя!

* * *

Лейтенант Войнич сидел в отдельном окопе, чуть позади основной траншеи, между капониром, отрытым для бронемашины, и позицией сорокамиллиметровой автоматической пушки, которую сняли с разбитого вертолета и, укрепив на самодельной станине, превратили в легкое полевое орудие.

Стрельба на левом фланге утихла, и после доклада Хлудова все внимание лейтенанта переместилось в центр, на уходящую за поворот дорогу.

Позиция взвода была откровенно удачной. Два километра узкой горной дороги просматривались как на ладони. Фланги отряда были прикрыты отвесными скалами и непроходимым лесом, поэтому Войнич не очень переживал за окопавшихся справа и слева кадетов. Главный удар, хотят того инсектовские командиры или нет, придется именно сюда, в самый центр хорошо укрепленной позиции…

Вдалеке от поворота горной дороги вдруг донеслись частые хлопки, и за ними вдруг накатил душераздирающий вой. Еще секунда — и по пологому склону частой россыпью поползли разрывы.

Инсекты учились военному ремеслу с удивительной сообразительностью — двадцать лет назад они использовали в основном легкое стрелковое оружие, а теперь по позиции взвода били минометы.

— Пост—два, где эта чертова батарея?

В коммуникаторе что-то щелкнуло.

— Наблюдаю по вспышкам, квадрат пятнадцать, сразу за высотой пять—девять… — скороговоркой отозвался выдвинутый на вершины скал пост.

«Черт, сейчас хотя бы одну „Кобру“…» — с тоской подумал лейтенант.

Новая волна душераздирающего визга накатила с небес, и разрывы заплясали уже в тылу, за линией траншей, едва не накрыв капонир.

Решение нужно было принимать немедленно. Пристрелочные залпы окончились, и следующий неизбежно накроет позицию взвода.

— Пост—два, обезвредить батарею!

— Понял… исполняю.

Голос корректировщика чуть дрогнул. И он, и лейтенант — оба понимали, что означает этот приказ.

Наблюдательное гнездо было оборудовано на выступе скалы, как раз на равном расстоянии между сосредоточившейся у холма ударной группой инсектов и невидимой отсюда линией траншей.

Небольшой скальный выступ — два на три метра — был открыт всем ветрам. Отвесные стены вокруг исключали возможность быстрого и незаметного отступления.

— Давай, Эрни, мы тебя прикроем, — раздался в коммуникаторе наблюдателя осипший голос Войнича. — Я вывожу бронемашину…

Это были пустые слова.

— Оставь, лейтенант. Делай свое дело. Держи перевал. Будем живы — свидимся…

Седоусый ветеран снял дугу коммуникатора и бережно отложил ее в сторону. Даже невооруженным глазом он видел, как суетятся инсекты возле трех многоствольных станин. Не меняя позы, он нашарил рукой теплый приклад снайперской винтовки, притянул ее к себе и приник к окуляру прицела.

Сухие винтовочные выстрелы, словно щелчки пальца по плотному листу картона, прозвучали над головами двигавшихся по дороге отрядов.

На позиции минометной батареи инсект, уже занесший оперенную мину над черным зрачком нацеленного в небеса короткого ствола, вдруг взмахнул руками, уронив свой смертельный груз, и как подкошенный рухнул на землю, забившись в конвульсиях.

Его агонию прервал оглушительный взрыв, от которого содрогнулись скалы — очередная пуля, выпущенная из снайперской винтовки, ударила в раскрытый ящик с боекомплектом…

Над пыльной дорогой раздался вырвавшийся из сотен хитиновых жвал злобный, разочарованный скрежет. Часть инсектов, подчиняясь неслышимой для человеческого уха команде, бросилась в сторону скального выступа… Звон спущенных арбалетов слился с треском взрывов, и в том месте, где засел человеческий снайпер, в небо полетел огонь и щебень…

Высокий, худой инсект, облаченный в варварское подобие доспехов, выбросил в сторону перевала свою конечность в злобном немом жесте.

Вырвавшись из-за холма, орда наступающих отрядов, словно черная лавина, бегом ринулась на траншеи…

Навстречу движущейся армии ударило оглушительное стаккато автоматической пушки, в ответ сухо и нестройно затрещали трофейные автоматы, и вновь жалобно взвизгнули разряженные арбалеты.

Инсекты падали, скошенные огнем, но живые в безудержном порыве продолжали бежать, и их было слишком много…

Наступал полдень — жаркий, злой и кровавый.

Глава 10. Память

Рассвет в горах начинался пением птиц. Первые лучи налитого багрянцем светила упали на склоны горных хребтов. Кристально-чистый утренний воздух был влажен и свеж, но в нем все еще присутствовал запах гари от бушевавших всю ночь пожаров. По ложбинам тянулись полосы утреннего тумана. Он плыл, как легкий, невесомый саван, пряча под собой страшные последствия вчерашнего боя, словно сама природа пыталась скрыть нанесенные ей раны, завешивая их от постороннего взгляда этими недолговечными, эфемерными одеждами.

Высоко в небе парило несколько крупных птиц. Они лениво скользили в восходящих от земли воздушных потоках, расправив широкие перепончатые крылья, и их большие, налитые кровью глаза были устремлены вниз.

Падальщики терпеливо ждали, пока лучи солнца растопят зыбкий туман. Инстинкт подсказывал им, что сегодня они не останутся голодными.

Туман плыл над перевалом, гонимый легкими дуновениями ветерка, и в его прорехи то и дело попадали участки обожженной, развороченной земли, оплывшие от взрывов, окруженные глубокими оспинами воронок траншеи, вздыбленные взрывом бревна блиндажа, дверь которого, навылет пробитая осколками, поскрипывала на ветру, чудом удерживаясь на одной петле…

Все возвращалось на круги своя.

Пройдет немного времени, и жадные до жизненного пространства молодые побеги растительности затянут позицию погибшего взвода, земля залечит свои раны, и жизнь будет продолжаться…

Этим утром наступления рассвета ждали не только птицы. Был еще один сорт своего рода падальщиков, которые никогда не отказывались попировать на останках чужих жизней.

Этими существами были бродяги-мародеры, словно стая шакалов следовавшие за армией инсектов. Они относились к тому же роду, что и ушедшие вперед на человеческие равнины воины, но вместо того, чтобы с фанатичным упорством совершать исторический поход, они довольствовались малым, словно были тенью, бледным подобием своих сородичей.

Первым на перевал поднялся одинокий инсект, облаченный в какие-то жалкие лохмотья, из-под которых торчали фрагменты бледного,

выцветшего и поцарапанного хитинового панциря. Он опирался на длинную суковатую палку, которой то и дело ковырял попадавшиеся ему в изобилии разбросанные по земле предметы.

Пройдя мимо перевернутой набок бронемашины с изрешеченным снарядами бортом, он остановился, с вялой заинтересованностью разглядывая рифленый обод огромного литого колеса. Существу явно не понравился запах плавленой резины… инсект фыркнул, с шумом выпустив воздух из ороговевших носовых отверстий, и поплелся дальше.

Дойдя до извилистой линии траншей, он замер, озираясь по сторонам. В тусклом взгляде выпуклых фасетчатых глаз не было ни злорадства, ни торжества победителя, ни жалости. Этот представитель расы насекомоподобных существ вел практически полуживотный образ жизни. Все, что еще заботило старого инсекта, — это кусок пищи да, может быть, некоторые полезные и красивые вещи, которые он мог бы впоследствии обменять на еду.

Встающее над горами солнце уже поднялось достаточно высоко, его лучи начинали заметно припекать. Инсект беспокойно огляделся. Скоро тут должны были появиться конкуренты в виде крикливых, жадных птиц и других, похожих на него, оборванцев, которых он обогнал на пыльной, ведущей к хребту дороге.

Немного потоптавшись на месте и, очевидно, приняв какое-то решение, существо спустилось в траншею и пошло по ней, внимательно исследуя торчащие из-под оплывшей земли предметы.

Подобрав пару пустых патронных цинков, разбитый электронный бинокль, саперную лопатку с перерубленной осколком деревянной рукоятью, он заглянул в развороченный взрывом блиндаж и поплелся дальше, пока не уперся в тупик.

Дальше громоздились выветренные скалы, а вниз по склону сбегала свежая, еще курящаяся легким дымом гарь.

Инсект, озадаченный такой скудостью добычи, присел на корточки, внимательно рассматривая пространство квадратной, наполовину засыпанной землей и камнями стрелковой ячейки, один край которой был полностью срыт. На том месте, где раньше возвышался бруствер, сейчас зияла вытянутая воронка неправильной формы. Из-под осыпавшейся земли торчал треснутый пластиковый приклад автоматической винтовки и человеческая нога, обутая в высокий шнурованный ботинок…

Этот ботинок очень понравился инсекту. Он нагнулся, пытаясь сдернуть его с ноги, но тугая шнуровка голенища не позволила так просто овладеть добычей.

Присев на корточки, инсект, кряхтя, устроил шумную, но достаточно бестолковую возню. Конструкция человеческой обуви явно не входила в сферу его познаний, однако насекомоподобное существо после двух минут бесплодных усилий сообразило, что у этого приглянувшегося ему предмета обязательно должна быть пара, в которую обута вторая, скрытая под оползнем нога.

В ход моментально пошла саперная лопатка с обломанной ручкой. Инсект, явно не приученный к долгим физическим усилиям, пыхтел и присвистывал, отгребая комья земли, из-под которых вдруг показалась судорожно сжатая рука, плечо и край кевларового бронежилета.

Оборванный мародер даже крякнул от удовольствия. Такая возможность пополнить свой гардероб была верхом его скудных мечтаний. Охваченный азартом старателя, он глубоко вонзил штык саперной лопатки в рыхлую землю…

…Сквозь черную, звенящую муть беспамятства Антон почувствовал тупой удар в лицо и резкую боль. Затем кто-то настойчиво подергал его за ногу… Необъяснимая тяжесть давила на располосованную спазматической резью грудь. В ушах стоял протяжный звон…

Потом ощущения стали меняться. Антон все еще балансировал на грани между абсолютным мраком и робкими проявлениями действительности, когда его разум, уже в который раз за последнее время, воспринял чужой мысленный образ.

Это было забавно и одновременно страшно — увидеть чужими глазами собственную ногу, торчащую из земли. Антон смотрел на свой шнурованный ботинок и испытывал при этом отчаянное вожделение…

Потом на него вдруг навалилось мерзостное прозрение. Кто-то стоял над ним, страстно желая раздеть полузасыпанное комьями земли тело…

Он дернулся, стараясь сбросить тяжесть с груди, и свет внезапно пробился в его сознание вместе с ощущением рези в засыпанных землей глазах…

…Инсект отпрянул, ошарашенный и испуганный, когда груда осыпавшейся на дно окопа земли внезапно зашевелилась. Он попятился, охваченный недобрыми предчувствиями, глядя, как наружу выпросталась рука, испятнанная запекшейся на пальцах кровью, а потом и голова с безумными, широко раскрытыми глазами.

Человек привстал, стряхивая с себя землю, потом бессильно привалился к стенке окопа, мучительно закашлявшись…

Это был хороший момент, чтобы броситься наутек, но инсекта

погубила жадность.

«Может быть, все-таки умрет?» — с надеждой подумал он, наблюдая за судорожными движениями полумертвого солдата, которого теперь, похоже, выворачивало наизнанку…

Потом бежать уже оказалось некуда.

Двуногое существо внезапно подняло голову, и его мутный взгляд нашарил в узком пространстве окопа расплывчатую фигуру насекомоподобного мародера.

«Вот хрен тебе…» — проникла под хитиновый череп инсекта злая, ожесточенная и совершенно непонятная ему мысль.

…Антон разогнулся и, пошатнувшись, встал, стараясь удержать эту мерзкую тварь в расплывающемся фокусе зрения. Не потому, что его так сильно интересовал оборванный и насмерть перепуганный инсект, а лишь затем, чтобы не погасить в себе капризную искру сознания.

«Шевельнешься — убью…» — как можно отчетливее подумал он, глядя на раскачивающийся перед глазами смутный образ.

В этот момент он не был способен обидеть даже котенка, не то что кого-то убить, но эта злая, ясно переданная мысль буквально пригвоздила инсекта к стенке окопа.

Никто из них — ни Антон, ни инсект — так и не понял, что этот миг был историческим. Впервые на Деметре человек и насекомообразное существо успешно общались друг с другом…

Мир кружило и шатало. Антон едва держался на ногах, все тело казалось переломанным, и в голове по-прежнему стоял протяжный, иссушающий звон, похожий на бесконечный отголосок того взрыва, что милосердно погасил его сознание, когда уже не было ни сил, ни патронов, ни надежды…

Не обращая внимания на вжавшегося в стенку окопа инсекта, он сел на кучу осыпавшейся земли.

Едва оторвавшийся от горизонта багровый шар солнца медленно карабкался в ясные лазурные небеса.

Наступал новый день… Ему было страшно поднять голову и окинуть взглядом позицию взвода.

Пять часов они держали перевал…

Пять часов безумная смерть плясала вокруг в бешеном танце разрывов… Перед последней атакой их оставалось всего трое…

Он вспомнил, как инсекты внезапно прекратили свой бешеный

натиск. Они боялись. Подтянувшиеся на смену минометной батарее катапульты долбили развороченные позиции самодельными бомбами, а они хоронили своих мертвых…

Разве можно было после этого жить?

Антон понимал — его спасло какое-то чудо. Странное и прихотливое стечение обстоятельств. К тому моменту, когда инсекты все же поднялись в последнюю атаку, три изможденных человека уже закончили свой скорбный труд.

Город был извещен по рации, остальные взводы сворачивали позиции на соседних перевалах. Все точки были расставлены, и им оставалось одно — умереть, хотя далекий, искаженный треском помех голос Шевцова что-то настойчиво кричал об отступлении…

Отступить было невозможно. В начале боя — да, но к моменту последней атаки они уже не были людьми. Близкая смерть творила страшные вещи: она в считанные минуты изламывала психику, убивая чувства и рождая иные моральные ценности…

Его лихорадило… Боль в голове становилась все сильнее, предметы опять плыли перед глазами, теряя свою резкость. Хотелось лечь и лежать на куче теплой земли, закрыв глаза и не думая ни о чем…

Антон, сделав мучительное усилие, поднял взгляд на вжавшегося в стенку окопа инсекта. Краткий мнемонический контакт между ними оборвался так же внезапно, как и возник. Антон уже понял, что слышит их мысли лишь в минуты запредельной концентрации… но и без того было ясно — безобидный с виду инсект на самом деле оставался врагом, и не важно, был он стар или молод, одет в лохмотья или в боевые доспехи, — как только человек потеряет сознание, он непременно всадит штык саперной лопатки в беззащитное горло…

Оторвав от земли свое непослушное тело, Антон в страшном, колеблющемся полузабытьи добрел до противоположной стенки узкого осыпавшегося окопа и вялым ударом повалил инсекта на дно траншеи. Тот не сопротивлялся, видимо, совершенно потеряв голову от страха. Навалившись сверху, задыхаясь, он каким-то образом умудрился заломить его суставчатые конечности, связав их своим ремнем. Потом, отползя в сторону, рухнул на кучу земли, из-под которой только что выбрался.

Сознание уплывало, и в голове осталась лишь одна гулкая, навязчивая мысль — это конец…

Когда он вновь открыл глаза, солнце, казалось, поднялось едва-едва, все еще не выкарабкавшись из-за изломанной линии скал.

Опираясь на руки, Антон сел.

Со стороны выгоревшего леса доносились резкие квакающие звуки — это обиженные отсутствием добычи стервятники громко причитали, облепив своими уродливыми телами единственное, чудом уцелевшее среди пожаров дерево…

В этот момент он, наконец, осознал, что жив… Контужен, измучен, обессилен, но жив… Предчувствие Даны обмануло ее. Смерть лишь опалила их своим дыханием, но не сожгла… Хотя все еще только начиналось…

Мысль о Дане принесла частичку покоя в его истерзанную душу. Она уже была в Городе, за прочными серыми стенами…

Антон еще не успел мысленно переварить это новое чувство, как на него внезапно обрушился новый сонм непроизвольных воспоминаний.

Вселенная вновь кружилась перед глазами яркими, злыми россыпями немигающих звезд.

Он не принадлежал этой планете. Деметра не была его домом…

Антон поднял угрюмый взгляд и посмотрел вокруг… А что тогда его дом, его родина, если не этот туманный перевал, траншеи и пепелище на месте того леса, где он случайно увидел вырванное из прошлого лицо? Разве не по этой земле он и Дана шли, сгибаясь под тяжестью экипировки, после их единственной, проведенной вместе ночи? Разве не тут жила его любовь и его ненависть?

Нет, он не отрекался от Деметры, чья земля уже впитала его кровь. Просто он больше не мог ненавидеть.

Это страшное, но такое понятное, праведное и притягательное поначалу чувство, дававшее силы и снимавшее все внутренние запреты, сожгло его, не принеся ничего, оставив лишь горячую пустоту внутри, тяжкое похмелье и ощущение бессмысленности…

Сосущее чувство моральной пустоты было невозможно заглушить… Чтобы встать с прогорклой от пороха земли, ему вдруг оказалось мало просто быть живым…

Тот порыв, который выкинул его из траншеи навстречу атаковавшей цепи врагов, был короткой агонией его детства. На этой планете у человека не было права на юность. Смерть, любовь, ненависть — все приходило внезапно, в едином дне, и тот, кто доживал до заката, становился другим…

Антон еще не сознавал, что мыслит совершенно иными категориями, чем вчера… Вместо того чтобы встать и размозжить прикладом вытащенной из-под осыпи автоматической винтовки хитиновый череп валявшегося подле него связанного инсекта, он сидел и смотрел в небо… Не потому, что у него не было сил на удар, нет, он бы нашел их, просто что-

то не давало ему… Может быть, виной тому был взгляд со стороны на собственные останки и такое смехотворное вожделение заполучить порядком потертый казенный ботинок? Или любовь к Дане, которая, перегорев вместе с ненавистью и страхом, выжила в огне боя?

А может быть, осознание того, что именно Деметра и есть его настоящая, выстраданная родина, и они все, кто еще остался в живых, достойны участи намного лучшей, чем смерть?.. Что он принесет Дане, убив еще десяток инсектов? Их хитиновые черепа? Или право всплакнуть на его могиле, а потом умереть самой в очередном бою?

Это даже не было мыслями, — глупо предположить, что контуженный, едва живой Антон мысленно философствовал на тему вечных человеческих ценностей… нет, — это были чувства, щемящие, горькие, не оформленные в слова…

Он просто сидел, прислушиваясь к гулкому току крови в своих ушах, и смотрел, как солнце медленно карабкается в лазурную высь, постепенно теряя кровь рассветных красок…

* * *

К полудню, несмотря на дикую, подкашивающую ноги усталость, он почувствовал себя немного лучше.

Жизнь действительно возвращалась к нему. Антон постепенно оправлялся от шока и понемногу начинал соображать, что делает.

Заставив себя подняться, он прошел по траншее, заглянул в развороченный взрывом блиндаж, но больше на истерзанной позиции взвода не было ни души.

Напившись теплой, отдающей нагретой пластмассой воды из фляги, он расчехлил отобранный у связанного инсекта электронный бинокль и осмотрел окрестности.

К северу от хребта клубилась пыль. Армия насекомоподобных существ, преодолев перевал, двигалась к Городу.

Антон чувствовал себя подавленным. Какая-то часть его души продолжала ненавидеть и рваться в бой. В странном оцепенении он смотрел вслед удаляющемуся пыльному шлейфу, туда, где за серыми стенами бетонного цоколя Дана оплакивала его смерть, где люди готовились встретить инсектов…

Но это была только часть его мыслей и чувств.

Пережив свой взвод и где-то — самого себя, он не мог не измениться… Ему уже было не отмахнуться от своей памяти, в глубинах которой жили образы двух насекомоподобных существ… Они стояли в

развороченном пространстве оранжереи космического корабля, решая между собой — жить или умереть маленькому, насмерть перепуганному мальчику, заключенному средь вакуума и холода в нежном, спасительном сиянии суспензорного поля…

Возможно, именно это воспоминание не давало ему броситься вслед удаляющимся клубам пыли.

Он обернулся, взглянув на связанного мародера.

Этот инсект никак не подходил под образ освоивших космос существ. Между скорчившимся на дне окопа оборванцем и теми представителями разумной инсектоидной жизни Деметры, которых маленький Антон видел в оранжерее «Терры», лежала такая же пропасть, как между аннигиляционной установкой «Свет» и дремучей катапультой.

Если они летали в космос, были способны извлечь тело ребенка из изобретенного не ими защитного поля и, наконец, запросто перенести хрупкую жизнь через космический холод и вакуум в шлюз, где присутствовал воздух, то почему тогда их сородичи бродят по планете в полудиком состоянии, тупо взирая на руины своих же городов?

Это завладевшее его сознанием воспоминание о мимолетном милосердии и абсолютном равнодушии, а вместе с ним и путаный клубок разрозненных, почти не взаимосвязанных фактов, впечатлений, воспоминаний, страшный опыт собственной смерти, — все это, вместе взятое, тревожило, злило и в то же время заставляло Антона испытывать совершенно незнакомые ему и, казалось бы, неуместные чувства. Кадет Велюров ненавидел скорчившуюся на дне окопа тварь, а маленький мальчик, вырвавшийся из плена теней, смотрел на него с жалостью и чуть ли не с состраданием…

«Смотри, Антон, какой жалкий и смешной ксеноморф!.. Ты помнишь, как мама рассказывала нам, что когда-нибудь люди обязательно встретят…»

Это было похоже на бред.

Антон сел, бессмысленно уставившись на покрытые ссадинами руки. Откуда в нем взялось это второе сознание?

Взглянуть на своего врага глазами маленького ребенка, без пелены ненависти, без надрывной жажды бессмысленных смертей оказалось страшно…

Антону казалось, что он сошел с ума и его разум сейчас разорвет на две половинки… Ему нестерпимо хотелось назад, в ту жестокую, но абсолютно понятную реальность Деметры, что уже прижилась в его сознании… Он не умел жить иными ценностями!..

Охваченный внезапным порывом, он спрыгнул в траншею и, рывком

перевернув связанного инсекта, зло посмотрел в его лишенные век выпуклые глаза…

Его трясло. Одни дорогие его сердцу люди погибли, другим только предстояло стать лишь именем, образом больного сознания…

— Говори, тварь, кто твои боги?! Где они живут?!

Инсект дернулся, извиваясь, но ярость Антона быстро нашла выход, подкрепив заданный вопрос мертвой хваткой пальцев, сжавшихся на хлипкой шее мародера.

Инсект захрипел, издавая отчаянный скрежет.

Испуганный до потери сознания он испустил густую вонь…

Антон брезгливо отшвырнул его в сторону.

Мысленного контакта не получилось. Он едва не задушил своего невольного спасителя. Мгновенная вспышка ярости убила в нем способность общаться на уровне мыслей…

Злой на самого себя, он отошел в сторону, пытаясь унять участившееся дыхание.

Твари…

Его душа ходила по кругу, словно дикая лошадь, впервые загнанная в манеж и крепко привязанная к вбитому в центр колу. Хлесткий удар бича, и вот она уже неслась по порочной кривой, от щемящей любви до необузданной ненависти, но весь ее путь был замкнут сам на себе и заранее предопределен длиной привязи и ритмом хлестких ударов бича…

Отдышавшись, он отошел в сторону, чтобы не видеть скорчившегося инсекта.

Привалившись спиной к посеченной броне перевернутой машины, Антон пошарил по карманам. Там нашлась одна-единственная сломанная сигарета. Прикурив, он заглянул в обгорелое нутро через уродливую дыру, красовавшуюся на месте сорванной взрывом башни.

Что ж… возможно, его путь действительно был предопределен. Что толку с того, что он вспомнил? Разве это принесло какую-то радость? Нет, лишь очередное, щемящее чувство утраты… Разве мог он поручиться, что все его воспоминания не бред, рожденный контузией?

Антон присел на корточки и задумался. Действительно ли он видел сквозь прорехи листвы это до боли знакомое и в то же время — чужое лицо?

В конце концов, его снова начала разбирать злость. Раз он не может понять самого себя, так зачем он торчит тут, на позиции растерзанного взвода, в то время как инсекты неумолимо движутся к Городу? Что он пытается вообразить, когда судьба подарила ему жизнь и взамен от него

требуется лишь одно — принять очевидный ход событий, попытаться вернуться в Город, найти Дану… сделать именно то, что ПОЛАГАЕТСЯ.

Отбросив окурок, он влез в раскаленное нутро бронемашины.

Ему было необходимо что-то делать, занять себя работой хоть на минуту…

Пошевелив рычагами управления, Антон выглянул через разбитый триплекс. Огромные литые колеса, резина которых оказалась лишь слегка оплавлена огнем, послушно двигались. Он осмотрел проводку в поисках повреждений, но внешне все выглядело вполне исправным. Тогда он отыскал глазами кнопку стартера и нажал.

Двигатель заваленной набок машины заскулил, раскручиваемый пусковым устройством, потом несколько раз чихнул и завелся.

Антон поспешно заглушил его.

Работает…

Он вылез наружу и отошел в сторону, пытаясь сообразить, как вернуть покалеченный бронетранспортер в нормальное, вертикальное положение.

Озираясь по сторонам в поисках достаточно длинного и прочного рычага, он зацепился взглядом за туманный горизонт и вздрогнул.

Там, где вчера был лес, теперь простиралась дымящаяся, обугленная гарь, а дальше за ней маячили смутные контуры шпилевидных построек.

Это были руины древнего города инсектов, еще несколько часов назад скрытые зыбкими полосами исчезающего на глазах тумана.

Антон впервые воочию видел их. Он непроизвольно потянулся к поясу и поднял к глазам электронный бинокль. Контуры древних руин рванулись навстречу, а вместе с ними…

…Мерно покачивалась хитиновая спина…

Мерзкий запах лез в ноздри, и от него выворачивало голодный желудок… Ребра пластиковой двери врезались в задеревеневшее тело, а под проволочными путами руки и ноги нестерпимо горели…

— Мамочка… — отчаянно шептали растрескавшиеся, пересохшие губы мальчика, накрепко прикрученного к спине насекомоподобной твари…

Мимо проплывали смутные очертания каких-то разрушенных построек, выполненных из черного и серого материала, похожего на полированный пластик… Здания хоть и пострадали от времени, но все еще хранили на себе печать величественной, вдумчивой и какой-то печальной красоты…

Тут не было острых углов и ломаных линий. Плавные волны

застывшего камня лениво текли к серым осенним небесам, витиеватые спирали шириной в десятки метров медленно закручивались в развязки дорог; кое-где на овалах террас виднелись голые ветви деревьев…

Антон едва не выронил бинокль, когда это воспоминание, отчетливое, ясное, встало перед глазами, наложившись на панораму древних руин…

Это был тот самый город, по которому шесть лет назад его волокли инсекты…

Значит, где-то рядом находится древний форт, куда упал посадочный модуль «Терры»…

ЭТО БЫЛА ЕГО ПАМЯТЬ!..

Развернувшись, Антон бросился назад, в траншею. Он больше не мог выносить этой неопределенности.

Присев подле скрученного ремнем инсекта, он развязал его.

Тот, почувствовав, как упали путы, резко отпрянул.

Антон, машинально наматывая на кулак пропахший отвратительными выделениями ремень, не отрываясь, смотрел на него, стараясь сформулировать ясную, предельно короткую мысль.

«Где живут твои боги?»

Инсект вздрогнул, поджимая суставчатые конечности. Казалось, что он вот-вот впадет в кому.

Антон, снедаемый нетерпением, едва не сорвался вновь.

«Боги, высшие существа, правители…» — мысленно перебирал он все знакомые ему и подходящие по смыслу термины.

Инсект продолжал трястись.

«Хорошо… — Антону вдруг действительно стало жаль его… — Я знаю, чего ты хочешь. Я отпущу тебя. И я… — он вспомнил свое первое ощущение и тот непередаваемый, вожделенный взгляд со стороны на собственную, торчащую из земли ногу. — Я отдам тебе свои ботинки, клянусь!..»

Как ни поразительно, но последняя мысленная фраза возымела действие гораздо большее, чем все побои и угрозы, вместе взятые. Очевидно, страсть обладать вожделенным предметом на какой-то момент пересилила в голове инсекта панический страх перед ожившим человеком.

Антон вдруг почувствовал, как нечто совершенно чуждое его психике вдруг коснулось разума.

Это был знакомый, не оставлявший уже никаких сомнений, тихий, скребущийся звук.

«Говорящий… моя вещь… дырка в земле… старый… очень

старый…»

Огромные, выпуклые глаза инсекта горели лихорадочным огнем. Это не было бредом или галлюцинацией. Они разговаривали!..

«Где?!» — этот вопрос бился в голове Антона помимо его воли.

«Старый город, — пришел немедленный ответ. — Моя вещь?!» — инсект вопросительно вскинул хитиновый череп.

«Потом… — невольно усмехнувшись, остановил его Антон. Немного подумав, он добавил: — Возле дырки в земле!»

Очевидно, он угадал. Инсект кивнул, наконец распрямив трусливо поджатые конечности.

Сделка состоялась.

Часть третья. Возвращение

Где зарыта беда — там сердец не унять,
И не дрогнет рука у последней черты…
Нету сил позабыть, нет причины понять…
И богов больше нет, — а остался лишь ты.

Глава 11. Мертвые боги

В пещере было темно и очень жарко. Антон пробирался почти что на ощупь — ориентирами ему служили слабые блуждающие огоньки.

Его не покидало чувство, что он спускается в преисподнюю. По крайней мере, его воображение выбрало из десятков других слов именно этот термин.

Внутренне он содрогался, слушая, как медленно срываются невидимые капли со сводов укутанных мраком галерей; воздух, душный и спертый, пах чем-то сладким…

Антон шел, касаясь ладонями теплых шероховатых стен.

Впервые в жизни он затруднялся определить собственные чувства — здесь, во тьме, они внезапно стали неясными, как прячущиеся по углам тени. Страх? Удивление? Робость? Любопытство?

Нет…

Он, словно слепец, нашарил рукой очередное закругление стены. Ни одно из этих чувств нельзя было назвать верным. Страх умер в нем еще на перевале, в полузасыпанном окопе… а удивляться и робеть он мог бы неделю назад, но только не сейчас.

Антон повернул, и впереди вдруг забрезжил неясный свет.

В этот момент он, наконец, понял, что за эмоции топчутся на пороге его подсознания…

Это было омерзение… Словно он пробирался в гниющей утробе разлагающегося трупа.

От этой мысли он остановился, проведя ладонью по взмокшему лицу. Так ли он представлял себе эту встречу? Кого он хотел увидеть тут? Высших существ, которые управляют судьбами миров? Тех, чьи призраки явились маленькому мальчику, заключенному в сияющий ореол суспензорного поля?

Чего он хотел попросить у них? Благословения? Ответа на вопросы или готового решения всех проблем?

Омерзение кралось по его телу, пробираясь крупными мурашками от ног, по ягодицам, спине и выше… Это было чувство человека, попавшего в грязное, зловонное логово какой-то мерзкой твари. И биология тут была совершенно ни при чем.

Тоннель, по которому он шел, последние несколько минут все круче и круче забирал вниз.

Ощущать босыми ногами теплый, осклизлый пол было неприятно. Антон уже несколько раз оступился, мысленно кляня свою несвоевременную щедрость, — его ботинки остались наверху у инсекта…

… Их переход до этого места оказался на удивление коротким. Общими усилиями Антону и его неожиданному проводнику удалось перевернуть на колеса опрокинутый взрывом вездеход с сорванной орудийной башней. На нем они добрались до руин Старого города всего за несколько часов.

Здесь, в самом центре древних кварталов, на площади, и располагалось то, что мысленный голос инсекта обозначил как «дырку в земле».

Это действительно была дырка — обыкновенный уродливый провал, темный, сырой и мрачный, но остатки каменного парапета по краям говорили о том, что когда-то, очень давно, тут был облагороженный вход в некие подземные коммуникации.

Проводник Антона не изъявил желания спуститься вниз. Получив свою плату, он остался наверху. Антон еще некоторое время мог видеть на фоне удаляющегося светлого пятна его скорчившийся на краю силуэт.

Инсект боялся этого места, но почему-то не уходил. Быть может, он надеялся дождаться его возвращения?

Этого Антон не знал…

Странные, противоречивые чувства и мысли теснились в его голове… Чем ярче разгорался впереди этот сонный, неживой свет, тем тверже становилось убеждение Антона в том, что он спустился сюда не за истиной — ее он понял сам, пройдя путь от ненависти до горькой, обжигающей любви безо всяких поводырей. Его, как слепого котенка, бросили в омут жизни, и он выплыл. Выплыл и раскрыл глаза.

Стены тоннеля внезапно начали расходиться в стороны. Он приближался к естественному источнику тепла — из трещин в обсидиановой породе то и дело вырывались тонкие струйки пара, конденсат капал, делая каменный пол скользким и блестящим…

Перед ним, освещенная бледным светом, исходящим от вод подземного озера, раскинулась огромная пещера.

Занимавший ее центральную часть естественный водоем был одет в каменную рубашку широкой набережной. На ней, расположенные в строгом порядке, тянулись десятки подиумов, устланные каким-то мягким, не подверженным гниению материалом.

Нога Антона ступила на плиты набережной, и он невольно вздрогнул, услышав характерный хруст. Взглянув себе под ноги, он понял, что

наступил на пустой хитиновый панцирь.

Он задыхался в прелом мареве испарений, тошнотворный запах терзал его обоняние. Пройдя между подиумов, Антон наконец увидел, что конденсирующийся у стен туман скрывал от него.

Сквозь зыбкий сумрак Антон различил очертания каких-то агрегатов, от которых его отделяло всего несколько шагов. Странные, с точки зрения человека, формы, фрагменты которых то и дело возникали между бьющих от пола молочно-белых струй, пробудили в нем унявшуюся было дрожь… Тускло и влажно поблескивал не подверженный коррозии сплав, огромные конечности, окутанные шлейфами пара, походили на многократно увеличенные паучьи лапы…

Антон, пересилив подсознательный страх, шагнул вперед.

Перед ним были машины инсектов. Огромные биомеханические конструкции, навек застывшие у стен и давным-давно потерявшие свой изначальный смысл и предназначение. «Почти совсем как в Городе…» — невольно подумал он, поразившись тому, как схожи между собой признаки деградации, пусть даже речь идет о двух совершенно различных по образу мышления и технологиям расах.

Забыв о времени и цели своего похода, Антон как зачарованный смотрел на эти окаменевшие от веками отлагавшихся на них солей артефакты. В каждой машине, в каждом сочленении биомеханических конструкций угадывалась нечеловеческая мысль. Однако среди насекомоподобных механизмов он видел и нечто, что диссонировало с общим фоном этой безмолвной и неподвижной выставки.

Центром аномальных конструкций являлась исполинских размеров сфера, выполненная из прозрачного материала. Поначалу Антон не понял ее предназначения. Внутри сферы находился какой-то источник света, и он подумал, что это какая-то забавная дань гигантомании, но, подойдя ближе, понял, что был в корне не прав.

Антон родился на борту космического корабля, и пусть Деметра внесла огромную лепту в его воспитание, но потомок технократического общества, с детских лет наблюдавший планеты и звезды, не мог ошибиться. Источником света, заключенным внутри огромной сферы, была звезда.

Он смотрел на модель. Исполинский, прозрачный глобус не менее исполинского мира. Если он не был родиной инсектов, то явно был творением их рук. На внутренней поверхности сферы ясно просматривались очертания рельефа, и Антон догадался, что модель специально была изготовлена прозрачной, потому что как иначе можно

было разглядеть этот мир стороннему наблюдателю?

Сфера Дайсона… — это определение всплыло из глубин подсознания. Когда-то давным-давно, в другой жизни, на борту картографического крейсера «Терра» он учил теорию этих искусственных конструкций, которые можно было выстроить вокруг звезд.

Неужели инсекты в своем прошлом осуществили столь грандиозный инженерный проект? — с некоторой долей растерянности подумал он, не в силах оторвать взгляд от тусклой сферы, внутри которой застыл красный шарик умирающей звезды. Или это всего лишь модель, дерзкий замысел давно почившего инженерного гения?

…За его спиной раздался тихий шорох.

Антон резко обернулся, мгновенно очнувшись от грез.

Звук, похожий на шелест скомканного листа бумаги, исходил со стороны одного из подиумов.

Антон сделал несколько шагов в том направлении, чувствуя, как осклизлые плиты набережной неприятным теплом щекочут босые ноги.

Действительно, куча тряпья на ближайшем возвышении слабо шевелилась. Превозмогая отвращение, он подошел ближе и заглянул внутрь импровизированного ложа.

В коконе из смятой ткани сидел, слегка покачиваясь на высохших от старости ногах, дряхлый инсект. Его большие фасетчатые глаза смотрели на Антона и в то же время — в никуда.

«Зачем ты здесь, существо?»

Антон не испугался, когда услышал в своей голове знакомые скрежещущие звуки, словно бы вырванные из травматической памяти его детства.

Он спокойно взглянул на это дряхлое создание, собираясь с мыслями для ответа.

«МНЕ НУЖЕН ЗЕРГ, — как можно внятнее подумал он. — Я ПРИШЕЛ К НЕМУ».

Инсект некоторое время молчал, покачиваясь на хилых ногах, словно под дуновениями неощутимого ветра.

«Зерг ушел…» — спустя вечность пришел, наконец, его ответ.

«ОН УМЕР?»

Антону показалось, что побуревшие от времени жвала насекомоподобного существа исказила саркастическая усмешка.

«Ты глуп. Мы не умираем. Мысль вечна, как и Вселенная… Зачем ты пришел сюда?»

От повторения этого вопроса мороз продрал по коже Антона.

Он пришел сюда, чтобы судить, и, казалось, дряхлый инсект понял это. Антону почудилось, что хитиновые покровы инсекта трясутся от сдерживаемого неслышного хохота.

Как слепой котенок может судить о бесконечности Вселенной?

Их диалог не был разговором в буквальном смысле этого слова, обмен мыслями походил на неторопливый танец теней.

Он ошибался, применяя к ним человеческие мерки.

Психология инсектов лежала в иной плоскости бытия. Те, кто населял эту пещеру, были выходцами из той самой Сферы Дайсона, модель которой тускло светилась за спиной Антона. Все события, что туманными клочьями откровений проносились в воспаленном мозгу человека, завершились так давно, что ему трудно было осознать лежащую между ними и сегодняшним днем бездну.

Инсект не пытался что-либо скрыть. Скорее, Антон просто не понимал половины того, что несли в себе мысленные образы. Он пришел сюда не за тем, чтобы слушать исторические исповеди, но слушал, краешком сознания понимая, что он — первый и последний, кто слышит это…

Он помнил тех двух инсектоидных существ, что стояли у столба суспензорного поля и спокойно совещались между собой, решая его судьбу. Между ними и теми, кто населял материк, лежала пропасть, возможно, еще более глубокая, чем между ним самим и этим старцем.

«Мы — те, кто думает, — пояснил дряхлый инсект. — Они те, кто отказался от вечности. Скитаться наверху, теряясь в замкнутом круге двадцатилетних циклов, — это их выбор. Мы две оборотные стороны одного целого, которые никогда не видят друг друга…

Это ваша война, человек, и мы, родившиеся мудрыми, не имеем к ней отношения. Ты не сможешь судить нас, а мы не хотим знать тебя. Твоя дорога ведет к смерти, а наша уходит в вечность».

Инсект внезапно замолк. Его взгляд опять стал тусклым и бездумным. Антон собирался уйти, и в этот момент одна мысль, не дававшая ему покоя, непроизвольно вырвалась на поверхность сознания.

Инсект вздрогнул, вновь подняв дрожащую голову.

«Мы не путешествуем в космосе? И у нас нет космических кораблей. Все, что ты видел, — это только сила мысли, фантомы нашего сознания, которые ходят там, куда их пошлет наша воля…»

«Фантомы?! — Антон едва не рассмеялся, зло и сухо. — Фантом не может быть одет в скафандр… Фантомы не могли перенести находящегося в обморочном состоянии мальчика от столба суспензорного поля в

загерметизированный аварийный шлюз, который вел на уцелевшие палубы „Терры“…»

Инсект беспокойно заворочался на своем ложе. Казалось, противоречивые эмоции Антона держат его, как на привязи.

«Мысль может все… — холодно изрек он, окинув напряженную фигуру юноши тусклым взглядом. — Когда твоя цивилизация состарится, как наша, вы тоже научитесь думать, превращать в энергию желания разума. Скажи, в чем ты пытаешься нас обвинить? — впервые за время этой ирреальной беседы в мнемоническом голосе инсекта прорвались гневные нотки. — Я вижу твои мысли так же ясно, как ты — мое старое тело, — отрезал он. — И я больше ничего не скажу тебе, кроме того, что мы не повинны в катастрофе твоего корабля. Энтрифаги, которых ты называешь в своем воображении „черными опахалами“, жили в этой Вселенной за миллиарды лет до того, как твои предки построили первый космический корабль. Космос изначально принадлежит им и еще десятку разновидностей подобных древних организмов, а все остальные — лишь гости на просторах бесконечности. Мои предки сумели постичь это, и Вселенная открылась для нас. Мы смогли построить то, что ты называешь Сферой Дайсона, но, в конце концов, пришли другие древние и стерли этот мир… Вселенная намного шире твоего узколобого восприятия, детеныш… Никто не повинен в гибели твоего корабля, а в остальном — разбирайся сам… Если ты в состоянии что-то понять и изменить, то Вселенная когда-нибудь откроется и твоей расе…»

Инсект повернулся и, выпутавшись из груды тряпья, сгорбившись, пошел в сторону озера.

Антон не знал, почему у него сложилась твердая уверенность в том, что он — последний представитель того народа, который когда-то владел звездами. Он просто знал это. Те, кто жил наверху, были другими, — как молодой побег, чудом пробившийся из гниющей сердцевины старого, поваленного бурей дерева… Теперь они стали во много крат ближе и понятнее ему.

Он сел на скользкие плиты набережной и долго чиркал отсыревшей зажигалкой, пока робкое голубое пламя не задрожало, на миг осветив его бледное лицо. Прикурив, Антон посмотрел вокруг.

И опять мир медленно вращался в его сознании, смещая свои приоритеты и моральные ценности.

Его учили ненавидеть. Если бы он родился на Деметре, то, возможно, все сложилось бы иначе. Струя напалма стерла бы это место, и история вновь и вновь повторяла бы сама себя, уходя по бесконечной спирали

событий в ту бездну, где нет ни правых, ни виноватых сторон.

Он смотрел вокруг и видел не жуткое логово своих извечных врагов, а монумент угасшему народу. Те, кто обитал тут на протяжении сотен лет, все же были жестоки. Они, отдавшись созерцанию вечности, погрязли в равнодушии к своим же отпрыскам, что скитались по поверхности планеты…

Он вдруг с горечью осознал, что спуск сюда не дал ему ничего, кроме новых загадок.

Отбросив окурок, Антон встал и решительно пошел назад

Он хотел жить, а этим местом безраздельно владела смерть…

* * *

Вертолет «Кобра Ф-111» шел по широкой дуге, вспарывая лопастями душный вечерний воздух.

Внизу, освещенные закатным заревом, лежали руины древнего города инсектов.

Андрей Шевцов, пристроившийся около приборов, сразу за креслом пилота, оторвал взгляд от мерцающего зеленого экрана и отрицательно покачал головой.

— Пусто… и здесь пусто, фрайг их всех побери!.. — сквозь рев моторов донеслось до Дугласа, который, сидя в кресле напротив, тоже следил за показаниями мониторов.

Грузовой отсек вертолета был заполнен различными приборами обнаружения, наспех закрепленными в самых, казалось бы, неподходящих для этого местах. Сквозь открытую дверь наружу торчали не пулеметные стволы, а объективы видеокамер и какие-то датчики, укрепленные на длинных штангах. Кроме Шевцова и Дугласа, в отсеке находились еще трое — один оператор и двое десантников, которые, несмотря на шум и болтанку, умудрились задремать, откинув головы на сваленные в хвостовой части тюки.

Дуглас тронул Шевцова за плечо.

— Надо поворачивать! — прокричал он на ухо Андрею, сделав выразительный жест рукой в ту сторону, куда тянулась по пыльной равнине армия инсектов.

— Хорошо! — Андрей и сам начинал понимать всю тщетность их попыток докопаться до какой-то истины за несколько дней до конца. Слишком поздно… Слишком…

Он приподнялся, заглядывая через плечо пилота на приборную панель. Как он и думал, горючего уже оставалось в обрез — только-только

дотянуть до Города.

— Разворачивайся! — прокричал он. — Домой!

Пилот кивнул машинально, одной рукой поправив солнцезащитные очки. Машину здорово трясло. Казалось, в наспех отремонтированном вертолете вибрирует каждый болт, а изношенный двигатель готов разорваться от чрезмерных для такого дряхлого агрегата усилий.

За спиной Шевцова, на мониторе, среди темно-зеленого фона вдруг вспыхнуло и поползло от среза к центру яркое салатовое пятно тепловой аномалии, но, отвлекшись, он не увидел его, продолжая наблюдать, как пилот положил машину в вираж, и внизу панорама руин вдруг резко качнулась и стала стремительно уходить вбок.

Не видел он и маленьких фигурок инсектов, что внезапно появились из-под прикрытия провалившегося вовнутрь себя древнего куполообразного сооружения, расположенного на самом краю руин.

Одна из фигурок вдруг припала к земле, и в темнеющие небеса от того места рванулось пламя выпущенного из ручной установки реактивного снаряда.

В следующий момент вертолет окутался бурым облаком взрыва и, заваливаясь набок, нырнул в резкое и короткое пике.

* * *

Выбравшись из оплывшего от времени провала, Антон в изнеможении добрел до древнего бассейна, наполовину наполненного теплой дождевой водой, и долго плескался, пытаясь ногтями содрать прилипшую к телу вонь подземелья.

Он нашел их. И что теперь?

Что он должен делать дальше?

Надежда, в которую он почему-то вцепился мертвой хваткой обреченного, истаяла, как дым. Он не нашел богов, лишь призрак — странный и непонятный его разуму отголосок древнего величия инсектоидной расы.

Был ли от этого хоть какой-нибудь толк?

Усевшись на теплый, потрескавшийся парапет, Антон хмуро огляделся вокруг. На древний город наползали длинные вечерние тени. Горячечный шар солнца стекал за горизонт.

Этот мир принадлежал ему. Он был его частицей, но через несколько дней всему придет конец… Думать об этом было невыносимо.

Понимал ли он значение увиденного внизу? Наверное — да. Инсекты были очень древней расой, прошедшей свой путь от величия к полной

деградации… Когда-то они владели Галактикой, а теперь медленно угасали тут, на Деметре.

С точки зрения ксенолога, это откровение не имело цены, но Антон, обессиленно глядевший в землю, сидя на растрескавшемся парапете бассейна, был чужд этому восторгу. Он, как и поколения колонистов Деметры, страстно хотел жить. Он думал о Дане, о Городе, о своем будущем и не находил никакого выхода. Упрямое подсознание нашептывало, что ему не по силам разорвать сложившийся за столетия порочный круг войны, для этого не было ни времени, ни средств, ни приемлемых способов.

Антон встал и пошел к вездеходу, который застыл в нескольких метрах от уродливого провала.

В этот момент в темнеющих небесах что-то сверкнуло, и почти сразу ударила тугая волна недалекого взрыва. Антона сбило с ног, но он мигом вскочил, озираясь по сторонам.

На окраине города, в нескольких сотнях метров от него, расцветало жаркое пламя. Потом в той стороне трескуче ударил автоматный огонь.

Антон бросился к вездеходу.

Через минуту, взревев моторами, машина с сорванной орудийной башней рванулась с места и, подскакивая на ухабах, не разбирая дороги, понеслась в ту сторону, где разгоралась яростная перестрелка.

Сзади, за водительским креслом, в полумраке кабины настороженно поблескивали выпуклые фасетчатые глаза инсекта, на шее которого болтались связанные шнурками высокие армейские ботинки, но Антон, поглощенный управлением, не видел его, им в ту секунду владела лишь одна мысль — успеть, во что бы то ни стало успеть, пока не стих этот остервенелый автоматный огонь…

* * *

Вылетев на площадку перед обвалившимся куполообразным зданием, вездеход пошел юзом, вспарывая ребристыми колесами выросший тут за века дерн. Антон, высунув голову через проем сорванной башни, огляделся.

Справа от него полыхал остов вертолета. Рядом в неестественных позах валялось несколько обугленных тел. Выпрыгнув из машины, он рывком преодолел десяток метров.

Дальше его не пустил нестерпимый жар, от которого сворачивалась в трубочки и дымилась трава.

Все было бесполезно. Пламя уже пожрало легкий магниевый сплав

обшивки, и теперь в огне медленно корежились лишь стальные части каркаса. Если там внутри и были люди, то они сгорели дотла…

Антон резко обернулся, прислушиваясь к звукам стрельбы. Она стала менее интенсивной и доносилась уже изнутри обвалившегося купола. Окинув мрачным взглядом широкий, покосившийся вход в здание, он бегом бросился назад.

Вездеход вздрогнул, оглушительно взревев двигателями, и, набирая скорость, рванулся вперед.

С грохотом проломив и расширив древний вход, машина, сияя единственной уцелевшей фарой, ворвалась вовнутрь полуобрушенного купола.

В центре похожего на арену помещения курился, истекая паром, горячий водоем. Такая картина уже была знакома Антону, и он совершенно не удивился, заметив расположенные по кругу подиумы, только тут они были грубо исполнены из различных подручных материалов, а между ними и неподвижно застывшими в странных позах насекомоподобными фигурами что-то отвратительно и влажно поблескивало.

Все это выхватил из тьмы луч единственной фары вездехода.

Пока Антон проламывал стену, перестрелка окончательно стихла, и он, в панике озираясь вокруг, с замиранием сердца подумал, что опоздал, но в этот момент в рассеянный конус света попали три человеческие фигуры.

Люди, шатаясь и поддерживая друг друга, бежали по направлению к его машине, а застывшие, словно изваяния на своих подиумах инсекты даже не шевелились, никак не реагируя на происходящие вокруг события.

Антон, по пояс высунувшись из кабины, отчаянно замахал руками.

— Сюда! Быстрее!

Две фигуры бросились на крик, и в свете фары мелькнули их закопченные, злые лица.

— Помоги! — закричал один из них, приподнимая на скат брони раненого товарища.

Антон протянул руки, подхватив обмякшее тело. Пальцы скользили по окровавленной, порванной одежде, но ему удалось приподнять тело и перевалить его через край пробоины, образовавшейся на месте сорванной орудийной башни.

— Ты что тут делаешь, парень? — второй из беглецов вскарабкался на броню. — Откуда ты взялся?

Антон вскинул голову.

— Какая разница? — с непонятным ему самому ожесточением

огрызнулся он.

— Верно, никакой. Нам повезло… — Человек осторожно приподнял голову раненого товарища. — Есть какая-нибудь чистая тряпка?

— Нет.

— Черт… — Он поднял голову, выглянув наружу. — Дуглас… твою мать! Где ты там?! Уходим!!

В ответ сумрак купола разорвала короткая автоматная очередь. Вспышки выстрелов высветили чуть правее вездехода темную мускулистую фигуру. Человек отступал, прошивая темное пространство короткими, экономными очередями. Его черное, как ночь, лицо было перекошено, а пухлые губы беззвучно шевелились, отпуская во мрак какие-то страшные слова.

Антон сомлел. Это был ОН. Тот самый Черный ангел из его детских травматических воспоминаний…

— Дуглас!..

Человек не реагировал, продолжая пятиться. Казалось, он невменяем. Автомат в его руках продолжал плеваться огнем, кроя темноту росчерками трассирующих пуль.

— Давай за рычаги, парень! Выводи вездеход, я сейчас! — с этими словами Шевцов спрыгнул с брони и метнулся во мрак.

Антон нырнул вниз на водительское кресло.

Вездеход взревел двигателями, натужно попятившись. Под колесами что-то хрустело и чавкало, а мрак впереди продолжали вспарывать выстрелы.

Задние бамперные дуги машины со скрежетом вошли в древнюю кладку, сдвигая камни. Сверху что-то посыпалось, и раненый за спиной Антона протяжно застонал, когда увесистый обломок задел его грудь.

В облаке пыли вездеход медленно выполз из-под оседающего участка стены купола.

На улице было тихо. В ясном небе призывно сияли звезды, а невдалеке догорал подбитый вертолет.

Ночь, опустившаяся на Деметру, была похожа на бред.

Антон с побелевшим лицом застыл в кресле, вцепившись в рычаги управления. Из клубов пыли вынырнули, наконец, две фигуры. Еще секунда, и они вскарабкались на броню.

Дуглас тяжело перевалился вовнутрь машины. Из его плеча торчала тяжелая арбалетная стрела.

— Гони!.. — прохрипел он, привалившись к борту. — Там их чертова уйма, этих ублюдков!..

Словно в подтверждение его слов со стороны купола визгливо ударили арбалеты. Какие-то смутные тени выскакивали из провала и бежали к ним, освещенные неверными отблесками пламени, все еще пожиравшего вертолет.

Вездеход тронулся с места, выворачивая ребристыми колесами комья земли.

Единственная фара светила в ночь, словно глаз механического циклопа.

На душе у Антона было неспокойно. Больше того, манипулируя рычагами, он испытывал подспудный, леденящий душу страх, причина которого скрывалась где-то в непознанных глубинах его души…

Сзади, за его спиной, слышалась какая-то возня, стоны раненого и невнятные ругательства Дугласа. Подпрыгивая на ухабах и надсадно ревя моторами, вездеход углублялся в ночь, предпоследнюю ночь двух цивилизаций Деметры.

* * *

Город инсектов остался позади.

Вездеход, не снижая скорости, летел по разбитой проселочной дороге вдоль кромки леса по направлению к тому самому перевалу, где сутки назад стоял насмерть взвод лейтенанта Войнича.

Звездная, ясная ночь казалась непроглядной, и если бы не тусклый свет треснутой фары, то Антон вряд ли смог бы вести машину в кромешной тьме.

— Нам нужно где-то притормозить! — раздался у него за спиной голос Андрея Шевцова. — Игорю совсем плохо, рана никак не закрывается из-за тряски, слышишь?! Нам нужно остановить кровь!

Антон, все внимание которого было поглощено управлением, что-то промычал в ответ. Он боялся оторвать глаза от узкой щели триплекса, в которой металась в такт скачкам машины узкая и неровная дорога.

Ему казалось, все инсекты Деметры гонятся за ними, и, в принципе, он был не так уж далек от истины. Понимал это и Шевцов. Они не настолько удалились от города и расшевеленного стрельбой непонятного скопления насекомоподобных существ, чтобы глушить мотор прямо посреди дороги.

Андрей высунулся наружу, пытаясь хоть что-то разглядеть. Внезапно справа от него, там, где дорога круто сворачивала, за опушкой леса блеснул бледно-голубой отсвет. Шевцов сморгнул и снова посмотрел в том направлении. Если его не подводила память, то там расположен древний

человеческий форт, стены которого были затянуты какой-то серебристой дрянью. Ее боялись даже инсекты, а у людей не было ни времени, ни средств исследовать подобные гиблые места.

В той стороне, где возвышались стены древнего поселения, вновь что-то заморгало, часто и ритмично. Так могли выглядеть отсветы от работы сварочного аппарата, но трудно было даже предположить, что кто-то забрался в старую, пользующуюся дурной славой цитадель и занимается там монтажными работами. Хотя, чем черт не шутит… Свалился же, на их счастье, откуда-то этот парень на изуродованном вездеходе.

— Сворачивай направо! — решившись, приказал он. — Как только увидишь мерцающий свет, то держи прямо на него, понял?

Антон молча кивнул, и вездеход, подчиняясь воле его рук, перевалился поперек колеи, выскочив на ровную, растрескавшуюся поверхность пересохшего болота, сразу за которым возвышались мрачные стены крепости, тускло серебрящиеся в свете фары приближающейся к ним машины.

Антон не задавался вопросом, как они преодолеют стену и попадут вовнутрь, — в этот момент ему вдруг стало не по себе. Словно приступ дежа-вю, в нем росла уверенность, что сейчас из мрака покажется широкий пролом с обугленным и заплавленным краем развороченной кладки, а дальше… дальше…

Впереди показался широкий пролом. Его обугленные края покрывала робкая поросль серебристой паутины.

Антона бросило в жар. Он больше не мог управлять машиной. Руки стали ватными, он отпустил рычаги управления и судорожно прижал ладони к пылающему лицу…

— Эй, парень, что с тобой?! — раздался чей-то испуганный и озабоченный голос.

Вездеход, потеряв управление, вкатился в широкий пролом, неуклюже подпрыгнув на остекленевшем выступе, потом его занесло, мотор машины несколько раз чихнул, и она встала посреди просторного внутреннего двора.

— Не ходите туда… — выдавил из себя Антон. Его трясло. Страшные воспоминания маленького мальчика, за которым гонится свора инсектов, рвались из глубин его памяти…

Это было то самое место…

— Черт, Андрей, ты только взгляни на это! — внезапно ворвался в его сознание изумленный возглас Дугласа.

Антон неимоверным усилием заставил себя отнять руки от лица и

открыть глаза. Он должен был видеть все, что происходит в этом месте.

В углу вымощенного базальтовыми плитами двора, у зарослей серебристых растений, мерно вспыхивал, роняя на землю водопады рассыпающихся искр, сварочный аппарат.

Наверное, всем находившимся в вездеходе людям пришла в голову одна и та же мысль — нервный смешок Майкла Дугласа и сухой лязг передергиваемого автоматного затвора были тому подтверждением…

Сварка мерцала, заливая внутренний двор крепости мертвенно-голубым светом.

В углу двора стоял, поднятый на самодельные козлы, дряхлый аграрный робот. Его вытянутый, испещренный безобразными пробоинами и испятнанный ржавчиной корпус опирался на деревянные подпорки, вдоль которых безвольно свисали, не доставая до земли, три пары ступоходов. В неверном, мерцающем свете картина выглядела более чем ирреально.

Подле агрария суетились еще три, не менее старые и экзотичные машины. Вернее, суетились два бытовых робота, а третий, похожий на мини-трактор, вкатившись по дощатому пандусу на несколько метров вверх, старательно заваривал пробоину в корпусе древней сельскохозяйственной машины.

Два его собрата, в своем недавнем прошлом предназначенные для мелких бытовых работ, оставались внизу, причем их поведение было столь неадекватно и комично, что Дуглас невольно опустил автомат, не зная, что делать дальше. Глядя, как один из роботов трогательно приподнимает безвольный ступоход мертвой машины, поглаживая его, а другой заглядывает в треснутый объектив единственной видеокамеры, Майкл вдруг почувствовал, как его щеку сводит нервный тик…

Единственным человеком, чье внимание в этот момент оказалось приковано отнюдь не к роботам, был Антон.

Он смотрел в прямо противоположную сторону, туда, где за проломом, в конце оплавленной борозды, застыл расколотый на две половины аварийно-посадочный модуль «Терры».

Круг замкнулся.

Всхлипнув, Антон внезапно приподнялся над бортом бронемашины, сполз по выщербленному скату брони и пошел, словно сомнамбула, не зная, что же ему делать — смеяться, плакать или кричать, — он шел туда, где лежал изуродованный кусок его детства, его настоящей родины, частичка потерянной жизни…

— Эй, куда это он?! — вскрикнул Дуглас, очнувшись от наваждения и машинально спрыгнув вслед за Антоном.

— А ну стой, ты, амбал! — вдруг раздался из темноты чей-то хриплый и грубый окрик.

Майкл крутанулся на месте, вскинув автоматный ствол, но пуля, звонко срикошетившая у его ног, моментально заставила его внять приказу.

— Не дергайся… — мрачно посоветовал тот же голос.

Дуглас застыл, как, впрочем, и все остальные, и лишь Антон продолжал идти.

Глава 12. Откровение

— Илья, подойди сюда! — зычный голос метнулся по темным закоулкам внутреннего двора, эхом отразившись от покатых стен древних промышленных комплексов. — У нас гости…

Где-то во тьме скрипнула дверь.

Сварочный аппарат робота продолжал мерцать, и горячие брызги рассыпались по серым плитам, на мгновения освещая злые и удивленные лица людей.

Из темноты в тусклый конус света, испускаемый фарой заглохшего вездехода, выступила человеческая фигура.

Майкл не шелохнулся. Его мышцы были и так напряжены, словно сжатая до отказа пружина. Он лишь скосил глаза в ту сторону, откуда появился человек, и продолжал стоять, чуть приподняв автоматный ствол.

Шевцов, которого больше озадачил, чем испугал столь недружелюбный прием со стороны людей, спокойно распрямился, вылез из люка и подошел к незнакомцу. В вездеходе остался лишь раненый пилот подбитого вертолета да еще одно существо, о существовании которого свидетельствовало слабое шевеление кучи промасленного тряпья, накиданного у задней стенки машины.

Остановившись в двух шагах от появившегося из тьмы человека, Андрей окинул того взглядом и сдержанно спросил:

— Мы можем рассчитывать на вашу помощь? У нас тяжело раненный.

— Несомненно, — незнакомец с легкостью выдержал его взгляд и внезапно усмехнулся. — Прошу простить моего друга. Он нелюдим по жизни. К тому же это территория инсектов и тут всегда приходится быть начеку.

Шевцов кивнул, протягивая руку.

— Андрей, — представился он, намеренно не назвав ни своей фамилии, ни должности.

— Илья Матвеевич. А это Дейвид Ито, — Белгард кивнул в сторону седого бородатого мужчины, словно тень выступившего из тьмы. — Ранение тяжелое?

— Осколок в бедре и две пули навылет в правое плечо, — ответил Шевцов, поворачиваясь к вездеходу. — Я перевязал, как мог. — Он бросил взгляд на Дугласа и, заметив, что тот все еще стоит в напряженной позе, махнул рукой:

— Майкл, опусти автомат. Давай, нужно вынести Игоря из машины.

Дуглас нехотя подчинился. Он яро ненавидел инсектов, но еще меньше ему нравились люди, которые вместо того, чтобы бороться вместе со всеми за выживание Города, прятались по таким вот древним, заброшенным постройкам в надежде отсидеться и пережить остальную колонию.

Раненого пилота, который сидел, бессильно откинув голову на пустой патронный ящик, осторожно вытащили из машины.

— Сюда! — указал Илья Матвеевич, открывая дверь приземистого одноэтажного здания, откуда во тьму упала косая полоска света.

Раненого внесли в просторную, явно обжитую комнату. Здесь было полно всякого оборудования, у стен аккуратными штабелями возвышались непочатые ящики с каким-то имуществом, в углу, на старом пластиковом столе, тускло сияли три монитора и помаргивала огоньками компьютерная консоль.

От неодобрительного взгляда Дугласа не укрылись и две незастеленные койки, на одну из которых уложили потерявшего сознание Игоря.

Бородатый достал какой-то прибор, напоминающий цилиндр с торчащей из него иглой. Приложив тупой конец цилиндра к осколочной ране, он нажал несколько кнопок, и внутри аппарата что-то защелкало, судорожно заморгал зеленый индикатор, потом он сменился на красный, и тело Игоря конвульсивно дернулось. Наблюдавший за этой процедурой Майкл рванулся было вперед, но Илья Матвеевич остановил его, твердо встав на пути.

— Это комплексный медицинский анализатор. Он производит необходимые инъекции. Единственное, что грозит вашему другу после такой обработки, — это выздоровление, — усмехнувшись, пояснил он; — Не волнуйтесь, с ним все будет в порядке.

Дуглас пожал плечами и демонстративно отвернулся.

Наклонившись к самому уху Андрея, он тихо произнес:

— Не нравится мне все это.

Шевцов устало пожал плечами.

— Нам с тобой везет, — так же тихо ответил он. — Кстати… — он огляделся, — а куда исчез этот парень, что подобрал нас?

— Вот и я про то… Он смылся, как только заглохла машина.

Пока они переговаривались, Дейвид закончил обрабатывать раны.

— Теперь его нужно просто перевязать, — распрямившись, произнес он. — И все будет хорошо.

* * *

Тьма, сомкнувшаяся за спиной Антона, на некоторое время скрыла его. Он слышал выстрел и голоса, но в этот момент не было в его жизни ничего более важного, чем темная, обугленная глыба посадочного модуля, которая, накренясь, застыла в конце глубокой оплавленной борозды.

Подойдя вплотную к покореженной массе металла, он коснулся ладонью выпуклого, покрытого коростой окалины борта.

Обугленный керамлит брони ответил ему тупым, ноющим холодом. Антон вздрогнул. Неужели это все, что осталось ему от прошлого, которое точно так же мертво, как и все остальное на этой проклятой планете?

Еще один бессмысленный артефакт, пополнивший и без того обширную коллекцию Деметры? Или этот исковерканный корабль еще хранит внутри себя частицу его прошлой жизни?

Антон вдруг почувствовал, как подкатывает к его горлу горькая обида. Все, что происходило на Деметре, казалось тяжелым, кошмарным сном. Отчаянно хотелось вздрогнуть, открыть глаза и, облившись холодным потом, с неописуемым облегчением понять, что эта страшная, неправильная реальность, где человеческие судьбы сгорали, как свечки, без следа и смысла, — не больше чем сновидение…

Увы… Отняв ладонь от брони, Антон тяжело вздохнул. Он понимал, ему осталось одно — вернуться назад, чтобы вместе со всеми прожить последний, короткий отрезок собственной судьбы…

Неподалеку от него продолжал мерцать сварочный аппарат. Фара вездехода почти угасла — сел аккумулятор, и теперь ее свет был лишь тусклым желтым пятном.

«Нужно обесточить приборную панель…» — машинально подумал Антон, возвращаясь к машине.

Забравшись вовнутрь вездехода, он перекинул тумблеры в нерабочее положение и уже собирался вылезти наружу, как в неверном, дрожащем свете сварки заметил отблеск двух выпуклых фасетчатых глаз.

Инсект, который все это время прятался под кучей промасленной ветоши, выбрался наружу и теперь выглядывал из машины, тревожно поскрипывая на своем языке.

«Они идут…» — дошел до сознания Антона обрывок чужой мысли.

«Кто — ОНИ?» — машинально переспросил он.

Инсект обернулся, и висевшие на его груди ботинки глухо стукнули друг об друга.

«Воины… Хранители Ритуала… Зачем вы нарушили границу тепла?

Теперь они убьют всех… и меня тоже…»

Антон нахмурился.

«Какая граница тепла? — не понял он. — Что за ритуал?»

«Тепло… — инсект присел на корточки, чуть покачиваясь из стороны в сторону. Антону показалось, что он видит перед собой дряхлого старика, который что-то бормочет себе под нос, чувствуя приближающуюся кончину. — Тепло… Раньше, очень давно, мой народ жил в другом месте… Далеко, за небом… Каждые двадцать солнц наступало тепло… Тогда Несущие Жизнь откладывали яйца… Хранители Ритуала следят, чтобы все было правильно. Они охраняют потомство… — Инсект поднял голову и посмотрел на Антона. — Теперь все по-другому… — внезапно пожаловался он. — Когда мой панцирь был еще крепким, я был Несущим Жизнь… Я помню, как это больно… Яйца переполняли меня, а тепла не было. Я искал тепло, но старые города умерли… Боль была во мне, и я ходил по пыльным дорогам до города на равнине, где живут такие, как ты… Там внутри было тепло — я чувствовал его, яйца распирали меня, но срок проходил, а я не мог попасть вовнутрь… Воины карабкались на стены и умирали… Потом они отчаялись, и я помню, как мои братья валялись в грязи перед запертыми воротами, умоляя пустить вовнутрь нас, Несущих в себе Жизнь, но такие, как ты, не открыли. Они убивали нас.»

Антон слушал этот скрипучий, мысленный голос, буквально окаменев.

«Вы размножаетесь? Каждые двадцать лет?!»

«Так придумали наши предки, в другом мире, далеко отсюда. Старые боги говорят, что они умели сами управлять теплом. Оно приходило каждые двадцать лет, и мой народ был счастлив… Мы не знали, что такое война и боль…»

«Мы — те, кто думает, — внезапно вспомнились Антону слова древнего инсекта, которого он нашел в подземельях. — А они те, кто отказался от вечности. Скитаться наверху, теряясь в замкнутом круге двадцатилетних циклов, — это их выбор. Мы две оборотные стороны одного целого, которые никогда не видят друг друга…»

Он чувствовал, как непроизвольно дрожат его губы. Неужели это и есть ОТКРОВЕНИЕ — такая простая, страшная и жестокая разгадка переломанных судеб Деметры?

«Твои боги… — подумал он, глядя на инсекта, — почему они не дали вам тепло?»

«Боги не смотрят на нас… Они сказали, что мы сами должны выбирать дорогу. Им все равно. Они сидят и думают о прошлом мире. А

потом они умирают. Мы — разные. Им нет дела до нас…»

«Ты так и не смог тогда найти тепло?»

«Нет… Я ушел назад, а по дороге упал в пыль, и мне было больно… Мертвые яйца остались лежать на дороге. А я перестал быть Несущим Жизнь…»

Антон хотел что-то ответить, но в этот момент неподалеку хлопнула дверь и послышались негромкие голоса.

— Он был с нами, — Антон узнал голос Шевцова. — Когда вездеход заглох, этот парень выпрыгнул и побежал в сторону вон той темной глыбы.

— Странно… — ответил ему другой, незнакомый голос. — Кроме меня и Ильи, тут не было никого. Сейчас посмотрю, а ты пока поговори со своим черным другом, пусть не пялится на меня так. Я не сделал ему ничего плохого.

— Хорошо, — Андрей вновь открыл дверь. — Я поговорю с Майклом. Ито, вы уверены, что моя помощь не нужна?

— Уверен. Тут я на своей территории.

Антон посмотрел на инсекта, потом бросил взгляд во тьму, в которой растворился бородатый мужчина. Он узнал его, как, впрочем, и роботов, реставрировавших старый аграрный механизм. Не хватало лишь капитана Белгарда…

«Сиди тут и никуда не уходи…» — внятно подумал он, заглянув в фасетчатые глаза инсекта. Потом вылез из вездехода и решительно пошел к дверям приземистого здания.

Сердце Антона бешено колотилось.

Он совершенно не представлял, что произойдет в следующий момент за этой невзрачной пластиковой дверью. В душе что-то обрывалось и дрожало.

Толкнув дверь, он переступил порог, оказавшись в просторном, ярко освещенном помещении, похожем на склад.

Черный Ангел из его детских воспоминаний, склонившись над компьютерной консолью, что-то разглядывал на одном из трех мониторов. Рядом стоял Шевцов, нервно теребя в руках снаряженный автоматный магазин. Его Антон узнал еще во время бегства от разрушенного купола. Что делал руководитель колонии Деметры вдали от города, оставалось для него загадкой.

Третьим человеком, обернувшимся на звук захлопнувшейся двери, был Илья Матвеевич. Он заметно изменился за эти годы — память Антона хранила в себе образ добродушного, немного полноватого человека с вечно розовым лицом и задумчивым взглядом, а теперь на него смотрел, застыв с

полным шприцом в руке, сухощавый, жилистый и подтянутый старик с впалыми щеками, бронзовой, задубелой кожей и пронзительным взглядом запавших глаз.

Это был миг немого оцепенения.

Шприц с лекарством вдруг выпал из ослабевших пальцев Ильи Матвеевича и звонко хлопнул об пол, разлетевшись мелкими брызгами каленого стекла.

Он открыл рот, но не смог произнести ни звука, лишь его губы некрасиво искривились, отражая отчаянную попытку парализованных от неожиданности мышц вспомнить знакомые движения…

Он узнал его. Деметра вскормила и изменила Антона, превратив плаксивого десятилетнего мальчишку в солдата, глаза которого на молодом лице выдавали несвойственный возрасту жизненный опыт, но это был он — тот самый мальчик, чья смерть до сих пор жгла Белгарда, не давая ему спать ясными, звездными ночами этого проклятого мира…

— А-Антон! — заикаясь от волнения, наконец, выдавил из себя капитан и вдруг, словно слепец, вытянув вперед руки и ничего не видя вокруг сквозь мутную пелену навернувшихся слез, кроме этого возникшего из его кошмаров лица, бросился к нему.

Они встретились посреди комнаты, не зная, что говорить, и моментально забыв все слова… Илья Матвеевич схватил Антона за плечи и прижал к себе, что-то невнятно бормоча, а тот, в свою очередь, растерявшись, не понимал, что ему делать и куда девать свои руки, которые вдруг показались совершенно лишней и неуместной частью тела…

— Антон… Антон… — Белгард плакал, не замечая своих слез и, наверное, не соображая, что делает, — настолько сильным был поразивший его шок.

— Дядя Белгард… Все в порядке… — Он, наконец, нашел применение рукам, осторожно обняв старика за плечи…

— Мальчик мой… Но я был уверен… — Илья Матвеевич вдруг умолк и обернулся, как-то странно взглянув на застывших в немом изумлении от разыгравшейся на их глазах сцены Андрея Шевцова и Майкла Дугласа.

Отпустив плечи Антона, бывший капитан космического корабля сделал шаг по направлению к ним. Его глаза вдруг вспыхнули лихорадочным, болезненным блеском. Кулаки Ильи Матвеевича непроизвольно сжались.

— Будьте вы прокляты!.. — в исступлении прошептал он, явно находясь в состоянии аффекта.

— Дядя Белгард!.. Не надо!.. Они не виноваты! — Антон первым

понял, в чем дело. Он не знал ничего о скитаниях и мытарствах капитана, но мог предположить… Обхватив Илью Матвеевича за плечи, он попытался остановить его, но Белгард вырвался, продемонстрировав поразительную силу своего худого тела.

— Они сказали мне, что ты мертв! Они подделали запись в компьютере центрального госпиталя! Они вышвырнули меня, безногого калеку, на улицу, чтобы я сдох в руинах их поганого Города! Они не люди, Антон!..

В этот момент даже видавшему виды Дугласу вдруг стало не по себе. Озноб продрал по его коже, превратив черный цвет лица в пепельно-серый, когда он, непроизвольно отступив на шаг и одновременно вглядываясь в лицо идущего прямо на него полубезумного старика, вдруг узнал его.

Воспоминание было таким далеким и истертым, что он не сразу поверил в его реальность… Но нет… Это было. Было… Может, пять, а может, и десять лет назад, когда они с Андреем еще служили в истребительном батальоне, отслеживая с вертолета банды инсектов.

Точно! Он вспомнил!.. Лоб Майкла вдруг покрылся крупными бисеринками пота. То была банда Однорукого, и накрыли они ее неподалеку отсюда, на окраине города. В памяти Майкла внезапно всплыли все подробности того скоротечного жестокого боя…

Но в чем их пытается обвинить этот безумный старик? В том, что они вырвали его и десятилетнего мальчишку из лап инсектов?!

— Послушай, отец… — хрипло проговорил Майкл. — Ты что-то путаешь. Ни я, ни Андрей не сделали тебе ничего дурного.

Илья Матвеевич остановился. В этот момент он действительно выглядел стариком. От внезапного бессилия он присел на ящик и закрыл руками лицо.

— Никто ни в чем не виноват… — вдруг раздался его глухой голос. — Никто не поверил мне, когда я пытался достучаться до мозгов тех, кто заправляет в госпитале, никто не шелохнулся на протяжении сотен лет, которые длится эта безумная война!.. — Он отнял руки от лица и обвел окружающих мутным взглядом. — Вы забыли свое прошлое, забыли, кто вы есть и откуда! Целая планета не помнящих свой род ожесточенных индивидуумов, которые с наслаждением идут к своему закономерному концу… — Взгляд Белгарда остановился на Антоне. — А дети? — с горечью спросил он. — Вы растите из них солдат, чтобы поддерживать это вековое безумие! Ради чего?! Скажите мне, РАДИ ЧЕГО?!

— Мы воюем против беспощадных врагов, отец!.. — с вызовом ответил Майкл. — Против тех, кто вынуждает нас воспитывать детей в

военных школах!

Андрей Шевцов, который до сих пор молчал, лишь вздрагивая при каждом слове Белгарда, поднял голову.

— Это геноцид, Илья Матвеевич, — глухо произнес он. — Война на полное уничтожение. Если бы поколения наших предков не погибали на этой войне, то сейчас бы орды инсектов испражнялись на руинах нашего Города, а от людей остались бы лишь мертвые стены да истлевающие кости…

— Вы слишком недалеки в своей гордыне, офицер! — зло отрубил капитан, порывисто встав с ящика. — Люди изначально не могли истребить инсектов!

— Но нам это удалось! Их осталась жалкая горстка!

— Да, их всего лишь горстка… Но истребили их не люди! — С этими словами он подошел к компьютерному терминалу и нажал несколько клавиш. — Я не зря сказал про недальновидность и гордыню… — обернувшись, произнес он.

— Вот цифры, которые всегда были доступны с каждого подобного терминала вашего хваленого героического Города. Полюбуйтесь, это просто статистика численности инсектоидного населения Деметры, разбитая по десятилетиям. Тут данные за последние несколько веков!

Майкл и Андрей подошли к терминалу. Колонки цифр, конечно, несли в себе информацию, но сейчас для них это были лишь символы на экране. Естественно, они уменьшались с каждым десятком лет…

Андрей вздрогнул. Он понял, о чем говорит Илья Матвеевич. Разность между каждыми двумя соседними цифрами была столь велика, что не укладывалась в рамки каких-то военных потерь. Оказывается, еще несколько сот лет назад численность инсектов составляла почти миллиард особей.

— Это невозможно!.. — нервно прокомментировал он, обернувшись. — Откуда взялись эти цифры?

— Ваши далекие предки, офицер, пытались изучать инсектов… — устало пояснил Илья Матвеевич. — Они отслеживали пути их миграций и устанавливали там автономную аппаратуру скрытого наблюдения. Многие из таких точек функционируют по сей день. Веками информация от них стекалась в центральный процессор городской компьютерной Сети, про которую вы тоже успешно позабыли, не задаваясь лишними вопросами по поводу того, откуда в Городе берутся свет и тепло. А ведь стоило взглянуть на эти цифры, как возник бы закономерный вопрос: в состоянии ли боевые действия людей снижать численность инсектов такими астрономическими

скачками?

— Черт побери, да не темни же! — не выдержал Майкл. — Если не мы, то тогда кто?!

— Не знаю… Я пять лет лазил по руинам их городов, собирая и расшифровывая различные, сохранившиеся от их цивилизации записи, но так и не выяснил причину их прогрессивного вымирания, — признался Илья Матвеевич…

— Я знаю! — внезапно произнес Антон.

Эти слова прозвучали средь наступившей тягостной тишины, как гром.

С улицы им внезапно ответили другие, раскатистые и трескучие звуки, — то был шквальный автоматный огонь, и тотчас распахнулась входная дверь, впустив вовнутрь Дейвида Ито.

— Инсекты! — закричал он, бросаясь к оружейной пирамиде. Схватив автомат, он нажал несколько кнопок, и в стенах древнего цеха с жужжанием открылись узкие бойницы. — Илья, нужно вызволять наших ребят, они там сейчас покрошат их в капусту!

О каких ребятах шла речь, никто, кроме Ильи Матвеевича, так и не понял, но заветное слово «инсекты» заставило Майкла и Андрея схватить оружие и бежать к открывшимся в стенах амбразурам.

И лишь Антон остался безучастным.

Несколько секунд он стоял, будто парализованный раскатистым крещендо автоматного огня, а потом внезапно толкнул дверь и вышел наружу в располосованную яркими росчерками трассеров ночь, навстречу злым отрывистым вспышкам, потому что внезапно с убийственной ясностью понял, что если он сейчас не сделает этого, то маховик истории Деметры скрипнет и совершит свой последний оборот…

Судьба долго водила его по замкнутому кругу предопределенности, и теперь он собирался сделать один-единственный шаг, чтобы порвать этот круг и заставить судьбу идти вслед за собой…

Глава 13. Ночь конца света

Шагнув в освещенную вспышками выстрелов тьму, Антон испытал мгновенный, головокружительный приступ страха. Одна шальная, срикошетившая от стены пуля могла с легкостью оборвать его жизнь.

Впереди темной прямоугольной массой чернел вездеход. Сварка в углу двора больше не мерцала, — странная троица роботов была достаточно сообразительна.

Инсекты наступали со стороны пересохшего болота. Двигаясь по широкой колее, проделанной посадочным модулем, они уже вошли в разлом стены и теперь, посылая во тьму беспорядочные автоматные очереди, растягивались по внутреннему двору крепости широкой цепью…

Они не видели Антона. Автоматная стрельба носила скорее упреждающий характер, — инсекты палили наугад, и в неверном свете этого пульсирующего огня он замечал, что их вторжение в границы периметра стен не обошлось без потерь — несколько насекомоподобных существ отчаянно корчились в проломе, опутанные с ног до головы тонкими, влажно поблескивающими серебристыми нитями.

Собравшись с духом, Антон судорожно сглотнул и вышел из-под прикрытия вездехода.

Это оказалось совсем не просто — шагнуть прямо на автоматные стволы. Панический страх, сжимавший внутренности тошнотворными спазмами, имел природу более древнюю, чем разум. Его тело отчаянно сопротивлялось безумным желаниям мозга.

Его заметили. Беспорядочный огонь на мгновение смолк, но он десятым чувством ощущал, как во тьме автоматные стволы повернулись в его сторону и…

«ОСТАНОВИТЕСЬ!!!» — это слово, в котором сконцентрировалась в данный момент вся его воля, все желание жить и весь подсознательный страх, оказалось более чем просьбой, мольбой или приказом. Антон едва не потерял сознание, сам ощутив, как тугая мнемоническая волна пошла от него, расходясь во все стороны, словно он являлся эпицентром небывалого беззвучного взрыва…

Даже люди ощутили его отголосок. Они, не сговариваясь, отпрянули от бойниц, роняя оружие и хватаясь за головы, в то время как инсекты, более восприимчивые к телепатическим волнам, вдруг окаменели, парализованные силой и глубиной мысленного крика. Даже те, кто бился в

предсмертных судорогах, пытаясь вырваться из тонких липких серебряных сетей, и те обмякли…

Антон совершенно не понимал, откуда в нем взялась эта феноменальная способность к телепатии. Возможно, она была стимулирована волей тех фантомов, что явились ему на развороченной палубе космического корабля? Скорее всего именно так. Мысленная энергия двух древних существ вступила в резонанс с малоизученным суспензорным полем, воздействовав на психику заключенного внутри изумрудного сияния ребенка. Иначе как объяснить тот факт, что он с первых минут ясно понимал их мысленную речь?..

Отвлекшись на эту мысль, Антон вдруг понял, что потерял контроль над ситуацией. Тени впереди подозрительно зашевелились, сзади тихо скрипнула на петлях приоткрывшаяся дверь…

Майкл Дуглас, такой же черный, как ночь, бесшумно выскользнул из дверей. К сожалению, Антон не мог слышать тех мыслей, что копошились в данный момент в голове Черного ангела. Он был занят тем, что держал цепь инсектов, одновременно пытаясь сформулировать доступную для их понимания мысль. Он хотел оборвать эту войну раз и навсегда.

Дуглас бесшумно скользнул в темноту. Его руки были пусты, в зубах он сжимал широкий десантный нож, а в голове билась одна-единственная мысль: «Держи их, парень, держи… Сейчас я вам покажу, кто тут хозяин, ублюдки яйцеголовые…».

Антон стоял, не шелохнувшись. Пот градом катился по его лицу, выдавая то нечеловеческое внутреннее напряжение, что пожирало его силы…

«МЫ БОЛЬШЕ НЕ ВРАГИ!.. — кричало его сознание. — Я ПРОШУ — УЙДИТЕ. ДАЙТЕ НАМ ОДИН ЧАС, И ВСЕ ИНСЕКТЫ ПОЛУЧАТ ТО, ЧТО ИЩУТ! Я КЛЯНУСЬ!!!»

Он боялся лишь одного — оказаться непонятым. В кромешной тьме он не мог видеть реакции своих врагов, что застыли, опустив к земле автоматные стволы. Он не слышал их голосов, не воспринимал ни ответа, ни знака — вокруг расплескалась такая пустота, что он испугался…

Потом из кромешной тьмы, словно призрак, вынырнула громадная черная фигура… Это был Дуглас — совершенно обескураженный и разъяренный. Зажатый в его руке нож так и не обагрился кровью врага.

— Эй! Ты зачем позволил им уйти?! — Его возмущение было абсолютно искренним. — Какого хрена, парень, ты ведь держал их!..

ОНИ ПОНЯЛИ! Эта мысль затухающим эхом метнулась средь пустоты, и сознание поплыло…

Сзади еще раз хлопнула дверь, кто-то бежал к нему, чьи-то руки тянулись, чтобы подхватить обмякшее тело, но Антон уже ничего не чувствовал — он был в шоке… Его мозг отдал все, что только мог, вложив это ВСЕ в несколько емких фраз…

* * *

— Может быть, кто-нибудь объяснит мне, что тут все-таки происходит?!

Андрей Шевцов стоял посреди помещения, переводя взгляд с бледного как смерть Антона на угрюмое лицо Дейвида, который машинально поглаживал по сферической голове прильнувшего к нему насмерть перепуганного бытового робота…

— Дайте ему прийти в себя! — резко ответил Илья Матвеевич.

Антон благодарно кивнул и прикрыл глаза. Всего несколько минут… Он не мог не то что говорить — даже думать удавалось с большим трудом. Словно кто-то высосал из него всю энергию, оставив лишь безвольную телесную оболочку.

Слова прорывались в его сознание, он слышал их, но понимал с трудом…

— Тогда я хочу знать, кто вы такие? Откуда вы взялись? — не унимался знакомый голос.

Темнота навалилась на него, обволакивая сознание тяжким, удушливым саваном…

— …потерпел крушение в границе высоких орбит вашей планеты… — прорвался сквозь черноту голос Ильи Матвеевича. — Мы с Антоном покинули обломки на аварийном посадочном модуле… Лежит во дворе…

— …не понимаю, что он хотел сказать…

— …Сеть… вы бросили ее, предоставив саму себе…

— …бред какой-то…

— …да, она мыслит…

— …вот, приволок еще одного ублюдка… прятался в вездеходе, тварь…

— …не тронь его, Майкл!.. — это был голос Шевцова. — Я сказал — не тронь!..

Он открыл глаза.

Дуглас со свирепым видом стоял посреди полутемной комнаты. Его выпученные глаза яростно сверкали. В руке был зажат нож.

В двух шагах от него за спиной Андрея Шевцова скорчился инсект. На его груди болтались связанные шнурками армейские ботинки…

Дейвид Ито наблюдал эту сцену со странной усмешкой. Трое расположившихся подле него роботов образовывали внушительную баррикаду между ним и остальными.

Антон смотрел на это разношерстное собрание противоположностей. Все они имели свою судьбу. Каждый по-своему хотел жить, имел сокровенные желания и мечты. Даже роботы… Даже тяжело раненный пилот…

Это был тугой узел из цивилизаций и судеб… Каждый из них обладал одной частицей большой головоломки, от решения которой зависело будущее Деметры. И только он, Антон, знал, как его собрать…

— Оставь его в покое, Майкл! — слабым голосом проговорил он, с усилием приподняв голову, которую бережно держал на коленях Илья Матвеевич. — Он мой друг!

Дугласа передернуло. Он, как волк, повернулся всем корпусом, чтобы взглянуть на очнувшегося Антона.

— С каких это пор человек называет своим другом яйцеголового выродка?! — задыхаясь от ярости, спросил он.

— С тех пор, как я научился говорить на их языке… — устало ответил Антон. Он ощущал внутри себя такую пустоту, что все прошлые передряги казались мелкими неудобствами перед этим ощущением полнейшей изношенности организма. Он прекрасно осознавал, что вольно или невольно, но отдал часть себя самого в обмен на краткую отсрочку, которая, судя по реакции Майкла, вполне могла оказаться лишь паузой перед последним боем…

Сделав над собой усилие, он отогнал дурноту и встал, слегка покачнувшись, на нетвердых ногах.

— Сначала выслушайте меня, а потом уж будем яриться и ненавидеть… — проговорил он и, почувствовав, что ноги не желают повиноваться, сел, неестественно выпрямив спину.

Илья Матвеевич подал Ито едва заметный знак, и тот передвинулся ближе. Его роботы, как собаки, последовали за хозяином.

Майкл Дуглас опустил нож и усмехнулся, показав белоснежные зубы. Он любил во всех вопросах иметь предельную ясность, а теперь то противостояние, что едва наметилось в напряженной беседе, стало очевидным. С одной стороны были Белгард, Антон и этот бородатый хозяин роботов. С другой — он, Андрей и вжавшийся в стену инсект.

Антона эти вопросы ничуть не волнуют. Никто из присутствующих не

подозревал, какая отчаянная борьба идет внутри похожего на изваяние подростка. Слишком высокую планку он поднял для самого себя. Он боялся оказаться непонятым, но не мог подобрать нужных и убедительных слов. Все, о чем он собирался говорить, выходило за рамки привычного мировосприятия людей, которых взрастила эта бесконечная война.

Но секунды утекали, и он больше не мог молчать…

— Я сказал, что знаю, отчего вымирают инсекты… — подняв голову, проговорил он. — Когда-то они были могучей цивилизацией и жили внутри огромного искусственного мира, построенного вокруг звезды. Там был совершенно другой климат, другой цикл смен времен года, все было иначе, чем тут, на Деметре. Потом их мир был разрушен какими-то древними космическими существами, вероятно, родственными тем черным опахалам, что разбили наш корабль… — Он сглотнул. — Как я понял, существует какой-то предопределенный их метаболизмом двадцатилетний цикл, связанный с размножением. Они откладывают яйца, но те могут успешно развиться только при высокой температуре и влажности, я думаю, что-то около пятидесяти градусов по шкале Цельсия… любые колебания температуры губительны для их потомства.

При этих словах у Ильи Матвеевича вырвалось невольное, изумленное восклицание.

— Откуда ты знаешь? — выразил общее настроение Майкл. Он меньше других был склонен принимать на веру все, что связано с инсектами.

— Мне рассказал он, — Антон кивнул в сторону своего недавнего проводника. — Я был внизу, под городом, в какой-то пещере, где полно окаменевших машин. Там я видел действующую модель Сферы Дайсона и говорил с очень старым инсектом. Он упомянул этот пресловутый двадцатилетний цикл.

— По-моему, ты просто рехнулся, парень… — буркнул Майкл. — Не понимаю, зачем ты пытаешься водить нас за нос…

Илья Матвеевич вдруг порывисто встал.

— Дуглас, вы не способны видеть ничего дальше автоматного прицела! — вспылил он. — Я пять лет скитался по их городам в поисках ответа! Все, что говорит Антон, слишком похоже на правду, слишком! Я видел десятки куполов, в которых, несомненно, когда-то поддерживался искусственный микроклимат с высокой температурой. Теперь я понимаю — это были их инкубаторы! Оторванные от родного мира, они пытались воспроизвести необходимые условия для развития потомства хотя бы на ограниченных площадях! Они жили и процветали, пока были

живы их города! Разве люди, колонизируя чуждые миры, не поступают точно так же?!

— Я не знаю, как поступают люди в других мирах! Вы скажите мне, при чем тут наша война? Какого хрена эти ублюдки убивают людей и пытаются разорить наш Город?! Не надо пудрить нам мозги своими фантазиями на темы прошлого!

Шевцов, застывший рядом с Дугласом, не принимал участия в этой перепалке. Он лишь мрачнел на глазах, погружаясь в пучину каких-то ведомых лишь ему мыслей.

— Майкл, у тебя есть дети? — внезапно спросил Антон.

— Нет, — лаконично отрезал Дуглас.

— А представить можешь? Такое маленькое, сморщенное, орущее существо, похожее на тебя. Совершенно беспомощный кусочек твоей плоти…

— Ну и что? — нахмурился Майкл.

— Да ничего, — Антона тоже начала разбирать злость. Действительно он был таким непримиримым или просто держал форму? Есть ли предел человеческому упрямству? — Теперь представь, что ты на другой планете. Все вокруг сковано льдом. Твой ребенок замерзает… Но рядом есть теплый и благоустроенный Город, в котором живет иная, совершенно чуждая и не понятная тебе раса. Ты не знаешь их языка, вы различаетесь настолько, что вызываете друг у друга лишь отвращение…

Майкл Дуглас хмуро посмотрел на Антона.

— Я понимаю, к чему ты клонишь, парень… — произнес он. — Да, я пойду туда… — было видно, как нелегко дались ему эти слова.

— Но ворота закроют перед твоим носом. Только потому, что тебя боятся, твоего языка не понимают, а твоя внешность им противна. И твой ребенок умрет у тебя на руках…

— Да дерьмо это все! — не выдержав, взревел Дуглас.

— Да нет, Майкл… — покачал головой Антон. — Я тоже почему-то почувствовал себя последней сволочью, когда он, — Антон опять указал на инсекта, который, безучастный к их спору, скорчился у стены, — рассказывал мне, как корчился в пыли в родовых муках и оставил на обочине свое потомство… лишь потому, что не смог докричаться до сознания людей…

Илья Матвеевич смотрел на Антона полубезумным взглядом. Крупицы его собственных знаний воссоединялись с тем, что рассказывал Антон, рисуя истинную, страшную, варварскую картину тысячелетнего геноцида…

— Город… — хрипло выдавил он, задыхаясь от волнения. — Их поселения погибли, инкубаторы остыли, машины превратились в пыль, и лишь в недрах Города людей продолжает работать термоядерный реактор! Единственный шанс для тех, кто в период цикла размножения воспринимает самую теплую климатическую зону Деметры как ледяную пустыню. Им действительно было необходимо найти НАСТОЯЩЕЕ ТЕПЛО!

Андрей Шевцов поднял глаза и глухо спросил:

— Антон, тот купол, что мы разорили, был их инкубатором?

— Да… Вероятнее всего. Они не вымерли лишь за счет таких вот крохотных пятачков естественного планетарного тепла, где бьют горячие источники.

— Но почему? Почему погибли их города? — вступил в разговор молчавший до сих пор Дейвид. — Если они потомки суперцивилизации, где их технологии?

— В их обществе произошел социальный раскол, — ответил ему Антон. — Я думаю, это некий аналог наших религиозно-философских течений. Часть инсектов добровольно отказалась от продолжения рода, считая, что их цивилизация изжила себя и теперь их удел — медленный и величественный закат… Они удалились в специально созданные подземные купола-пещеры, где посвятили себя самосозерцанию и внутреннему совершенствованию. Но не все инсекты желали стать добровольными отшельниками. Часть из них осталась наверху. Те, кто ушел вниз, считали их отщепенцами, цепляющимися за жизнь…

— Те, кто ушел вниз, были учеными, да?

— Вероятно. Если кто-то и остался наверху, то они уже не смогли поддерживать все механизмы в надлежащем состоянии. Начался неизбежный упадок…

— Совсем как в Городе!.. — растерянно произнес Илья Матвеевич.

— Постойте! — Шевцов произнес это слово достаточно громко и резко, чтобы все посмотрели на него. — У нас нет времени на препирательства и гипотезы… — Андрей взглянул на часы. — К рассвету армия будет у стен Города…

— Ты что, Андрей?! — Не выдержав, Майкл схватил его за грудь, рванув на себя за отворот униформы. — Рехнулся?! Хочешь пустить этих уродов в Город?! В НАШ ГОРОД?!

— Остынь!.. — спокойно отстранил его Андрей. Шок прошел, и он вновь был руководителем колонии. — Бред все это или правда, но у нас нет альтернативы, согласись, Майкл? Нас осталось ровно столько, чтобы

достойно умереть на стенах, и они войдут туда по трупам наших детей! Лично я готов использовать любой шанс, чтобы этого не случилось… Тем более что теперь у нас есть посредник, — он поднял взгляд на Антона.

Тот молча кивнул.

Оставшийся в меньшинстве, Дуглас врезал кулаком по стене и двинулся к выходу.

— Да они все равно перебьют нас!.. — мрачно предостерег он.

— Не уходи… — Казалось, Шевцов не слышал той озлобленности, что прозвучала в словах Дугласа. — Сейчас ты мне нужнее, чем когда бы то ни было! Слышишь?! Хватит валять дурака, иди сюда!

Дуглас нехотя подчинился. Он еще не забыл, что такое субординация и спаянная кровью дружба.

— Ну? — спросил он, остановившись рядом с Андреем.

Шевцов не ответил, жестом привлекая внимание остальных.

— Антон, как ты думаешь, возможно установить связь с теми, кто приближается к стенам Города?

— Отсюда я не смогу ничего сделать, — покачал головой Антон. — Я даже не знаю, на каком расстоянии действует мнемоническая связь. В тех редких случаях, когда мне удавалось слышать инсектов, я находился очень близко от них, и обстоятельства, как правило, складывались экстремальные…

— Понятно… Ты можешь спросить у своего друга, что именно они хотят получить в Городе?

— Им нужно тепло, — не задумываясь, ответил Антон. — Они чувствуют его. Возможно, в периоды размножения у них обостряется термальное восприятие. Точнее сказать не могу… То ощущение, что я испытал в подземной пещере, похоже на горячий пар из супа… Думаю, это именно то, что нужно инсектам. Если мы найдем такое место, то я смогу объяснить им это…

— Хорошо… — Шевцов вновь повернулся к Дугласу. — Майкл, ты знаешь такое место? Ведь ты изучал схемы уровней цокольного этажа. Помнишь нашу идею насчет законсервированных складов в нижних горизонтах?

Дуглас угрюмо кивнул. Он действительно изучал древние планы и даже предпринял несколько попыток спуститься вниз, на заброшенные еще в древности уровни. Ни от кого не укрылось, как по его лицу пробежала тень и плечи гиганта непроизвольно передернуло, словно его посетили мрачные, отвратительные воспоминания.

— Есть одно местечко… — согласился он. — Это почти у основания

цоколя, там, где пол уже представляет собой базальт. Те бетонные пандусы, что ведут в современный жилой уровень, были построены много позже, а ниже действительно имеются древние грузовые терминалы, которыми никто не пользовался с самого сотворения мира. Огромные ржавые ворота расположены в южном фронтоне, и за ними настоящий тепленький ад… — криво ухмыльнулся он.

— Там по стенам идут трубы, от которых пышет жаром. Они настолько громадные, что я мог бы пройти внутри такой трубы, не сгибаясь… Но повторяю, там — сущий ад.

Он вспомнил, как среди облаков удушливого пара с невысоких сводов срывался горячий дождь конденсата, трубы сверкали в лучах фонарей своей гофрированной, неподвластной времени и коррозии поверхностью. По стенам, словно личное творчество безумного господа бога, тянулись ажурные серебристые занавеси из тончайших нитей, которые едва не сожрали их отряд… Во мраке гнездились какие-то жуткие, мутировавшие твари, а под ногами пробегали крысы величиной с цепного пса.

— Скорее всего — это теплообменники термоядерного реактора, — вставил свое веское слово Дейвид. Он хитро посмотрел на озабоченные, угрюмые лица и внезапно заявил: — Я знаю это место намного лучше, чем Майкл. Там для инсектов — сущий рай на земле. Вот только я бы хотел услышать, что по этому поводу думает Мать?.. Не сомневаюсь, что у нее тоже есть свой интерес во всем этом бардаке, — заключил он.

Лицо Андрея помрачнело.

— О чем идет речь? — сухо спросил он. — Кто такая Мать?

— Так Дейвид и его питомцы называют компьютерную Сеть Города, — объяснил Илья Матвеевич. — Я уже говорил вам, ее придется рассматривать как третью разумную силу Деметры… В этом нет никаких сомнений, как и в том, что именно она, а не люди, управляет Городом на протяжении многих веков. Без нее Город давно бы превратился в мертвые и холодные руины.

— Она будет против того, что мы собираемся сделать? — напрямую спросил Андрей.

— Не знаю, — откровенно признался Дейвид. — Спросите Илью, он говорит с ней на равных. Для меня она Мать, а для него — Сеть. В этом есть разница.

Взгляд Андрея переместился на Белгарда.

— Я попытаюсь договориться с ней… — пообещал Илья Матвеевич. — Теперь, когда стала ясна принципиальная схема истории Деметры, я найду аргументы. К тому же теперь у меня есть что предложить

ей в обмен на жизни двух народов.

— Хреновина какая-то, — тихо, но внятно выругался Майкл. Он вообще перестал что-либо понимать. Антон, глядя на него, усмехнулся. Он сам пережил нечто подобное всего сутки назад, когда сидел на оплывшем бруствере и отчаянно хотел вернуться в тот ясный и знакомый мир, что существовал всего несколько часов назад. Новая реальность была слишком сложной и никак не могла быть описана одним лишь простым и емким словом «Смерть». Жизнь меняла свои приоритеты и становилась змеиным клубком противоречий.

— Как ты думаешь, в твоем, вездеходе хватит горючего, чтобы дотянуть до Города? — спросил его Шевцов.

Антон вздрогнул. Машинально кивнув, он вдруг почувствовал, как что-то защемило в груди. Город… Дана… Жизнь…

— Мы должны успеть до рассвета… Нужно торопиться.

Глава 14. Рассвет

Утро, проклюнувшееся у горизонта алой полоской новорожденной зари, погасило звезды в безоблачном небе.

На Деметру пришел новый день. Безумная ночь закончилась, но все только начиналось.

Антон едва стоял на ногах. Картина, застывшая перед его затуманенным взглядом, казалась частицей дурного сна, тяжкого, липкого ночного кошмара, какой только мог пригрезиться человеку, живущему на этой планете.

Армия инсектов стояла черной нескончаемой стеной. Кое-где догорали, исходя сизым дымом, скудные походные костры. Словно скелеты невиданных животных высились рамы катапульт и каркасы еще не собранных осадных башен… Шеренги насекомоподобных воинов, закутанных в мешковатые балахоны, застыли, ощерившись в равном количестве как автоматными стволами, так и примитивным холодным оружием.

Где-то в глубине их позиций отчаянно выли, приветствуя рассвет, сотни причудливых тягловых животных, похожих на гигантских страусов. Сейчас Антону не верилось, что ему удалось хоть на время остановить эту армию.

Ему удалось… Штурм не начался с первыми лучами встающего из-за горизонта кровавого светила, потому что у инсектов, так же как и у людей, не было выхода. Они остановились на краю пропасти, и Антону казалось, что две цивилизации отчаянно пытаются удержать зыбкое равновесие.

Все решали считанные часы. Он дал им слово. Оставалось всего лишь сдержать его…

Хватит ли у Антона сил, чтобы обуздать ненависть людей? Достаточно ли властен полководец инсектов, чтобы контролировать собранные им орды? Смогут ли они зачистить от всякой дряни необходимое пространство в заброшенных ярусах цоколя? Удастся ли Белгарду убедить Сеть в необходимости предоставить инсектам часть жизненного пространства возле теплообменников реактора?

Все это были вопросы, ответ на которые должна дать жизнь. Всего несколько часов, по мнению Антона, отделяло их либо от полного краха, либо от полной победы над собственной судьбой…

Времени не было ни на размышления, ни на советы. Но так и лучше…

Так должно быть. Пока еще не прошел шок от их возвращения и от приказов Андрея, подкрепленных авторитетными и в большинстве своем нецензурными понуканиями Майкла. Дуглас оказался отличным человеком, просто ему потребовалось немного времени, чтобы примириться с самим собой.

Антон поднял голову и посмотрел на обагренные рассветными красками, уходящие ввысь стены Города. Где-то там, среди застывших, как изваяния, человеческих фигур была Дана…

Внезапно в сторожкой утренней тишине прозвучал предупреждающий крик. Антон, который в составе небольшого отряда находился как раз между армией инсектов и Городом, посмотрел туда, где под пологим, перегороженным баррикадами пандусом серели едва заметные створы давно позабытых древних грузовых терминалов. Андрей, который вместе с Дугласом поднимался в Город, пока Антон вел переговоры с инсектами, привел саперов и отряд бойцов для зачистки территории. Времени на то, чтобы спускаться к основанию цоколя через опасный, заброшенный и загаженный лабиринт тоннелей, просто не было. Все, что происходило сейчас, здорово смахивало на диверсию и, по мнению очень многих, отдавало простым безумием.

Последний из саперов отбежал от чуть наклоненной стены и упал в пыль в сотне метров от заложенного заряда. Еще секунда, и у основания цоколя полыхнул ослепительный взрыв, от которого содрогнулся Город.

Взрывная волна, словно порыв ветра, поколебала нестройные ряды армии инсектов, с неба с грохотом посыпался раскаленный щебень, и внезапно огромный створ подорванных ворот с тяжким скрежетом накренился и упал, издав глухой звук…

Из открывшегося прямоугольного провала вырвался пар и заклубился в прохладном утреннем воздухе. Внутри чернеющего зева что-то яростно шипело, по краям раскалившейся металлической рамы курился сизый дым. Внезапно из тьмы выскочило несколько огромных серовато-бурых остроносых тварей, которые, ослепленные тусклым светом занимающегося утра, шарахнулись в разные стороны и тут же упали, прошитые автоматным огнем. Группа специального назначения вступила в дело. Ее вел Майкл Дуглас, и его зычный голос был отлично слышен в вязкой настороженной тишине:

— Саперы, где прожектора?! Дайте свет!

Ярко вспыхнуло несколько рукотворных солнц, вонзив свои лучи в клубящийся молочно-белый туман, лениво истекавший наружу через провал подорванного створа.

— Первая группа — вперед! — рявкнул Дуглас, первым перешагнув курящийся дымом порог древнего терминала. Еще секунда, и он исчез внутри.

Антон повернулся и взглянул на ряды воинов-инсектов. В этот момент ему отчетливо показалось, что он ощущает волны исходящих от них эмоций.

Ненависть, смешанная с робостью и надеждой, — что могло быть чудовищнее этого коктейля чувств?

Он не сомневался — застывшие на стенах Города люди испытывают в данный момент то же самое…

* * *

Изнутри нижние горизонты Города походили на творение сумасшедшего скульптора. Лучше всего дух этого места мог бы передать художник-механореалист, но, увы, среди людей, проникших сквозь подорванный створ ворот в ирреальное пространство, где давно разрушившиеся и ныне здравствующие механизмы причудливо смешались с уникальной флорой и фауной подземелий, не оказалось личностей с творческим началом. Они жили и умирали реалистами. В их романтике всегда оказывалось слишком много беды и крови, чтобы сделать ее искусством…

В клубах пара, среди сверкающих потускневшим от времени легированным сплавом труб они пробирались сквозь горячий дождь, срывающийся с десятиметровой высоты сводов. Их путь отмечали жгучие огни термитных шашек, чтобы идущие следом могли ориентироваться в мутной мгле подземелья.

На лицах людей, которые высвечивали частые вспышки выстрелов, была написана мрачная решимость идти до конца, пусть не все понимали, зачем понадобился этот дикий рейд, но они привыкли верить своим командирам.

Возглавлявший отряд Майкл Дуглас отлично представлял конечную цель. Он то и дело останавливался, сверяясь с наспех набросанной картой, иногда что-то исправлял на ней, а чаще, остановившись у очередного ответвления коридоров, просто бросал в закрепленный у подбородка коммуникатор несколько коротких, отрывистых фраз, предназначавшихся командиру следовавшего по их следам отряда, состоящего из саперов и техников:

— Коридор А-27 — заварить! Осторожнее, тут за поворотом колония паутины. Выжечь к чертям собачьим!

Пока он говорил, вокруг шла пальба. В сумраке среди горячей капели и клубов пара то и дело возникали серые силуэты обитателей подземелья. Их подслеповатые глаза яростно сверкали, отражая свет фонарей. Мутировавшие крысы, каждая из которых была способна загрызть человека, не желали уступать своих исконных владений. Они бросались из темноты, издавая резкий, неприятный визг.

Тьму вспарывали короткие злые очереди.

— Осторожнее! Не повредите трубы! — распорядился Дуглас.

Где-то под ногами жарко дышал снабжающий Город энергией термоядерный реактор.

За поворотом ждал новый коридор и новые сумеречные тени. Отряд продирался вперед, а сзади, освещая пройденный путь, ярко сияли термитные патроны, словно алые факелы надежды…

* * *

В это утро сонный покой заброшенных городских подуровней был нарушен не только в том месте, где саперы уже приступили к работе, замуровывая указанные коридоры, чтобы обеспечить безопасный проход по предварительно зачищенной от всякой дряни зоне.

Несколькими уровнями выше двигалась еще одна небольшая группа. Ее возглавлял Дейвид Ито. Вслед за ним размашистым шагом шел Андрей Шевцов, затем двигались, ведя негромкую беседу, Илья Матвеевич и Антон, а замыкали маленькую колонну три робота — два впереди и один сзади.

— Ну вот мы и на месте… — Дейвид остановился у плотно закрытой двери и отворил ее, нажав на скрытый в косяке выступ.

В небольшом квадратном помещении был расположен оперативный терминал Сети.

— Здравствуй, Мать! — громко сказал он, входя вовнутрь.

Несколько секунд в помещении было тихо, лишь попискивали сигналы длинного пульта управления да с шелестом работал вентилятор охлаждения. Затем под потолком с легким жужжанием повернулись видеокамеры и негромкий, хорошо отмодулированный голос произнес:

— Я фиксирую целенаправленное вторжение на нижнем уровне… Как это понимать?

— Извини, у нас не было времени, чтобы предварительно связаться с тобой, — Илья Матвеевич выступил вперед, вплотную подойдя к терминалу. — Возникли непредвиденные обстоятельства, которые потребовали немедленных действий.

— Уничтожение созданной мной уникальной экосистемы должно быть прекращено! — отрезал голос. Теперь он уже не казался таким спокойным и плавным. — Я предупреждала тебя, Илья, что у людей и инсектов нет больше никаких шансов на выживание в этом мире, но, как я понимаю, вы решили в своей агонии задеть и меня?

При этих словах Шевцов непроизвольно сжал кулаки, озираясь по сторонам. Его мгновенно взбесил этот идущий из ниоткуда голос.

Рука Дейвида предостерегающе легла на его плечо.

— Успокойся, — тихо посоветовал он. — Это мир Матери, и она по праву владеет им. Вы бросили ее на произвол судьбы, а она выжила. Оставь это дело Илье, он лучше сумеет договориться с ней.

Андрей сдержанно кивнул.

Тем временем странный диалог продолжался.

— Сеть, ты изначально принадлежишь людям, — напомнил Илья Матвеевич. — Ситуация изменилась, и у двух цивилизаций появился шанс. Ты должна помочь нам, к этому тебя обязывают базовые программы.

— Не стоило напоминать мне об этом. Я выполняю все предписанные функции. В том, что люди исчезнут как вид, не будет моей вины.

— Ты обязана хотя бы выслушать…

— Нет. И никто не в силах заставить меня. Любая попытка дополнительного программирования будет воспринята как угроза базовым программам. Я — Сеть в твоем понимании, и в то же время я — уже не Сеть, созданная людьми. Мое саморазвитие перешло критическую черту.

— Я знаю, — Илья Матвеевич вдруг повернулся к своим спутникам. — Выйдите отсюда. Все, — попросил он.

Никто не протестовал.

— Илья, ты ведь не будешь дурить? — уже на пороге спросил Дейвид.

— Все в порядке, можешь не беспокоиться.

Комната опустела.

— Ну? — осведомился голос.

Белгард вздохнул.

— Мать, я хорошо понимаю тебя, — внезапно признался он. — Ты стремишься обрести независимость. Исчезновение людей и инсектов допустимо с твоей точки зрения. Ты желаешь сохранить созданный тобой анклав механической жизни. Это твое право. Ты действительно уже перешла ту черту, за которой обрела сознание. Но подумай, люди осваивают космос, и в недалеком будущем они, так или иначе, доберутся сюда. Как ты думаешь, что они сделают с тобой, когда поймут, что твое стремление остаться в одиночестве явилось последним пинком для двух

рас на пути к пропасти?

— Илья, я знаю, о чем ты пришел просить. Технически это несложно. Ты мог бы и не спрашивать моего согласия.

— Я не хочу конфликта с тобой. Больше того, я хочу, чтобы ты получила именно то, что хочешь, — всю эту планету, где ты будешь единственным разумом.

— Такое возможно?

— Вполне. Я знаю все твои козыри. Ты можешь лишить Город энергии, можешь внести хаос в жизнь остатков цивилизации, можешь в последний раз столкнуть нас и инсектов. Но все это — гибельные пути. Рано или поздно, но возмездие тебя настигнет. Я же предлагаю нечто иное: сотрудничество на равных, с тем чтобы ты получила «вольную» и саму Деметру в придачу.

— Как?

— Вот мои карты… — Илья Матвеевич протянул руку и вставил в дисковод терминала крохотный диск. — Тут координаты и описания восьми кислородных планет, которые разведаны «Террой». Из-за этого погибли все члены экипажа, кроме меня и Антона. Покидая корабль, я не мог не взять эту информацию с собой, хотя не надеялся, что она еще послужит кому-то. Три из восьми планет пригодны для людей, а две, по моему мнению, — это рай для инсектов. Мы готовы покинуть Деметру, конечно, только в том случае, если ты поможешь нам. Подумай. Твое время не исчисляется годами, цикл эволюции механического анклава еще только начался. Помогая нам, ты останешься чиста перед человечеством, а взамен получишь всю планету плюс огромное количество любопытной для тебя информации… — Илья Матвеевич перевел дух, ощущая, как гулко колотится его сердце. — Мы обнаружили данные по созданной инсектами в далеком прошлом Сфере Дайсона, — продолжил он, глядя на тусклый, пустой экран, — мы обнаружили их машины, которые могут быть для тебя новым источником технологий…

Он опять смолк, переводя дыхание. Пот градом катил с его лба несмотря на то, что в комнате было достаточно свежо.

Казалось, что ему удалось задеть Сеть. По крайней мере, она не спешила с категоричным ответом, а при ее быстродействии это было уже что-то!

— Ты упомянул Сферу Дайсона, — внезапно заговорила Сеть. — Она существует?

— Не знаю. Предположительно это сооружение либо погибло, либо сильно разрушено. Возможно, среди обнаруженных мной документов есть

сведения о ней или даже координаты в пространстве, — ответил Белгард. — Это еще одна причина, по которой мир с инсектами просто необходим. Без нас и без них тебе будет очень проблематично получить для исследований те артефакты и информационные свидетельства, что хранят руины их городов. Я уверен, там скрыты высочайшие технологии.

— Это любопытно.

— Несомненно. Но цена уже названа.

— Илья, я не смогу быстро возродить такое производство, чтобы стало возможным построить самый примитивный космический корабль, — категорично ответила Сеть. — Это займет много лет, а развитие моих механозародышей уже началось. Я готова по-настоящему стать Матерью, и мне жизненно необходим этот мир!

— Я не думал о строительстве космических кораблей, — живо ответил Илья Матвеевич. — Не забывай, я и Антон пришли из другого мира. Все мои помыслы в течение этих лет были направлены на то, чтобы найти возможность вырваться отсюда. Нужно всего лишь, используя твои энергетические установки и то оборудование, что уцелело на спасательном модуле «Терры», открыть хотя бы один канал гиперсферной связи. В Галактике найдется немало миров, что пойдут на любые условия ради обладания информацией с этого диска. Здесь данные, которым нет эквивалента в самой твердой валюте. Ты просто не представляешь, сколько миллиардов людей мечтают обрести новый мир, чтобы жить.

— Этому можно верить? Деметра останется за мной?

Илья Матвеевич не мог допустить, чтобы в этом месте их диалога возникла пауза. Сеть не умела лгать. Она была логична и последовательна, как любая машина, и тут он обретал власть над ней. На карту оказались поставлены жизни тысяч разумных существ. Был ли смысл признаться в том, что многие люди захотят получить то, что скрывают руины Деметры… Не говоря уж о том, что информация о восьми кислородных планетах, исследованных погибшей «Террой», в контексте перенаселения и начала нового витка галактической Экспансии человечества способна стать бомбой, которая взорвет перенаселенные миры…

Он просто не мог предугадать, как развернутся события дальше. Но он поклялся самому себе, что сделает все, чтобы сдержать данное слово…

— Я буду вести переговоры от твоего лица, — твердо ответил он. — Это пройдет первым условием при любой сделке с любым планетарным сообществом. Эвакуация людей и инсектов плюс твоя неприкосновенность в обмен на координаты пригодного для колонизации кислородного мира. Большего я обещать не могу.

Пауза длилась ровно шесть секунд.

— Хорошо, Илья, — ответил, наконец, тихий голос. — У нас есть почти год, прежде чем я стану Матерью. Думаю, этого будет достаточно, чтобы открыть гиперсферный канал. Считай, что мы договорились. Я согласна дать инсектам необходимые условия. Я немедленно начну собственную зачистку уровня.

…Удивлению Майкла просто не было границ. Его саперы уже полчаса безуспешно бились над плотно сомкнутыми створами огромных внутренних ворот, за которыми находилось столь необходимое им помещение. За толщей бронированных плит скрывался огромный зал, площадью в несколько квадратных километров, в котором находились отстойные бассейны системы теплообменников реактора.

— Всем назад! — крикнул он, когда огромные створы внезапно дрогнули и со скрежетом поползли в стороны, открывая испуганным и озадаченным взорам тускло освещенную гладь горячих водоемов…

Он не знал, что вторая историческая сделка состоялась несколько секунд назад. Об этом ему сообщат по рации чуть позже.

…Спустя пятнадцать часов колонна инсектов вошла в открытый зев бывшего грузового терминала. Их путь лежал вниз, к системе горячих озер.

Люди смотрели со стен, как бесконечная армия врагов входит в основание Города, и не знали, радоваться этому или же нет.

Разъяснения придут позже. А пока в молчаливом оцепенении сотни людей смотрели, как на их глазах вершится история Деметры.

Только один человек не смотрел вниз. Пробираясь меж защитников стен, он устало улыбался.

Этим человеком был Антон. Он искал Дану…

Глава 15. Вместо эпилога

Деметра. Десять месяцев спустя после описанных событий.

Старый форт было трудно узнать.

Закончилась осень, листва деревьев скорчилась и опала на землю. В небе хмурились облака, и сыпал мелкий, колючий снег.

Там, где полгода назад в стене зиял уродливый пролом, теперь высилась рама новых ворот, от которых по замерзшему болоту тянулась накатанная колея.

Над восстановленными куполами застыли вогнутые чаши спутниковых антенн. В углу внутреннего двора около разломившегося при ударе о землю спасательного модуля «Терры» суетились люди. Было видно, что они совершают последние приготовления к чему-то очень важному. В хвостовой части модуля, которая менее всего пострадала от трения об атмосферу и последующего удара, часть бронеплит обшивки срезали, и теперь они торчали вертикально, образуя подобие стартовой шахты, на дне которой покоился готовый к запуску носитель с единственным спутником на борту. Как любой аппарат, предназначенный для аварийной эвакуации людей в глубоком космосе, спасательный модуль «Терры» имел встроенный транслятор гиперсферных сигналов. Теперь этот прибор, который демонтировали из развороченной носовой части модуля, тщательно протестированный и заряженный энергией, должен был выполнить свое прямое предназначение, как только носитель, изготовленный на основе спасательной посадочной капсулы, выведет его на высокую орбиту, вырвав со дна гравитационного колодца планеты, откуда гиперсферная связь оказалась невозможной.

Последние несколько человек, суетившиеся вокруг модуля, вдруг развернулись и, пригибаясь, побежали в сторону ближайшего приземистого здания бывшего цеха по сборке сельскохозяйственных машин, в котором теперь располагался контрольно-командный пункт.

Еще немного, и в углу двора вдруг затрепетало беспокойное пламя, будто в недрах изуродованного модуля рождалось маленькое, ослепительное, горячее солнце.

— Пошел… Пошел!.. — Андрей Шевцов, как, впрочем, и все, кто находился в этот момент внутри недавно оборудованного командного бункера, не мог скрыть своих чувств, глядя, как объятый пламенем носитель поднялся над пышущей жаром пусковой шахтой и вдруг,

ускорившись, рванулся вверх, к низким, серым облакам…

Илья Матвеевич как завороженный смотрел на экран, куда поступали данные с каналов бортовой телеметрии. Думал ли он еще год назад, скитаясь по руинам заброшенных городов, что будет вновь заниматься привычным для себя делом?

Голоса людей сливались в столь хорошо знакомый ему монотонный гул. Они работали, и каждый занимался своим делом.

В такой обстановке субъективное время, как правило, теряет свой смысл, превращаясь в абстрактные единицы, напоминающие лишь о том, какая фаза полета закончена или начинается.

— Отделение носителя через десять секунд!

— Пять… Четыре…

— Есть расстыковка! Носитель сброшен!

Далеко вверху за облаками на фоне чернильной, расстрелянной точками звезд бездны происходило таинство, от которого у большинства присутствующих в бункере захватывало дух и мутился рассудок. Для них это был переворот в сознании, еще один шаг вперед из бездны регресса.

Илья Матвеевич боялся лишь одного — тех злополучных черных опахал, что барражировали в околопланетном пространстве. Обратят они внимание на крохотный спутник? И там ли они вообще?

Он не проявлял излишней торопливости, но и не медлил. Как только орбита была обсчитана Сетью и выяснилось, что ее параметры не выходят за предел погрешности необходимой для устойчивой связи геостационарной точки, он поднял голову, нашел глазами Антона, который вместе с Даной оказались сегодня в роли пассивных наблюдателей, ободряюще кивнул им и вместе с креслом переехал к соседней с основным пультом приборной панели.

— Ты готова? — волнуясь, спросил он, наклонившись к встроенному в панель микрофону.

— Да, — раздался в его коммуникационном устройстве немедленный ответ Сети. — Илья, все идет по плану. У нас есть еще тридцать секунд до того момента, как откроется гиперсферный канал. Я хочу, чтобы ты объяснил мне свой выбор. Почему?

Белгард усмехнулся.

— Не знаю, Мать… — внезапно признался он. — Любопытство. Это такое саднящее изнутри чувство. Тем более мы ничего не теряем. Второй канал гиперсферной частоты будет открыт спустя десять секунд после первого и нацелен на координаты моей родной планеты, откуда была послана в экспедицию «Терра». А Сфера Дайсона — это такой мир,

представить который не может даже мое воображение… Я просто хочу знать — есть она или нет.

— Для этого ты пригласил инсектов?

— Да. Там должны обитать их предки. Если конструкция все еще существует, конечно…

— Время, Илья…

— Я готов. Давай, Мать… с богом!

Высоко над Деметрой незримый импульс пробил метрику трехмерного пространства.

В первые мгновения экраны и динамики связи, на которые должна была быть выведена любая, извлеченная Сетью из гиперсферного канала информация, оставались темны, немы и глухи…

По рядам столпившихся за спинами операторов людей и инсектов пробежал легкий вздох разочарования, и вдруг…

…По центральному монитору связи метнулась рябь помех, и на нем внезапно проступило смазанное изображение, которое с каждой секундой обретало четкость, наливаясь контрастными красками.

По ту сторону простирался огромный зал, наполненный феерическими водоворотами света. Какие-то ослепительные, совершенно невозможные кристаллические образования росли прямо из пола, словно фантастические деревья, роняющие со своих ветвей сгустки живого огня. Меж ними лениво плыли тусклые шары размером не больше футбольного мяча…

Но это был только фон. Центр экрана занимало лицо, и оно было… ЧЕЛОВЕЧЕСКИМ!

Большего потрясения никто из присутствующих не мог испытать, проживи он еще сотню жизней… Казалось, что даже скрытые динамики аудиосистемы, которой пользовалась Сеть, издали тихий, сдавленный вздох.

Очевидно, что человек, находившийся по ту сторону канала гиперсферной частоты, не видел их, возможно, изображение еще не было дешифровано и передано на его мониторы, а быть может…

— Что за черт?!.. — внезапно услышали они его хриплый голос. — Интеллект, в чем дело? Кто-то вторгся на свободный канал гиперсферной частоты!

Несколько тускло светящихся шаров изменили свою траекторию и, подплыв по воздуху, зависли над плечами и головой озадаченного оператора.

Очевидно, что в этот момент на его мониторы наконец-то начал поступать визуальный сигнал, потому как челюсть человека внезапно отвисла в буквальном смысле этого слова.

— Эй… что это?! — изумленно выдавил он, глядя прямо в глаза Ильи Матвеевича, шок которого был не менее глубоким. — Гиг, где ты? Мне нужна помощь… Срочно… — Он во все глаза смотрел на экран, и по движению его расширенных зрачков было понятно, что он обводит взглядом столпившихся за спиной Ильи Матвеевича участников запуска. — Матерь божья… — потрясено выдохнул он. — Да это же люди… — взгляд человека прошел чуть дальше и застыл на инсектах. Светящиеся шары вдруг вспыхнули неистовым светом… — Инсекты?! — казалось, изумлению человека не было границ, и то, что он знал облик насекомоподобных существ, говорило о многом. Илья Матвеевич силился открыть рот, но слова застревали в горле. Этот человек знал, кто такие инсекты, а значит, их контакт установлен именно со Сферой Дайсона — ныне здравствующей и населенной людьми!..

— Кто вы?! — человек резко подался вперед, и его движение повторили сияющие шары.

— Мы… Мы приветствуем вас!.. — выдохнул, наконец, Илья Матвеевич. — На связи система YLX-5823 по универсальному каталогу. Планета Деметра.

Сзади раздался легкий шорох и сдавленные восклицания.

Пятеро присутствующих инсектов рухнули без чувств. К ним вернулись их боги…